

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

Редакция журнала
«Обозреватель-Observer»

Негативный имидж российского бизнеса: кто виноват?

Г. РУДОВ

**Проблемы и сложности
государств
Центральной Азии**

Н. МАРКУШИНА

**Северная безопасность
и концепция
«Нового Севера»**

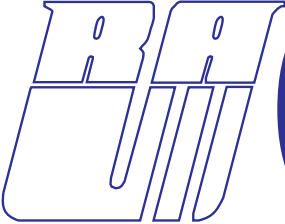
В. ЖУРАВЕЛЬ

**Олимпийские игры –
объект для террористов**

А. БОРЩ

**Социальные революции –
миф или реальность?**

Внешнеполитические дискуссии в США

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО - АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1992 г.

Содержание номера

У рейхстага (стихотворение) 5

А. Цветков

Негативный имидж российского бизнеса: кто виноват? 6

О. Муштук

В статье доказывается, что в негативном восприятии российского бизнеса общественным мнением основная доля «вины» приходится на самих предпринимателей, засилье в их среде девиантных форм деловой активности – делать деньги любой ценой.

Имидж офицерского корпуса Российской армии 16

Д. Крутилин

Анализируя в социологическом плане публикации ряда печатных средств массовой информации о кадровом составе Вооруженных сил Российской Федерации, автор освещает некоторые особенности формирующегося в общественном сознании имиджа офицерского корпуса современной военной организации государства.

Бессознательное российских политических элит: архетипы и комплексы 24

А. Задохин

Рассматривая роль бессознательного в политических процессах и действиях политиков, автор отмечает, что политиками зачастую игнорируются знания психологии личности и общества.

Терроризм на море — угроза национальной безопасности России 32

С. Марков

Указав на особое геополитическое положение России, связанное с большой площадью ее морских пространств, общемировую тенденцию увеличения интенсивности освоения Мирового океана, а также достаточно острые формы соперничества между государствами в этой области, автор рассматривает преступления террористического характера против объектов, осуществляющих морскую деятельность на водных пространствах Российской Федерации и в открытом море как актуальную угрозу национальной безопасности.

Миссии и представительства в системе зарубежных учреждений РПЦ 42

О. Церпицкая

Анализируя роль и место миссий и представительств РПЦ в современной системе её зарубежных учреждений, а также причины и цели их создания, автор выделяет основные актуальные направления международной деятельности Русской Православной Церкви.

Социальные революции — миф или реальность? 49

А. Борщ

Рассматривая социальную революцию как одну из форм политической борьбы, автор выделяет типы социальной революции, раскрывает цель и признаки революционной ситуации, а также такие способы свершения социальной революции, как переворот, заговор, восстание, мятеж.

Олимпийские игры — объект для террористов 60

В. Журавель

Констатируя, что терроризм становится устойчивым и опасным фактором общественной жизни и является самой большой угрозой для человечества в XXI в., автор подчёркивает, что одной из сфер, где терроризм проявляет высокую активность, является международный спорт, в том числе Олимпийские игры.

Внешнеполитические дискуссии в США 65

О. Приходько

Анализируя ряд наиболее актуальных проблем внешней политики США в контексте тех дискуссий, которые идут в американском политико-экспертном сообществе, автор особое внимание уделяет влиянию на внешнюю политику внутренних ограничителей в виде растущего госдолга США, критически оценивая при этом те рекомендации, которые администрация Б. Обамы получает от экспертов, и то, как они преломляются в конкретной внешнеполитической практике Белого дома.

Китай на пути к «сверхдержаве»: сколько осталось пройти?

78

С. Лузянин, М. Мамонов

Статья посвящена месту и роли Китая в глобальной и региональной политике, противоречивому процессу его «возвышения» и отношениям с США, странами Африки и Латинской Америки, ШОС, БРИКС, АСЕАН и другими. В ней анализируются теоретические и практические проблемы формирования новых китайских подходов по ключевым вопросам безопасности, мира и развития.

Северная безопасность и концепция «Нового Севера»

92

Н. Маркушина

Рассматривая вопросы северной безопасности, «мягкой» и «жесткой» безопасности, а также концепцию «Нового Севера», автор даёт оценку сотрудничества стран Северной Европы с НАТО и ЕС, роли России и проекта «Северного измерения».

Проблемы и сложности развития государств Центральной Азии

101

Г. Рудов

Автор делает попытку показать обстановку в близком России регионе — Центральной Азии, сложившуюся с учетом событий, произошедших после введения коалиционных сил НАТО в Афганистан.

«Странная война» на Западе 1939–1940 гг.: военная катастрофа или ход в «Большой игре»?

110

В. Литвиненко

Во второй части статьи автор анализирует феномен так называемой «Странной войны» между гитлеровской Германией, с одной стороны, и англо-французскими войсками, с другой, а также рассматривает особенности этого периода война на западном ТВД вплоть до его завершения.

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель–Observer» включен в [Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий](#), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Перечень введен в действие с 1 января 2007 года.

Издатель

научно-исследовательская фирма «РАУ-УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия

ШТОЛЬ В. В. — главный редактор, д. п. н., проф.

ЕРЕМЕНКО И. Н. — исп. директор, к. т. н.; НОВИКОВ Ю. Д. — зам. гл. редактора; АБАШИДЗЕ А. Х. — д. ю. н., проф.; БЕРКОВ А. А. — к. ю. н.; БОЙКО Ю. П. — д. п. н., проф.; ГРОМЫКО А. А. — д. п. н.; ГУСЬКОВА Е. Ю. — д. и. н.; ЗАДОХИН А. Г. — д. п. н., проф.; ЗИМЕНКОВ А. Л. — д. п. н.; КОМАРОВ И. К. — д. э. н.; КРУГЛОВ В. В. — д. в. н., проф., генерал-майор; ЛУЗЯНИН С. Г. — д. п. н., проф.; ОРЛОВ А. А. — к. и. н.; ПАВЛЕНКО В. Б. — д. п. н.; ПЛЯИС Я. А. — д. п. н., проф.; РУДОВ Г. А. — д. п. н., проф., Чрезвычайный и Полномочный Посол; ЦВЕТКОВ А. И. — д. в. н., проф., Заслуженный деятель науки РФ.

Научно-редакционный совет

- АРИСТОВ В. В. — член-корреспондент РАН
ГАБАРАЕВ Б. А. — доктор технических наук, Заслуженный энергетик РФ
ГАЛОГАНОВ А. П. — президент Адвокатской палаты Московской области, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
ГРИБ В. В. — заместитель Председателя комиссии по региональному развитию и местному самоуправлению Общественной палаты России, заместитель Председателя правления Ассоциации юристов России
ДЕЛЯГИН М. Г. — директор Института проблем глобализации, доктор экономических наук, профессор
ЖУРКИН В. В. — Почетный директор Института Европы РАН, академик РАН
ЗОРИН В. С. — первый заместитель председателя Федерации «Мира и согласия», доктор исторических наук, профессор
ИВАШОВ Л. Г. — президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор
ИВЛИЕВ Г. П. — депутат Госдумы ФС РФ, председатель комитета по культуре
КРЕМЕНЮК В. А. — заместитель директора ИСКРАН, доктор исторических наук, профессор
ЛАДЫГИН Ф. И. — вице-президент Совета ветеранов военной разведки, генерал-полковник
МУРАДОВ Г. Л. — первый заместитель руководителя департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы, председатель правления фонда международного сотрудничества им. Юрия Долгорукова, кандидат исторических наук
ПЕТРАКОВ Н. Я. — директор Института проблем рынка РАН, академик РАН
ПИВОВАРОВ Ю. С. — директор ИНИОН РАН, академик РАН
ПРИМАКОВ Е. М. — академик РАН
СУХАРЕВ А. Я. — советник Генерального прокурора РФ, доктор юридических наук, профессор
ТИТАРЕНКО М. Л. — директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН
ТОРКУНОВ А. В. — ректор МГИМО (У) МИД России, академик РАН, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель РАС ООН
ШАХНАЗАРОВ К. Г. — генеральный директор киноконцерна «Мосфильм»
ЩЕРБАКОВ И. А. — директор Института общей физики им. А. М. Прохорова РАН, член-корреспондент РАН, профессор
ЯКОВЛЕВ В. Ф. — советник Президента РФ по правовым вопросам, доктор юридических наук, профессор

© РАУ-Университет

У рейхстага

Анатолий Цветков

Моей матери Ольге Филипповне

У рейхстага стою, еще стелется дым,
А на куполе — красное знамя.
Мама, я верил, что мы устоим
И Победа желанная будет за нами.

У рейхстага стою, вокруг ликование,
Палят в небо мои фронтовые друзья.
Мама, кончилось горе, народа страданье,
Хотя и не все, но вернутся домой сыновья.

У рейхстага стою, вера моя непреклонна
В новый взлет изнуренной великой страны.
Мама, скоро пойдут чередой эшелоны
С самой жестокой и долгой войны.

У рейхстага стою, меня новые думы терзают,
Сумеем ли мы свободу свою отстоять?
Мама, кажется, тени новых фашистов мелькают,
Чтобы столь долгожданную нашу Победу отнять.

У рейхстага стою, как на финише нашей Победы,
И с тревогой смотрю на багрового солнца закат.
Мама, я отведу от нас новые беды,
Недаром со мной не остывший еще автомат.

ЦВЕТКОВ Анатолий Исаевич – член Союза писателей России. E-mail: anatoli2010@gmail.com

Негативный имидж российского бизнеса: кто виноват?

Орест Муштук

В мае 2010 г. Левада-Центром был проведен всероссийский опрос, цель которого выяснить, как россияне оценивают западных и отечественных предпринимателей. Оказалось, что при доминанте положительных оценок первых, вторые отмечены сплошным негативом.

Так, на вопрос «Какие качества, по вашему мнению, присущи бизнесменам?» респонденты выделили в числе ведущих:

- у западных предпринимателей – «деловую хватку» (55 %), «трезвый расчет и рационализм» (49 %), «высокий профессионализм и компетентность» (41 %);
- у российских – «жажду наживы» (51 %), «склонность к разного рода жульничеству и махинациям» (49 %), «неразборчивость в средствах достижения цели» (40 %).

При этом большинство считает, что «порядочных и честных капиталистов» в России в десять раз меньше, чем на Западе. А «щедрость, благородство и склонность к благотворительности» они способны проявлять по мнению только 7 % опрошенных¹.

Комментируя эти нелицеприятные для отечественного бизнеса итоги, эксперты «Независимой газеты» убеждают читателя, что основная вина за них лежит на... государстве.

По словам директора по макроэкономическим исследованиям Высшей школы экономики С. Алексашенко, весь этот негатив «есть результат целенаправленной пропаганды государства. Как государство относится к бизнесу, так население его воспринимает <...> Это абсолютно связанные вещи и ничего другого здесь нет». Для этого достаточно «почитать выступления нашего президента, ныне премьера, пяти-, семилетней давности, вспомнить о его отношении к экс-главе ЮКОС М. Ходорковскому, посмотреть, что показывают по телевизору»¹.

МУШТУК Орест Захарович – кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Московской финансово-промышленной академии. E-mail: mushtuk@mail.ru

Ключевые слова: налоговые уклонисты, «черная» обналичка, офшорный рай, ценовой беспредел, контрафактная продукция, офисное рабство.

Помимо государства, которое склонно разыгрывать «предпринимательскую карту» всякий раз, когда в экономике происходят разного рода «обвалы» и «аномалии», немаловажную роль играет и глубоко укоренившийся в массовом сознании стереотип, что на Руси любое богатство (а тем более скоропалительное, исчисляемое миллиардами долларов) наживается нечестным путем, имеет в своем основании явное или завуалированное преступление, а также однобокое освещение жизнедеятельности отечественных предпринимателей в СМИ, особенно ТВ, гипертрофия выпячивания ее рекламно-презентационных и потребительских сторон, криминал на почве конкуренции и борьбы за передел сфер влияния.

Однако при всей значимости этих факторов очень значительная (если не основная) доля «вины» за формирование антиобщественного лица отечественных предпринимателей все же лежит на них самих. И обусловливается засильем в их среде форм и технологий деловой активности, далеких от того, чтобы называться цивилизованными.

Платить все налоги государству – признак дурного тона

Не секрет, что одним из ключевых источников процветания государства и общества в целом являются налоги и другие (своевременно и в полном объеме уплачиваемые) выплаты с частного бизнеса. С их помощью государство не только регулирует экономику, но и, что не менее важно, занимается ее социализацией, то есть бюджетным перераспределением доходов от богатых в пользу особо нуждающихся, осуществляя на деле один из базовых принципов социально ориентированного рынка: «Против нищеты и бедности, за достойные условия существования всех и каждого».

Если предприниматель преднамеренно уходит от налогов и выводит свои доходы «в тень», то он обкрадывает не только государство, но и социально уязвимые слои населения – детей, стариков, инвалидов и т. д., нарушая тем самым исходную социальную заповедь рынка: «Хочешь жить сам, дай возможность жить другим. И не только дай, но и помогай жить другим».

Несмотря на то что с 1 января 2001 г. в России установлен единый для всех подоходный налог в 13% (чего, кстати, нет ни в одной из запад-

ных стран), количество «налоговых уклонистов» по-прежнему зашкаливает. Если взять всю статистическую сумму доходов граждан и сравнить ее с суммой, которая поступает в бюджет от подоходного налога, то обнаружится, что по факту люди платят лишь 5,3%, то есть меньше половины. И среди тех, кто различными способами уходит от налогов «пальма первенства» принадлежит не простым смертным, в «поте лица своего добывающих хлеб насущный», а бизнес-структурам и тем, кто получает высокие доходы (то есть крупным корпорациям и их владельцам).

При этом используется не только так называемая оптимизация налогов (бреши в налоговом законодательстве). Основных каналов два: это разного рода офшорные схемы и банальная «черная обналичка».

В первом случае речь идет о том, что вся российская крупная частная собственность оформлена, как правило, на никому не известные маленькие фирмы, зарегистрированные за рубежом в офшорных зонах («налоговых гаванях») – территориях, где любые доходы компаний, полученные от ком-

мерческих операций за пределами страны, не облагаются налогами*.

Эти фирмы чаще всего являются первыми покупателями продукции российских предприятий, поставляемой на экспорт. При этом вначале она покупается по заниженной цене, а затем перепродается на мировом рынке уже по нормальной. Полученная разница остается в офшоре и как не подлежащая налогообложению полностью оседает в карманах фактических владельцев предприятий.

Именно за такое офшорное «бегство» от налогов В. Путин летом 2008 г. учинил разное руководству компании «Мечел». Хотя, как отмечает учредитель Института национальной стратегии С. Белковский, «подобными схемами пользуются почти все».

В итоге «офшорные схемы, по его подсчетам, позволяют занижать налогооблагаемую базу в целом по российской экономике на 30–40 %, то есть на сотни миллиардов рублей»².

А вот как описывает С. Белковский второй способ уклонения от налогов – «черную обналичку».

«Корпорация (предприятие) заключает фиктивный контракт на поставку товаров или услуг с фирмой-однодневкой (так называемой „помойкой“). Потом получает 90 % или чуть больше перечисленной суммы неучтенными наличными и – бывай здоров. Вскоре „помойка“, чьими формальными учредителями числятся, как правило, недееспособные лица (психически больные, находящиеся в местах лишения свободы и т. п.) ликвидируется. И тогда предприятие начинает работать с другой „по-

мойкой“ и так далее. Полученная же „черная“ наличность используется для выплат зарплат „в конвертах“ и других нужд»².

Как результат (широкого применения такого рода ресурсосберегающих технологий), собираемость налогов в России в лучшем случае колеблется на уровне 60–65 % от расчетной суммы, тогда как в западных странах этот показатель составляет в среднем 95 % от плана.

Если в США доля подоходного налога в ВВП доходит до 10 %, а в Западной Европе балансирует на уровне 8–10 %, то в России не превышает 4 %.

Зато непрерывно растет сумма российских авуаров в зарубежных банках, достигнув, по разным оценкам, астрономической цифры в 350–500 млрд долл.

Суммарный же вывоз капитала (с учетом приобретенной в зарубежных странах недвижимости и объема прямых инвестиций в их экономику и т. д.) за годы реформ, по некоторым данным, составил в целом порядка 1,5–2 трлн долл.

Данная ситуация – прямой результат влияния как минимум двух факторов. Первый – российская экономика – это почти на 50 % теневая экономика, экономика «серого и черного нала». И «светиться» тем, кто ее олицетворяет, смерти подобно. Второй – отечественные предприниматели, в отличие от западных предпринимателей в массе своей не довольствуются прибылью на уровне 5–7 %. Они ориентированы на получение прибыли в «разы». И очень

* География этих зон (своеобразных экономических «бермудских треугольников», в определении спикера Совета Федерации РФ С. Миронова), где, по некоторым данным, «прописано» почти 95 % крупнейших российских предприятий и банков, довольно обширна. Наряду с «традиционными» Кипром и странами Балтии (в особенности Латвией), которые, правда, становятся все менее привлекательными (из-за вхождения в Евросоюз и требований к прозрачности их финансовых систем), у наших олигархов появились новые «фавориты». Среди них так называемые «дорогие» офшоры (Гибралтар, о. Мэн, о-ва Гернси и Джерси – все находятся под политической юрисдикцией Великобритании) и «дешевые» (о-ва Сент-Китс и Невис, Британские Виргинские и Каймановы о-ва, все маленькие страны Карибского бассейна).

нетерпеливы в своем стремлении разбогатеть. Хочется иметь много и сразу, а не корпеть годами и десятилетиями.

Если на Западе, к примеру, прибыль жилищных строительных компаний измеряется порядка 20 %, то у нас... 600–800 %.

В 2007 г. стоимость 1 кв. м общей площади жилого дома составила 16,4 тыс. руб., или 34,5 % стоимости жилья на первичном рынке. Остальные 65,5 % стоимости – спекулятивная составляющая*.

Предприниматели-работодатели с психологией крепостников

Когда говорят о конкурентных преимуществах России, то в числе других непременно указывают на такой фактор, как дешевая рабочая сила. Это единственный товар, который у нас остается недооцененным. И в 5–6 раз отстает от той цены, которая установлена на него в западных странах. Это не потому, что у нас производительность труда ниже европейской, а, в первую очередь, потому, что наши работодатели, не наступив пока на грабли классовой борьбы, воспринимают своих работников не как наемных работников при капитализме, которым надо платить зарплату, соответствующую реальной стоимости рабочей силы, а как крепостных (или «офисных рабов»), которых держат на грани выживаемости. И в любой момент готовы выставить за дверь.

Даже с учетом того, что во 2-м квартале 2010 г. среднемесячная зарплата в России преодолела 20-тысячный барьер и составила 20.809 руб. (при среднемесячных денежных доходах в 18.532 руб. и прожиточном минимуме в 5625 руб.), она все еще весьма далека от той, которая обеспечивала бы работнику и членам его семьи безбедную жизнь, а если

Нельзя в этой связи не согласиться с директором Института Европы, академиком РАН Н. Шмелевым, который пишет: «Русский бизнес – жлобский по натуре... Ну, нельзя, чтобы квадратный метр жилья стоил 6 тыс. долл.! Полторы – красная цена. Проблема – в человеческом факторе. Это поколение бизнесменов безнадежно избаловано заоблачной прибылью... В их кругах считается: если не обеспечил себе (как минимум) 100 % годовой прибыли, то ты идиот. А за рубежом 10–15 % – уже удача»³.

и позволяет им воспроизводиться, то только физиологически, да и то в «хирующем виде».

Советник директора Института социально-экономических проблем народонаселения РАН академик Н. Римащевская свидетельствует, что с 1965 по 2008 г. число детей от 0 до 14 лет, имеющих диагноз «анемия» (малокровие, вызванное недостаточным или нездоровым питанием), в России удвоилось, а среди детей 15–17 лет выросло в 3,5 раза.

Дальше будет хуже: сейчас 40 % беременных и кормящих россиянок также страдают от анемии – болезни бедных и настоящего бича малых городов, где у людей маленькие зарплаты и нет возможности, как в деревне, прокормиться с земли. И именно они, работающие, но бедные, чаще всего умирают, не дожив до 60 лет⁴.

Особо четко эта ситуация (когда бизнес воспринимает сотрудников исключительно как «живой товар» и чуть что пытается экономить за счет рабочих) проявляется в кризисных условиях.

Уже в октябре 2008 г. Российский союз промышленников и предпринимателей представил Минздраву предложение аннулировать в Трудовом кодексе обязательство работодателя

* Если купюру в 5000 руб. сложить пополам, то ее площадь в точности совпадает с площадью московского жилья, которое можно купить на эти деньги.

выплачивать увольняемому по сокращению штатов и не нашедшему новой работы сотруднику зарплату в течение двух месяцев, ограничившись лишь увольнительным пособием – около одной месячной зарплаты. В таком случае при увольнении 1 % экономически активного населения работодатели сэкономили бы около 25–30 млрд руб.⁵

В апреле 2010 г. РСПП дополнил это предложение так – сделать трудовое законодательство более гибким в части увольнения работников, а также нормирования времени работы и отдыха.

Его озвучил президент группы ОНЭКСИМ и глава комитета по рынку труда и кадровым стратегиям РСПП М. Прохоров с мотивацией: «существующее трудовое законодательство сдерживает инновационное развитие».

Оппонируя Прохорову, особенно в части увольнений, зампреда Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР) Н. Кузьмина справедливо замечает, что «гибкий рынок труда – это система отношений, когда работник может легко адаптироваться к изменившимся обстоятельствам, а не когда его можно с легкостью выбросить за ворота»⁶.

Еще одно дополнение к этим двум закабальным работника предложениям озвучил (октябрь 2010 г.) владелец американского баскетбольного клуба «Нью-Джерси Нетс», все тот же М. Прохоров, предложив увеличить рабочую неделю с нынешних 40 до 60 ч, то есть вкалывать не по 8, а по 12 ч в день. Правда, с оговоркой: с согласия работников предприятия. Вся «фишка» в том, что при таком продленном рабочем дне платить будут по обычной ставке, а не так как сейчас: если человек работает больше 8 ч в день, то ему полагается повышенная плата.

В одном пакете с этим сенсационным увеличением рабочего графика РСПП предлагает разрешить работодателю в одностороннем порядке менять условия трудового договора. При этом руководство компании сможет уведомить подчиненного о корректи-

ровок в договоре (равно как и об увольнении) не за два месяца, как сейчас, а за один. Что касается оплачиваемого учебного отпуска, то он будет причитаться лишь тем сотрудникам, которые поступили в вуз по направлению от предприятия. Предлагается также брать на срочный договор тех, кто впервые устраивается на работу. Этот договор надо будет продлевать раз в год или не продлевать, если работник не подошел работодателю.

Имея в виду, что в частном секторе профсоюзов практически нет, то все эти инновации лишь развяжут руки работодателям, которые под угрозой увольнения смогут заставить работника подписаться под любым приказом. Как можно удлинить рабочий день рабочих у станка, если еще вчера многих переводили на неполный рабочий день и в стране сохраняется высокий уровень безработицы с перспективой роста?

«Несмотря на наличие огромной безработицы, капиталисты и теперь ведут усиленное наступление на рабочий день, стремясь к его максимальному удлинению. Рабочие в капиталистических странах могут только мечтать о том, чтобы отстоять 8-часовой рабочий день там, где этого они добились раньше»⁷.

Эта цитата из доклада В. Молотова VI Съезду Советов (1931 г.) звучит более чем актуальной, если к тому же учесть, что в сегодняшней России многие профессии фактически итак переведены на ненормированный рабочий день. А многие категории наемных работников, чтобы заработать, трудятся на полторы-две ставки. У бюджетников есть даже поговорка: «На одну зарплату есть нечего, а на две – некогда».

Несомненно прав глава думского Комитета по социальной политике А. Исаев, когда подчеркивает: «То, что предлагают некоторые представители РСПП, не имеет никакого отношения к модернизации трудовой деятельности – это стимулирование чисто рабского труда»⁸.

В истории с инновациями М. Прохорова интересен и такой факт.

Сначала в РСПП с гневом опровергли «инсинуации» прессы о продлении трудовой недели, а 2 ноября пресс-служба этого «профсоюза олигархов» заявила: «В связи с появлением в некоторых СМИ информации о том, что РСПП якобы предлагает увеличение продолжительности рабочего времени в стране с 40 до 60 ч в неделю, сообщаем, что подобного рода инициативы в РСПП и в рабочих органах РСПП не рассматривались и не могли быть рассмотрены».

Обогащение за казенный кошт

На этом фоне миллионов работающих, но бедных россиян, благосостояние наших «набобов», несмотря на кризис, продолжает расти.

По данным журнала *Forbes*, за кризисный 2009 г. число долларовых миллиардеров у нас увеличилось с 32 до 62 чел., что является одним из самых высоких результатов в мире.

Этот рост происходит не за счет наращивания производственных мощностей и технической реконструкции предприятий, а за счет антикризисных мер правительства, крупных государственных вливаний в фондовый рынок.

Известно, что львиная доля всех антикризисных расходов пришлась на банки. Предполагалось, что они быстро возобновят финансирование реального сектора, помогут среднему бизнесу. Но банкиры просто-напросто проглотили эти деньги. Хуже того, значительная часть этих средств тут же была выведена за границу.

К примеру, Межпромбанк, у которого в октябре 2010 г. отозвали лицензию, дал займам предприятиям лишь 6% (около 9 млрд руб.) от полученных «льготных» госкредитов.

Остальное осело на зарубежных счетах владельцев банка, выплачено им в качестве дивидендов и потрачено на покупку самолета.

Но уже через две недели РСПП официально представил совершенно иное, а именно те самые поправки в Трудовое законодательство, которые якобы «не рассматривались и не могли быть рассмотрены»⁹. Хотя чему тут удивляться: порядочность и верность слову как нравственно-этические категории пока что не очень в чести среди наших «капиталистов». В том числе и среди тех, которые в роли «капитанов» ведут нас в «светлое рыночное завтра».

Но что самое интересное. Когда государство дает несколько сот тысяч рублей родившим второго ребенка, траты отслеживаются до копейки. И использовать средства на нужные, но не предусмотренные в законе цели невозможно. А вот установить надзор за миллиардными кризисными кредитами банкам ума не хватает – такого закона, который обязывал бы банк сообщать кредитору, на какие цели он направил выделенные средства, нет. А собственные проверки ЦБ РФ, по свидетельству его экс-главы С. Дубинина, – процедура длительная. И то, что деньги уплыли в неизвестном направлении, можно выяснить лишь спустя полтора-два года после начала выдачи госзаймов.

И еще из этой же серии: в феврале 2010 г. во время посещения Саяно-Шушенской ГЭС для проверки восстановительных работ В. Путин, говоря об ответственности бизнеса за выполнение программ развития электроэнергетики, предъявил энергетикам серьезные претензии.

Напомним им, что за счет допэмиссии они получили 450 млрд государственных денег на новые стройки. Из них лишь 270 млрд руб. израсходованы по прямому назначению, 100 млрд руб. пока не востребованы,

а 67 млрд руб. компании потратили на свои текущие нужды. Как сказал премьер, эти деньги «проедались» или шли на спекулятивные цели. Из почти ста энергоблоков, которые должны быть построены, лишь 38 строятся, еще на 14 начаты подготовительные работы, а на 45 пока что и «конь не валялся».

Особое недовольство у В. Путина вызвали предприятия, где главными акционерами являются олигархи в лице Потанина, Лебедева, Прохорова и Вексельберга. Имея их в виду, а также всех тех, кто «проедает, уводит средства за границу», глава правительства пообещал, что спрос с них будет жестким, в том числе и со стороны Генпрокуратуры¹⁰.

Не менее показателен в плане «трудовых свершений» наших «маяков капитализма» и такой факт. При огромных запасах нефтяных месторождений существует опасность, что с каждым годом в стране будет добываться все меньше «черного золота».

Все дело в том, что нефтяные компании как экономили на разведке и освоении новых месторождений, так и продолжают экономить: если в 1990 г. в СССР пробурили 5285 тыс. м, то сего-

дня в России бурят всего около 1500 тыс. м. Это значит, что львиная доля нефти по-прежнему качается из месторождений, разработанных еще в советское время. Большинство из них на исходе.

Так, кладовые Западной Сибири выработаны более чем на 60 %, и добывать из них сырье становится все сложнее. А на новых технологиях, которые облегчили бы этот процесс, компании тоже экономят.

Результат: кое-где себестоимость добычи превысила 100 долл. за баррель и извлечение сырья там уже не приносит дохода.

При этом нет надежды и на то, что, отказавшись от старых месторождений, нефтяники бросятся осваивать новые.

В 2009 г. из новых добыли всего 7–8 млн т нефти, тогда как в целом по стране – 500 млн т.

Такая ситуация, говорит глава Фонда национальной энергетической безопасности К. Симонов, «во многом объясняется тем, что у владельцев нефтяных компаний психология временщиков: желание выжать максимум прибыли из советского наследия»¹¹.

Ценовый беспредел и царство контрафакта

Согласно данным Росстата, с начала 2010 г. инфляция в России составила всего 6,8 % – это один из самых низких показателей за всю постсоциалистическую историю страны. Однако при этом стоимость минимального набора продуктов питания выросла на 15,2 %, превывсив, таким образом, более чем в два раза уровень инфляции. Примечательным здесь является тот факт, что речь идет об удорожании не экзотических и элитных продуктов, а социально значимых, по сути, продуктов первой необходимости: хлеб, крупы, макаронные изде-

лия, картофель, простейшие виды овощей (капуста, огурцы, помидоры, лук), фрукты, сахар, мясо, рыба, молоко, сыр, творог, масло сливочное, масло растительное, яйца, чай, соль. Причем рост цен на отдельные продукты (на гречку, к примеру) достигает 50 % и более.

И. Николаев, директор департамента стратегического анализа компании ФБК, утверждает, что «неоправданно дорогих товаров не бывает в принципе. Если их покупают по заявленной цене, значит, стоимость оправдана. Это естественное желание продавцов – найти такую цену, при которой они будут полу-

чать максимальную прибыль. Ну не буду я как пионер продавать попкорн за 25 руб., если у меня его охотно и за 200 руб. покупают!»¹² А если тебе цена не нравится, не покупай! Тебя же никто не заставляет!

Если исходить из презумпции, что у предпринимателей есть только один закон – прибыль и ничего кроме прибыли, а все остальное – от лукавого, то все вроде бы логично. Разве можно обвинять таксистов, которые во время теракта в столичном метро драли три шкуры за доставку пострадавших в больницу? Или за то, что с умирающих от летней жары требовали три цены за вентилятор? Конечно же, нет: предоставилась возможность хапнуть – плюй на все, и хапай! Что называется, «куй железо, не отходя от кассы!».

Однако если посмотреть на эту проблему через социальную призму, то такая логика, за версту отдающая круто замешанным на цинизме голым прагматизмом, неприемлема. Ведь товары товарам рознь. Без попкорна и «буржуйских рябчиков вкупе с ананасами» вполне можно обойтись. Причем без ущерба для здоровья. Но как обойтись без социально значимых продуктов питания и товаров первой необходимости, потребление которых обеспечивает выживание человека как биологического существа? «Не надо жить ради того, чтобы есть, но иногда надо есть ради того, чтобы жить». **Когда под шумок кризиса и таких постигших страну летом 2010 г. стихийных бедствий, как засуха и пожары, пузырь потребительских цен вздувается до небес, то это не бизнес. Это чистой воды спекуляция, а по сути, – бандитизм.**

Про таких любителей спекулятивной прибыли-наживы на Руси без обиняков говорили: «Креста на тебе нет». И всем было понятно, что речь идет

о бесчестном купце – стяжателе, торгаше – барышнике, стремящемся сбыть свой ходовой товар по ломовой цене.

Не так давно автор этих строк в рамках курса «Социология предпринимательства», который читается слушателям, получающим второе высшее образование, предложил им высказать свое отношение в форме краткого эссе к цитате: «Задача предприятия производить для потребления, а не для наживы или спекуляции. Спекуляция с готовыми продуктами не имеет ничего общего с делами – она означает не больше и не меньше как более пристойный вид воровства».

При этом перед ними была поставлена задача определить идеологическую ориентацию автора, так как имя этого автора названо не было. Сознательно.

Оказалось, что мнение большинства почти полностью совпадает с тем, что говорит И. Николаев. Все убеждены, что такое мог сказать только (если воспользоваться лексиконом В. Новодворской) «махровый коммуняка», тогда как на самом деле автором этой цитаты является Г. Форд. Человек, которого невозможно заподозрить в симпатиях к коммунистической идеологии.

Этот пример лишний раз подтверждает правду о том, насколько упрощенно и вульгарно-монетаризированно воспринимается в массовом сознании (и прежде всего в сознании самих предпринимателей, а также соловьиных певцов «невидимой руки» рынка) понятие бизнеса, вся суть которого сводится к получению прибыли, причем прибыли немереной, что называется, без границ.

На самом же деле **бизнес – это не только прибыль. Бизнес есть прежде всего институт социального служения.** И в любой предпринимательской деятельности помимо частного личного интереса всегда должен присутствовать и учитываться интерес общественный. Личная выгода должна органически сочетаться с обществен-

ной пользой. Если же это не так, то мы имеем дело не с бизнесом, а с противоправной и аморальной деятельностью с целью несправедливого обогащения и наживы. «Бизнесом», у которого на каждую хорошую статью «дохода» всегда найдется «плохая» в Уголовном кодексе.

Разве можно назвать бизнесом то, что на отечественном потребительском рынке правит бал низкопробный (а то и вообще лишенный реальных потребительских свойств) контрафакт, что в торговых сетях и магазинах потребителей массово травят продуктами с просроченными сроками годности, предварительно «оживив» их с помощью «технологий», от познания которых нормального человека буквально выворачивает наизнанку.

Именно этот тошнотворный эффект испытываешь при чтении письма бывшего продавца крупного сетевого продуктового магазина в Ростове-на-Дону Татьяны О., опубликованного на страницах «АиФ» в рубрике «В магазин — за свежей отравой».

Уволившись по собственному желанию, так как, по ее выражению, «кончились моральные силы», Татьяна рассказывает: «После окончания работы магазина все продавцы бросались „освежать“ товары для следующего торгового дня. Смена старой наклейки со сроком годности на новую — самое безобидное, что мы делали. Если возмущенный покупатель приносил тухлый продукт назад, то требовалось сделать сначала удивленное лицо и спросить: „Ой, а вы уверены, что это у нас покупали? Где чек?“ Чек мы сами же всегда сминали и выбрасыва-

ли, едва покупатель успевал сгрести товар с прилавка».

Если покупатель в ярости и байка про чек не проходит, деньги возвращали, пригласив менеджера, который искренне удивлялся, почему так плохо пахнет свежий, судя по наклейке, продукт.

Тухлую колбасу или сосиски мы отмывали от слизи в жидкости для мытья посуды, затем смазывали растительным маслом. Завонявшую рыбу споласкивали марганцовкой, подкрашивали жабры красной акварельной краской и замораживали, как камень.

Однажды в мешок с рисом нагадила кошка, жившая в магазине. Думаете, рис выбросили? Нет, дерьмо выбросили, а рис перемешали и расфасовали в плотные полиэтиленовые мешочки. А сколько мышей в бочках с солеными огурцами тонет! Последней каплей стали шоколадные конфеты, изъеденные червями. Работали кропотливо: червяков выковыривали, а дырочки залепляли, подтаивая конфетки на свечах. Теперь, — заключает весь этот ужас Татьяна, — продукты триста раз помну и понюхаю, прежде чем достать кошелек»¹³.

И самое ужасное во всем этом то, что такого рода «продуктореанимирующие» технологии не исключение, а правило.

По свидетельству председателя Общества защиты прав потребителей «Общественный контроль» М. Аншакова, «У нас в магазинах уже давно налажено безотходное производство. Все просроченные товары просто перемаркируются и ставится новая дата. Нет такой проблемы у магазинов — как сбыть товар. К тому же государственный контроль отсутствует полностью»¹⁴.

Один из американских экономистов как-то высказался о том, что поведению на рынке, как и в любви, особенно учить не надо — это то, что дано человеку самой природой, на уровне исходных (мотивирующих первичные рамки поведения человека) психофизиологических инстинктов.

«Генетический код предпринимательства», однако, в разных общественных системах может проявляться, и действительно проявляется, по-разному. Если нет взращенных эволюцией страха не только перед законом, но и перед Богом и общественным мнением, если не сформированы определенные нравственно-этические императивы и табу, построенная на самодисциплине и самоконтроле соци-

альная ответственность личности, то такого рода «генетика» (то есть бизнес) чаще всего принимает девиантные, патологические формы. И «зверино-земное» начало в человеке, не привыкшем к духовной работе над собой, к претворению низшей природы в природу высшую, выступает на первый план.

Именно это и имеет место в современной России. Несмотря на более чем 20-летнюю историю легальной деятельности, отечественный бизнес в основной своей массе все еще не вышел за биологические рамки, не излечился от дикой алчности и установки на делание денег любой ценой. То, что он именно таким асоциальным и жлобским воспринимается общественным мнением, «заслуга» не государства и не СМИ, а его самого, «родимого».

Примечания

- ¹ Самарина А. Бизнес-антиподы в головах россиян // Независимая газета. 2010. 4 июня.
- ² Белковский С. Уклонисты. Как прячут деньги олигархи? // АиФ. Деловая среда. 2008. № 50
- ³ Шмелев Н. Русский бизнес – жлобский по натуре. Перевоспитает ли олигархов кризис? Интервью // АиФ. Деловая среда. 2009. № 1-2.
- ⁴ Комсомольская правда. 2010. 18–25 февраля.
- ⁵ Мир новостей. 2008. № 43. 14 октября.
- ⁶ <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1349877>
- ⁷ Комсомольская правда. 2010. 11–12 ноября.
- ⁸ Независимая газета. 2010. 9 ноября.
- ⁹ Независимая газета. 2010. 22 ноября.
- ¹⁰ Наумов И. Генпрокуратуру подключили к электричеству. Владимир Путин нашел управу на недобросовестных инвесторов // Независимая газета. 2010. 25 февраля.
- ¹¹ Нефть из СССР. Вкладываются ли олигархи в Родину? // АиФ. Деловая среда. 2010. № 44.
- ¹² <http://torg.mail.ru/news/12821>
- ¹³ Аргументы и факты. 2010. № 44.
- ¹⁴ <http://news.mail.ru/economics/5057391/?frommail=1>

**Подписка на 2011 г.
на журнал «Обозреватель – Observer»
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
36789 – на год**

Имидж офицерского корпуса Российской армии

По публикациям в СМИ

Дмитрий Крутилин

Россия традиционно держалась армией и флотом, которые по праву считались ее самыми надежными союзниками и заступниками. И сегодня Вооруженные силы по-прежнему являются важнейшим элементом системы национальной безопасности государства. Несмотря на это, в настоящее время остается проблемным вопрос престижа военной службы среди гражданского населения*, что отчасти обусловлено формирующимся в массовом сознании имиджем военной организации государства.

Поскольку взаимодействие граждан с военнослужащими весьма ограничено, то отношение к Вооруженным силам вообще есть результат переноса личного представления об отдельных военнослужащих, сформировавшегося преимущественно в результате воздействия средств массовой информации (СМИ), на более широкие группы военнослужащих и институт военной службы в целом. По мере того как СМИ все более превращаются в инструмент глобального влияния, внимание граждан становится не просто объектом нейтрального информирования – оно ежеминутно подвергается настойчивому влиянию и служит ареной жесточайшей конкуренции. Борьба за внимание россиян ведется прежде всего в интересах формирования общественного мнения, в том числе и об имидже страны, власти или конкретной социальной группы.

КРУТИЛИН Дмитрий Сергеевич — научный сотрудник отделения информационно-аналитической работы Научно-исследовательского центра (социологического) Вооруженных сил Российской Федерации. *E-mail:* krutilin_dc@mail.ru

Ключевые слова: имидж, офицеры, средства массовой информации.

* По данным всероссийского репрезентативного опроса населения, проведенного ФОМ в 2010 г., сегодня только каждый пятый россиянин (22 %) считает престиж военного в обществе высоким. Еще 35 % опрошенных считают его низким, а 32 % респондентов уверены, что престиж военного в обществе ни высокий, ни низкий¹.

Именно поэтому СМИ считаются основным имиджеформирующим средством, которому склонно доверять общество из-за отсутствия доступа к более авторитетным информационным каналам. При этом качество, надежность и правдивость тиражируемой информации различно, но даже современный образованный человек не всегда способен распознать эти различия.

Проблема противоречива: подчас реальных оснований для сформированного имиджа различных категорий военнослужащих может и не быть. Ведь совершенно очевидно, что негативное отношение к армии не является объективной оценкой ее деятельности. Многие военнослужащие – это люди, которые нередко героически выполняют свои обязанности, беря на себя непомерную ответственность за человеческие жизни и судьбы. В связи с этим исключительную важность приобретают исследования имиджа офицерского корпуса – души и костяка армии, главной движущей силы проводимых в Вооруженных силах преобразований.

В статье под имиджем офицерского корпуса понимается создаваемый в общественном сознании образ офицеров, формирующий специфическую социальную установку в отношении к данной категории военнослужащих и институту военной службы в целом посредством наделения кадровых военнослужащих определенными характеристиками (социальными, психологическими, эстетическими и т. д.), не всегда имеющими основания в реальности.

Сегодня отношение к офицерам весьма неоднозначное. С одной стороны, офицерский корпус в глазах граждан традиционно является воплощением чести, мужества и героизма, а с другой – нередко в СМИ публикуются статьи о распространении коррупции среди офицеров, ухудшении морально-психологического состояния командного состава, снижении профессиональной компетенции кадровых военнослужащих, неумении командиров

учить и воспитывать подчиненных, пресекать случаи проявления неуставных взаимоотношений и т. д.

Исходя из этого, представляется актуальным исследовать, какой имидж офицерского корпуса современных Вооруженных сил России формируется под воздействием СМИ.

Для описания имиджа офицеров были проанализированы три печатных издания: газеты федерального уровня «Коммерсантъ», «Ведомости», «Российская газета»*.

* Выбор газет обусловлен занимаемыми местами (с 1-го по 3-е) в рейтинге цитируемости российских федеральных СМИ за 2009 г., составленным компанией «Медialogия». Основой для построения рейтинга стал индекс цитируемости «Медialogии».

На величину индекса цитируемости влияет несколько показателей, в том числе количество ссылок на источник в сообщениях СМИ и заметность этих сообщений. Самоцитирование не учитывается.

Заметность сообщения, например в печатных изданиях, зависит от влияния СМИ, полосы издания, размера публикации, наличия и размера иллюстраций, экспрессивности заголовка и других параметров.

В исследовании использовались номера названных газет за 2009–2010 гг., публикации в которых были подвергнуты качественно-количественному анализу. Единицей анализа в рамках проведенного исследования выступил текст информационного сообщения в газетах, а также его фрагменты, которые относились к офицерскому составу армии и флота и носили оценочный характер (позитивный, нейтральный, негативный). Для анализа было отобрано 256 публикаций.

Таблица 1

**Характер суждений об офицерах Российской армии
в печатных изданиях**

Издание	Характер упоминаний об офицерах, %		
	позитивный	нейтральный	негативный
Коммерсантъ	8	40	52
Ведомости	3	68	29
Российская газета	16	38	46

Эмпирическое исследование показало, что большая часть публикаций, формирующих имидж офицерского корпуса, содержит в себе нейтральный либо негативный характер суждений о кадровом составе армии и флота.

Так, в газете «Коммерсантъ» каждое второе упоминание (52 %) об офицерском корпусе носит отрицательный характер, еще 40 % – нейтральный и только 8 % – положительный.

В «Ведомостях» доля негативных материалов составляет 29 %, а количество положительных суждений не превышает 3 %.

В «Российской газете» 46 % отобранных публикаций, связанных с офицерами, формирует отрицательное отношение к ним, а доля положительных публикаций составляет 16 % (табл. 1).

Итак, большинство упоминаний об офицерах, играющих главную роль

в публикации, носят негативный характер. Если эта роль эпизодическая – доминирует нейтральный характер суждений (рис. 1).

В 2010 г., по сравнению с 2009 г., число негативных суждений об офицерах в СМИ снизилось на 16 %, а число нейтральных – увеличилось на 15 %. Доля позитивных сообщений о них практически не изменилась (табл. 2).

Таким образом, на протяжении двух последних лет в самых цитируемых периодических печатных изданиях преобладает информация, формирующая в общественном сознании отрицательное либо нейтральное отношение к офицерам армии и флота. Как видим, гуманизация военной службы, переход на новую организационно-штатную структуру, перевод всех соединений и воин-

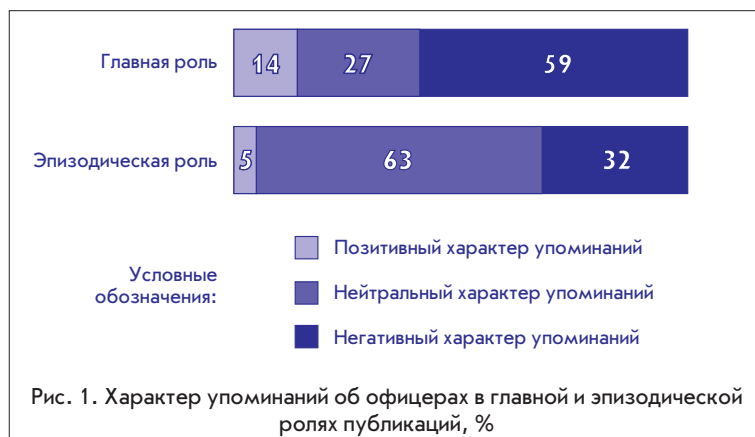

Таблица 2

**Характер упоминаний об офицерах в печатных изданиях
в 2009–2010 гг.**

Год публикации	Характер упоминаний, %		
	позитивный	нейтральный	негативный
2009	9	40	51
2010	10	55	35

ских частей в категорию постоянной готовности, боевая подготовка военнослужащих и другие мероприятия по созданию качественно нового облика Вооруженных сил России в прессе сопровождаются массой публикаций, настойчиво демонстрирующих читателю, насколько ничтожными кажутся успехи армии и флота по сравнению с негативными явлениями в офицерской среде.

Проанализируем более подробно, как в настоящее время позиционируются кадровые военнослужащие в рассматриваемых изданиях.

Численность негативных суждений о различных категориях офицерского состава в разы превышает количество позитивных упоминаний (табл. 3). Наибольшее число отрицательных публикаций посвящено старшим офицерам – командирам и начальникам, в чьи руки тысячи матерей и отцов

ежегодно отдают своих сыновей-призывников.

В связи с этим неудивительно, что реалиями современной России стало нежелание 50 % граждан страны видеть своих родных военнослужащими. Подобная установка характерна, в первую очередь, для женщин (54 %) и образованных россиян (57 %).

Представители различных поколений имеют противоположные взгляды на службу в армии.

Так, старшее поколение чаще выражает желание видеть своих родственников военнослужащими (42 % пожилых против 39 % 18–24-летних).

Напротив, чем моложе респонденты, тем больше среди них противников воинской службы (55 % 18–24-летних против 39 % россиян старше 60 лет).

При этом одними из основных причин противники службы называли развал армии (30 %), моральное разложение военнослужащих

Таблица 3

Характер упоминаний об офицерах различных категорий

Категория офицерского состава	Характер упоминаний, %		
	позитивный	нейтральный	негативный
Высшие офицеры	8	47	45
Старшие офицеры	10	7	83
Младшие офицеры	29	14	57
Офицеры в целом (в публикации речь идет об офицерах вообще)	8	61	31

(29 %, в 2000 г. – 19 %), криминализацию армии (20 %, в 2000 г. – 14 %)*.

Подобное отношение россиян к институту военной службы в значительной степени обусловлено воздействием непрерывного потока негативной информации в периодических печатных изданиях, достаточно серьезно подрывающего престиж и авторитет командного состава и Вооруженных сил в целом.

Так, наибольшее количество упоминаний об офицерах приходится на тематические рубрики «Преступность» (25 %), «Сокращение офицерского состава» (17 %), «Реформирование армии» (15 %) и «Халатность офицеров» (10 %).

Если речь идет об офицерской преступности, то это, прежде всего, посягательство на военное имущество, хищения, мошенничество, взятки, должностные подлоги, присвоения материальных ресурсов и растраты.

Тематическую рубрику о халатности офицеров составили публикации о бездействии командиров и начальников при возникновении по-

жаров на объектах Минобороны России, а также сообщения о самоустранении войсковых начальников от наведения уставного порядка в подчиненных подразделениях.

Упоминания об офицерах в контексте проблем сокращения кадрового состава армии и флота, реформирования Вооруженных сил в целом носят, как правило, нейтральный характер и связаны прежде всего с оптимизацией численного состава воинских формирований и органов военного управления, назначением на новые воинские должности высших и старших офицеров и передислокацией отдельных подразделений, воинских соединений и штабов (рис. 2).

В 2010 г. появилось больше (в 2 раза) публикаций, связанных с гибелью офицеров, жизнедеятельностью кадрового состава при реформировании армии и флота (в 2,5 раза) и уменьшилось количество сообщений, связанных с их преступностью (на 15 %).

В целом наиболее позитивный фон для офицерского состава в 2009–2010 гг. составляют публикации о боевой подготовке войск (сил), проведении командно-штабных учений и оперативных игр, участии военнослужащих в тушении пожаров в центральных регионах России и Поволжье, сообщения о гибели кадровых военно-

* По данным всероссийского репрезентативного опроса населения, проведенного ВЦИОМ 13–14 февраля 2010 г.²

служащих, описывающие героические поступки отдельных офицеров при выполнении боевых задач и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Вместе с тем доля подобных сообщений не превышает 10 % от общего числа публикаций.

Итак, данные социологического анализа позволяют говорить о формировании в общественном сознании негативного имиджа офицеров Российской армии посредством сообщений, данных печатными СМИ.

Сегодня оценка социальной значимости Вооруженных сил все еще остается более высокой для людей старшего возраста, чем для молодежи, что объясняется укоренившимся в сознании пожилых россиян признанием прошлых заслуг армии и флота, их традиций и ответственной функции по обеспечению безопасности страны.

Сила инерции советской эпохи продолжает обеспечивать сохранение элементов традиционных представлений. Для многих армия остается образцом порядка, дисциплины и высокой организации, а офицеры – примером бескорыстного и добросовестного выполнения воинского и гражданского долга.

Молодое поколение, все реже имеющее возможность слышать о престижной, уважаемой обществом армии, о высококвалифицированных и порядочных офицерах, склонно отождествлять армейскую действительность с дедовщиной, коррупцией и стяжательством. Эта тенденция наглядно проявляется в отношении к военной службе молодежи, для основной массы которой годы, проведенные в армии, – потерянное время*.

Современный негативный имидж военной организации страны во многом предопределяет трудности с ком-

плектованием Вооруженных сил личным составом, низкую мотивацию к службе всех категорий военнослужащих, отсутствие широкой общественной поддержки деятельности Российской армии.

Вместе с тем мировой опыт показывает, что от отношения к армии всех слоев общества во многом зависит морально-психологическое состояние военнослужащих, а значит, и боеготовность войск, эффективность решения ими задач в мирное и военное время.

Таким образом, СМИ, обладая значительным потенциалом влияния на людей, могут стать не только фактором, негативно влияющим на имидж офицеров, но и эффективными партнерами, помощниками государству в формировании целостного и социально привлекательного имиджа офицерского корпуса и института военной службы. Но для этого органам государственного и военного управления необходимо создать базисную платформу, содержащую в себе как материальный, так и духовный аспекты функционирования военной организации, опираясь на которую печатные и другие виды СМИ профессионально смогут включиться в создание позитивного имиджа офицера Вооруженных сил России.

Кроме того, речь должна идти и о восстановлении в значительной степени утраченных традиций патристического воспитания молодежи, которые фактически отождествляли ценностное отношение к родине с ценностным отношением к армии.

Концепция формирования позитивного имиджа современной армии и флота должна включать в качестве обязательных компонентов те характеристики, которые делают этот институт

* По данным всероссийского репрезентативного опроса населения, проведенного ВЦИОМ 13–14 февраля 2010 г., число стремящихся к уклонению от военной службы составило 42 % россиян².

привлекательным для современной молодежи, в первую очередь необходима демонстрация тех возможностей, которые армия обеспечивает призывникам и кадровому составу на перспективу.

Сегодня важно, чтобы в имидже офицерского корпуса Российской армии находили отражение его наиболее важные, сильные, яркие и впечатляющие черты: справедливость и благородство целей, функций и задач; высокие нравственные и морально-боевые качества; славные страницы истории, ценнейшие традиции; достоинства воинского порядка, взаимоотношений и норм, повседневного быта. В основе должны быть базовые характеристики, не подверженные ситуационным изменениям.

Бесспорно, необходима организация постоянного взаимодействия Вооруженных сил и общества, которое должны обеспечивать специальные армейские структуры, профессионально занимающиеся связями с общественностью, и постоянно взаимодействовать со СМИ. Между тем, этот очевидный подход не столь очевиден для профессионалов.

Так, зачастую при взаимодействии представителей воинских структурных подразделений со СМИ акцент смещен на способы защиты от журналистов. Однако зависимость Вооруженных сил как социального института от общества, в частности от общественного мнения, определяет необходимость перехода информационных служб Российской армии к модели двусторонней коммуникации, возможно, асимметричной, но непременно двусторонней.

Отдельно следует сказать об опыте формирования позитивного имиджа института военной службы в зарубежных странах.

Среди мировых держав отчетливее становится понимание роли имиджа вооруженных сил в современной войне.

В большинстве армий мира созданы и совершенствуются структуры, ответственные за организацию связей с общественностью. Многие развитые страны проводят интенсивную рекламу военной службы, эффективность которой обеспечивается широкомасштабными научными исследованиями.

За последние десятилетия российская аудитория видела десятки высококачественных фильмов, которые целенаправленно создаются для рекламы военной мощи США.

Не остался без внимания ни один из видов американских войск: есть фильмы о военновоздушном флоте, о военно-морских силах, о сухопутных войсках. В них даже не очень положительные герои демонстрируют образцы профессионализма и порядочности.

В рекламе, направленной на повышение престижа вооруженных сил и привлечение молодежи в армию, США широко используют теорию так называемого «Уникального предложения реализации» (УПР).

Принцип рекламы УПР заключается в демонстрации в наиболее выгодном свете одного или нескольких уникальных свойств товара, которые отличают его от других подобных ему. Успех в этом случае зависит от наличия неповторимых качеств.

Своеобразие же военной службы выгодно отличает ее от других профессий, а задача рекламы состоит в том, чтобы подчеркнуть ее уникальность. Нередко использование в рекламе принципа УПР сводится к поиску одной емкой рекламной фразы, отражающей уникальность преимуществ службы в армии.

В США практически все печатные, теле- и радиорекламные материалы, посвященные службе в вооруженных силах, сопровождаются фразой «Реализуй себя полностью!». Под этим лозунгом проводились наиболее дорогостоящие программы. Действует он, как показали исследования, очень эффективно.

Опросы военнослужащих первого контракта позволили установить, что значительную роль в их решении поступить на военную службу сыграл именно этот рекламный призыв, который в наиболее удачной и сжатой форме раскрывает суть армейской службы – активное использование стремления каждого американца проявить свои способности с максимальной пользой не только для себя, но и для всей страны.

Принцип УПР широко применяется в США для рекламы преимуществ видов вооруженных сил, различных должностей и военных специальностей.

Так, армия рассматривается как место, где образованные молодые люди могут найти благодарное дело и приобрести настоящих друзей; у ВВС создается имидж высокотехнологического учреждения; в рекламе ВМС уже длительное время эксплуатируется, и успешно, лозунговая тема: «ВМС – это приключения и путешествия».

И в Вооруженных силах России через рекламу необходимо создавать и активно тиражировать смелые идеи,

отражающие уникальность института военной службы.

О необходимости таких идей в армии и о реализации их в виде емкой фразы писал русский генерал М. Скобелев: «...в России есть только одна организованная сила – армия и в ее руках судьба России. Но армия не может подняться только как масса, а на это ее может двинуть лишь такая личность, которая известна каждому солдату, которая окружена славой сверхгероя. Но одной популярной личности мало, нужен лозунг, понятный не только в армии, но и широким массам»³.

И ещё одна особенность. Известно, что в армии США широко распространены неуставные взаимоотношения. Но об американской дедовщине в СМИ США так широко, как у нас о российской, не пишут. С точки зрения интересов США, для формирования имиджа американской армии Голливуд все делает правильно.

Подводя итог, отметим, что любые содержательные размышления относительно имиджа офицерского корпуса, института военной службы в целом становятся возможными, если придерживаться социологического подхода к его анализу, видеть многогранность и неоднозначность этого феномена. Имидж офицера – это, в первую очередь, надындивидуальное образование, существующее в общественном сознании населения, часто являющееся результатом воздействия СМИ.

Рассматривая имидж офицерского корпуса, следует помнить, что, реализуя социологический подход с его главным принципом – системности, следует учесть, что отдельно взятый имидж офицерского корпуса – это лишь фрагмент, одна из составных частей общего имиджа военной организации государства и России как мировой державы. В общей палитре имидж офицера вооруженных сил должен быть по значимости сопоставимым с имиджем президента страны как главы нации, с имиджем российской экономики, образования, науки и т. д., которые связываются в единую сбалансированную систему, позволяющую программировать ожидания мировой общественности в отношении нашей страны и влиять на жизнедеятельность и самочувствие граждан Российской Федерации.

Примечания

¹ <http://www.fom.ru>

² <http://www.wciom.ru>

³ Какая армия нужна России: взгляд из истории // Российский военный сборник. Армия и общество. 1999. Вып. 9. С. 244.

Бессознательное российских политических элит: архетипы и комплексы

Александр Задохин

Несмотря на появление науки психологии и современных знаний о человеческом индивидуальном и коллективном сознании, в том числе и о его бессознательном, эти знания мало учитываются политиками.

Все это «порождает иллюзорные социально-политические системы – системы, столь же обязанные своим появлением на свет сцеплению внешних обстоятельств, как и событиям, стремительно „выпавшим в осадок“ с помощью коллективного бессознательного»¹. И пока как внешние, так и психологические условия нашего существования не будут учитываться, всегда будет сохраняться опасность, что «вдруг» миллионы людей или два народа, мирно сосуществовавших десятилетиями и столетиями друг с другом, могут быть поражены безумием – гражданской войной, этническим или религиозным конфликтом и «чистками», когда они с остервенением будут убивать самым диким, варварским способом взрослых и детей.

Для этого вполне достаточно создать в головах масс образ лидера-спасителя, мессии, у которого «чуть заметное нарушение равновесия баланса сознательного и подсознательного может привести к национальной, а то и более масштабной катастрофе».

Такое уже было в мировой истории.

Исследователи отмечали, что в свое время основатели психоаналитической школы выводили характер общества и государства из психического состояния образующих его индивидов. Они считали, что коллективный бунт, революция, этнический конфликт и да-

же решение политиков о начале военных действий, есть следствие и отражение психических процессов именно в индивидуальном сознании, в том числе политиков². То есть когда внешние обстоятельства затрагивают всех или большинство населения, они неизбеж-

ЗАДОХИН Александр Григорьевич — доктор политических наук, профессор (Дипломатическая академия МИД России). E-mail: aleksander_1945@mail.ru

Ключевые слова: социальная и индивидуальная психология, бессознательное, рефлексия.

но превращаются в психический процесс, захватывающий большие массы людей. И дело за лидером. Даже в тех случаях, когда индивид политически пассивен, он незримо в своем сознании и подсознании участвует в политическом процессе. Более того, его пассивность способствует политическим играм не во благо ему, а во вред.

Непосредственно психологическая наука определяет **бессознательное** как:

1. Совокупность психических процессов, актов и состояний, обусловленных явлениями действительности, во влиянии которых субъект не отдает себе отчета.

2. Форма психического отражения, в которой образ действительности и отношение к ней субъекта не выступают как предмет специальной рефлексии, а составляют нерасчлененное целое.

Бессознательное отличается от сознания тем, что отражаемая им реальность сливается с переживаниями субъекта, его ценностными отношениями к миру, поэтому в бессознательном невозможны произвольный контроль осуществляемых субъектом действий и оценка их результатов. В бессознательном действительность переживается субъектом через такие формы уподобления, отождествления себя с другими людьми и явлениями, как непосредственное эмоциональное чувство, идентификация, эмоциональное возбуждение и объединение различных явлений в некую совокупность бессознательного. В бессознательном прошлое, настоящее и будущее сосуществуют, объединяясь в каком-либо одном психическом акте. В этом случае рациональное знание отступает на второй план.

Бессознательное может быть **коллективным и личностным**. Коллективное состоит из унаследованных ин-

стинктов и форм восприятия или понимания, которые находят свое выражение в ранних формах социального сознания, в тех групповых стереотипных действиях и восприятиях, которые сформировались в период борьбы за свою нишу на географическом и этнокультурном пространствах. То есть все то, что было, как нам сегодня кажется, забыто, не осознается, но сохраняется в нашем бессознательном. Бессознательное дает о себе знать в коллективных архетипах и стереотипах, которые можно обнаружить в персонажах народных былин, сказок и в поговорках.

Следует особо выделить личное бессознательное, имея в виду, что в политике многое зависит именно от личностей.

Под бессознательным один из основателей психоанализа З. Фрейд понимал нереализованные устремления личности, которые из-за конфликта с требованиями социальных и идеологических норм не допускались в сознание, отчуждались с помощью механизма вытеснения, обнаруживая себя в обмолвках, оговорках, сновидениях и пр. Особенность подобных проявлений бессознательного состоит в том, что осознание субъектом причинной связи нереализованных устремлений с психотравмирующими событиями не приводит с течением времени к простому исчезновению переживаний.

Эффекты бессознательного в поведении устраняются в том случае, если вызвавшие их события изживаются личностью совместно с другим человеком (например, в психоаналитическом рефлексивном сеансе) или с другими людьми (групповая психотерапия), или в публичной предметной деятельности.

Личное бессознательное состоит из следующих элементов:

– следов внешних и внутренних раздражителей и комбинаций представлений, которые никогда не достигали сознания по причине их слабости и неотчетливости или в силу каких-то обстоятельств были вытеснены из сознания, например, ради душевного равновесия;

– всех психических содержаний, которые несовместимы с сознательной установкой личности и оказываются морально, эстетически или интеллектуально недопустимыми;

– потенциальных функций данной конкретной души или личности, которые не получили сознательного развития;

– и, наконец, обретенного личного опыта, который был забыт или вытеснен.

Развитие представлений о природе бессознательного, специфике его проявлений, механизмах и функциях в регуляции поведения человека является необходимым условием создания целостной объективной картины психической жизни личности.

Трудность, однако, состоит в том, что изначально индивид далек от осознания такого рода фактов, ибо его долгое время «воспитывали» в школе и вне ее исключительно исполнителем, подчиненным, подданным (буквально под данью суверена и подчиненного ему) и коллективистом, не способным подняться до высот саморефлексии. В сознании индивида просто не укладывается, что ему, по существу, принадлежит решающая роль в образовании общественных и политических движений, а не только властным элитам.

В силу отмеченного индивид, вместо того чтобы быть выраженным в личной рефлексии и поддающейся контролю форме, опускается на уровень коллективного бессознательного. Все это проявляется и в политическом

процессе, а также в характере и действиях политиков.

Такая социально-психологическая действительность, и особенно отвергающая, отторгающая разнообразие личностей политическая практика тоталитарных государств, не дает выхода иррациональным и личностным внутренним импульсам. В результате индивидуальные импульсы, подавляемые и презируемые, усиливаются и искажаются и в определенные моменты проявляются в форме массовых психозов, поведении и движениях радикального и экстремистского характера.

Субъект, достигнувший высот власти и кажущийся со стороны и самому себе рациональным, контролирующим свои эмоции и чувства и вполне осознающим свои цели, тем не менее по-прежнему остается под довлеющим влиянием своего собственного бессознательного «второго» «Я». Оно по силе воздействия может превосходить, и часто превосходит, его разум, знания и опыт, знания и опыт советников, его окружающих. Правитель или политик может только догадываться о влиянии этой силы, но, как правило, он бежит от своего внутреннего под-сознательного «Я» во внешнее пространство – пространство власти в своей стране или за ее пределами.

Понимание содержания и действия механизмов бессознательного, особенно его низших элементов (агрессия, зависть и т. д.), ищущих компенсации через агрессию и власть, резко снизило бы накал политического противоборства и позволило бы взглянуть на него с более реалистической точки зрения. Психологическое самопознание и взаимное снятие враждебных проекций являются одним из обязательных условий для установления более мирного внутреннего и международного порядка.

Самоидентификация политиков ограничивается лишь тем, что они счи-

тают нужным знать о себе или исходят из комплиментов подчиненных и свиты. В желаемом же ими представлении ошибки совершают, по преимуществу, другие, известные как «народ», «олигархи», «несистемная оппозиция», «зарубежные государства» и «другие народы», но только не они сами.

Осознание, рефлексия своего внутреннего «Я» не только интеллектуальная проблема, то есть речь идет не только о психическом развитии индивида и общества, но и политическом строе и, по большому счету, судьбе нации. Если индивид признает за своим бессознательным определенную роль в социально-политических процессах, а особенно правитель в своих действиях по отношению к обществу, следовательно, он или отдает себе отчет в значимости фактора индивидуальной психики и теневого «Я» в принятии политического решения и пытается каким-то образом все это учесть или игнорирует сознательно этот фактор и дает ему возможность «разгуляться», то есть не проникается чувством ответственности за нормальное функционирование своего индивидуального и коллективного, в том числе политического психического организма.

Другое дело, что индивиду, в том числе политику, трудно, а главное, во-первых, страшно разобраться в своем подсознательном, во-вторых, трудно разобраться без помощи специалистов-психологов, психоаналитиков и психиатров, наконец, в-третьих, решить осознанные психические проблемы без помощи и содействия психотерапевтов.

Исследователи установили, что наше скрытое внутреннее «Я», вбирает в себя все, что находится под знаком слабости и психического ущерба. Но это отнюдь не означает его пассивности и бессилия. Напротив, по мере того как в процессе рефлексии человек осознает способность подсознания к злу, то это

зло подвергается усиленному вытеснению. Политическая публичность, публичный опыт – коммуникации этому способствуют. Напротив, отсутствие внутренней саморефлексии создает условия для того, что подсознание может сотворить зло. Ибо изначально подсознание представляет собой родовой (общинный) и национально-коллективный аспект психического – «мы лучше, чем они», которое функционирует до известной степени в автономном режиме.

Как в системе зарубежной полиции уже давно есть штатные психологи и психоаналитики, так желательно, чтобы и во властных структурах они были представлены.

По российскому телеканалу «Культура» был организован под началом известного психолога А. Г. Асмолова цикл просветительских лекций по психологии личности и коллектива. Вряд ли российская политическая элита удосужилась их послушать.

Распад исторической России и объективные трудности российского транзита 90-х годов прошлого века в сопряжении с национальным бессознательным стимулировали возникновение кризиса идентичности. В этих условиях общество непроизвольно, на подсознательном уровне связывало решение существующих проблем с приходом человека – «сильной руки»³. Образ политика есть его миф, создаваемый политтехнологами и заинтересованными лицами и группами.

Объективные трудности транзита 90-х годов прошлого века и национальное бессознательное страны требовали каких-то, если не моментальных перемен вроде военного коммунизма, то хотя бы иллюзию изменений к лучшему. Недавняя смена власти в Москве – это также попытка создать такую иллюзию с опорой на коллективное бессознательное. За всеми этими вполне постановочными сценками можно увидеть прежде всего простой политический расчет.

В условиях игнорирования личностного у подданных возникает чувство подавленности и накапливается негативный потенциал – все это может вызвать социальный взрыв и привести к перевороту. В результате последнего во власти могут оказаться как раз те, кто компенсирует глубоко затаенные бессилие или комплексы в персональных издержках власти.

Такой политик, преодолевая первичную неуверенность, «раздувает» свою личность через «идентификацию со своим постом, бюрократической функцией»⁴ или претендует на абсолютное выражение национальной воли и интереса. Он начинает испытывать чувство самоуверенности, а затем с помощью подчиненных всемогущество и манию величия.

Внутренне чувство личной неполноценности приводит к страху перед потерей власти, что, в свою очередь, развивает подозрительность по отношению к возможным соперникам, а то и к обществу в целом. Все это может найти компенсацию в еще более энергичном утверждении своей власти, а это ведет зачастую к авторитаризму, тирании, тоталитаризму и т. д.

С другой стороны, понимание своего бессилия и неполноценности у индивидуума, который и не борется за власть, но скрывает бессознательную, нередко патологическую жажду власти, находит в себе утление посредством идентификации с мощным, исполненным миссии лидером или просто начальником. Самоидентификация может быть рефлексивно-сознательной, а может происходить и на бессознательном уровне, порождая пассивность.

Изначальное коллективное подсознательное, которое усиливает личностные комплексы простых обывателей, представителей властных элит и даже (!)

высших лиц государства, ослабевает при развитии социальных, публичных коммуникаций и растущей дифференциации общества, и как следствие – развитие национального и индивидуального сознания. В результате теневое коллективное «Я» размывается и приобретает более индивидуально-личностный характер, что способствует развитию чувства личностной рефлексии и создает условия для гражданской активности в обществе и растущей публичности политики и политиков.

Однако персонализация сознания и гражданская активность присуща высоко дифференцированным, то есть развитым нациям. В посттоталитарных обществах как в силу их еще слабой дифференциации, так и сопротивления консервативных элитных групп существует большой риск реставрации тоталитаризма. Так, в результате поражения в войне, распада государства и объективных трудностей переходного периода происходит актуализация, регрессия коллективного подсознательного.

Сила бессознательного ощущалась на всей территории Европы после окончания Первой мировой войны и послевоенного экономического кризиса. Но в некоторых странах, и прежде всего в Италии, Испании, Германии, а также Японии, влияние национального бессознательного имело особенно тяжелые последствия для мира и перечисленных стран.

Это служит драматической иллюстрацией взаимодействия исторических и психологических факторов, которые привели к возникновению фашизма как актуализации бессознательного и его комплексов.

Психология войны, этнонационального и гражданского конфликтов есть и проявление бессознательного. Дихотомия последнего проста, прямолинейна, категорична – «мы лучше, чем они». Все это можно было наблюдать в период холодной войны в отношениях СССР

и стран Запада, а ранее России и Европы. А внутри страны в отношении власти к оппозиции и т. д., когда любая не совпадающая с официальной декларацией точка зрения не только отторгается, но и воспринимается угрозой для этой власти. Так, тот страх, который личность политика непроизвольно и тайно испытывает перед собственным внутренним «Я», не просто воспроизводит образ внешней угрозы, а доводит его до гигантских размеров. При отсутствии развитой саморефлексии власть обвиняет политического оппонента внутри и вне страны в тех недостатках, в которых она не хочет признаваться себе собой.

Например, раздражение от неудобных вопросов журналистов или критики политических оппонентов является непроизвольным проявлением своих комплексов неполноценности.

Ввиду сложности психических процессов эмоции, конфликты и события, порождаемые ими, осознаются нами лишь смутно, как может показаться, происходят сами собой, как бы без нашего содействия. Положение еще больше усугубляется тем, что с чисто психической точки зрения едва ли желательно любой ценой избегать таких проекций.

Наше психическое объективно и изначально нуждается в образе врага по определению. Ибо изначально, исторически на диалоговых оппозициях формируются наше этническое сознание и этническая индивидуальность. Теневое «Я» ищет и создает образ врага. Но ему отвечают тем же оппоненты, так как другие также нуждаются в том же. И тогда в его распоряжении появляется уже объективно достоверная враждебность противника, вполне оправдывающая антагонистические чувства к нему. В известном смысле победа психического была бы полной,

если бы не действительная угроза, создаваемая затем этим врагом благополучию и самому существованию данного индивида и нации. Само существование образа врага, на которого можно свалить собственные неудачи и просчеты управления, включая и несбывшиеся мечты об усовершенствовании жизни, глобальной миссии, – огромное облегчение для нашей совести и для компенсирующего чувства идеализма, то есть причина личных и национальных бед находится вовне.

Вполне возможно, что там, где расстройства психического носят особенно тяжелый характер, оно реально навязывает себе врагов. Эти саморазрушительные тенденции особенно заметны в поведении индивидов – невротиков и психотиков.

Таким образом, если в сбалансированном индивидуальном или групповом психическом подсознательном отрицательные оппозиционные проекции полезны, то там, где они подвергаются интенсивному вытеснению, они становятся опасными. Ибо жесткое вытеснение подсознательного наделяет добавочной энергией негативное содержание бессознательного и ускоряет его проецирование на внешние объекты, с которыми индивид или группа связаны определенными отношениями. Так возникает невротическая (склонная к эмоциональной неустойчивости, тревожности и низкой самооценки) личность, а иногда психотическая личность, группа или общество, для которых характерно компульсивное (навязчивое) стремление к конфликтам и саморазрушению.

Здесь сознательное отношение к указанным процессам и терпимость к собственной тени, то есть понимание неизбежности ее существования, помогают избежать потенциально опасного развития событий. Сознательное от-

ношение и терпимость сдерживают и контролируют проецирование негативных качеств психического на других и произвольную потребность в создании врагов, что в целом способствует развитию у индивида таких качеств, как сдержанность, скромность и повышенное чувство личной ответственности за происходящее в мире и обществе. Таким образом, как в истории нации, так и в истории индивида многое зависит от развития сознания. Только оно может принести освобождение от негативного влияния бессознательного.

Очевидно, что все это может произойти, когда общество и элиты, во-первых, не узнают себя лучше, во-вторых, не научатся критически смотреть на самих себя и, в-третьих, позитивно преодолевать воздействие подсознания.

В противном случае политическим элитам и обществу будут нужны враги и образы врагов и они будут их создавать реально и виртуально. Это имеет особенное значение для публичной политики. Ибо слабо структурированное с дихотомическим восприятием мира общество, отторгая неопределенность и разнообразие, пытается причины своих невзгод и проблем искать вне. В образе врага необязательно могут выступить чужое государство и его народ. «Стрелочниками» могут быть: евреи и иммигранты, коммунисты и демократы, либералы и олигархи, несистемная оппозиция и просто «другие».

В конце концов, встает вопрос, что же делать с подсознательным. Избавиться от него невозможно. Но можно понять механизм его влияния и по возможности смягчить его крайние и разрушительные проявления. Для этого необходимо знание психологической динамики и содержания нашей личной и коллективной тени.

Осознание своей недостаточности и зла внутри нас, проистекающая отсюда скромность и, наконец, воля к нравственному сопротивлению всему тому, что продиктовано низкими побуждениями собственной психики или общественной группы, – вот обязательные внутренние корреляты для интеллектуального познания теневого «Я». Реально это означает, что, для того чтобы поставить границы под-

Все перечисленные группы в разной ситуации, с одной стороны, удобны для власти в качестве «громоотводов», а с другой – могут вызвать такую же реакцию в массах. Ибо, помимо политических врагов, субъекты и общество в целом склонны проецировать собственную тень на всякого, кто отличается от них.

Психологически недифференцированная личность неизбежно может оказаться «во власти психополитического потока событий, не поддающихся ее контролю»¹. Политики пользуются этим и манипулируют массовым сознанием, чтобы удержать власть в своих руках, отвлечь от внутренних проблем общество и т. д.

Следует особо отметить, что проецирование коллективной тени, помимо всего прочего, обладает кумулятивным эффектом. Это означает, что коллективные проекции оживляют, активируют и поддерживают разнообразное подсознательное местного (локального) и личного характера. Прежде всего актуализируется конфликт индивида с культурой в целом, ограничивающей и подавляющей его «Я», далее, местность и народ, среди которых он живет, добавляют свои особые проблемы, и, наконец, каждый, с кем ему приходится общаться, наделяет его частичкой своей личной тени. Накапливающееся социальное негативное ведет к психической подавленности общества.

сознанию, индивид, равно как и группа, должен научиться сознавать и переносить напряжение противоположностей в своей психике.

Внутренних, да и внешнеполитических конфликтов было бы гораздо меньше, если бы политики научились рефлексировать свое бессознательное хотя бы на уровне констатации: оно у меня есть. А затем сознательно превращать хотя бы часть своей изначальной человеческой агрессивности в предмет самоанализа.

Можно мечтать об этом – надежда умирает последней...

Инстинкты и стереотипы бессознательного можно видоизменять и уравнивать, но их нельзя уничтожить, и уж тем более с помощью приказа и «вертикали власти».

В условиях плюрализма и развитых публичных коммуникаций таким естественным проявлением человеческой натуры, как то и дело вспыхивающая у индивида враждебность по отношению к другим, чужим потребность дать выход накопившейся внутренней ли агрессивности, жажды ли власти, предоставляется полная свобода, но в пределах, очерченных конституцией, законом и неизбежным, но терпимым уровнем преступности и коррупции. Принимая инстинкты вражды и агрессии как нечто естественное, вводя их в свой внутренний мир и затем ограничивая их действие внутриполитической сферой, открытое публичное государство, до известной степени, уменьшает потребность во внешних врагах и войнах.

Примечания

¹ Одайник В. Психология политики. М., 1996. С. 80, 89.

² Юнг. К. Диагностируя диктаторов (интервью, взятое у К. Г. Юнга американским журналистом Х. Никербокером в 1938 г.). Цит. по: Одайник В. Психология политики. М., 1996. С. 344–349.

³ Овчинникова О. Г., Халин К. Е. Путин, Блэр, Буш. Биографии и аналогии. М., 2004.

⁴ Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 286.

Терроризм на море – угроза национальной безопасности России

Сергей Марков

Развитие мира идет по пути глобализации всех сфер международной жизни, которая отличается высоким динамизмом и взаимозависимостью событий.

Одним из главных направлений развития мировой цивилизации в третьем тысячелетии становится освоение пространств и ресурсов Мирового океана. На это в обозримом будущем будет направлена национальная политика большинства государств мирового сообщества. Такая тенденция предопределяет неизбежное соперничество между странами за возможность использования его богатств в своих интересах¹. Причем, в этом соперничестве используется все больший диапазон средств, вплоть до применения террористических методов.

Интенсивная деятельность государств по освоению Мирового океана приводит к росту численности объектов водного транспорта, усилению зависимости глобальных экономических процессов от стабильности функционирования водного транспортного комплекса. Как следствие – морская деятельность становится в центре политического внимания. Сбой в ее осуществлении не может оставаться без внимания политического руководства иногда не одной, а сразу нескольких стран.

Вовлеченность в морскую деятельность значительных экономических ресурсов и постоянное внимание со стороны государств, привлекает в эту область международные и национальные преступные структуры, что увеличивает вероятность возникновения угроз террористического характера на пространствах Мирового океана.

МАРКОВ Сергей Николаевич – аспирант юридического вуза. E-mail: Mark240408@yandex.ru.

Ключевые слова: безопасность морской деятельности, преступления террористического характера на море, безопасность водного транспортного комплекса, безопасность судоходства, безопасность мореплавания, терроризм на море, пиратство, захват судов, захват заложников.

Сточки зрения интересов национальной безопасности Российской Федерации такие угрозы имеют особое значение.

Наша страна занимает лидирующее место в мире по площади морских пространств*.

Протяженность морского побережья Российской Федерации составляет 38,8 тыс. км, что более чем в 2,5 раза превышает ее сухопутную границу. По морским каналам Россия может иметь связь со 126 странами, в то же время по суше она граничит только с 13 государствами³.

России принадлежит одно из лидирующих мест в мире по протяженности судоходных речных акваторий (более 100 тыс. км)⁴.

Такие географические характеристики определяют важнейшее значение водных путей как в интересах обеспечения внутригосударственных перевозок, особенно в регионах, где морской и речной транспорт является безальтернативным видом транспорта, так и во внешнеэкономической деятельности.

В частности, к концу 2008 г. объем перевалки грузов через морские торговые порты России составил 451 млн т, что на 12 % превысило максимальный объем транспортировки грузов через порты Советского Союза в 1989 г.

Около 60 % внешнеторгового грузооборота России сегодня осуществляется с участием морского транспорта³.

Кроме этого, согласно Транспортной стратегии страны на период до 2030 г. планируется увеличить долю флота под Государственным флагом Российской Федерации в мировом морском флоте и значительно увеличить экспорт транспортных услуг.

Наблюдается тенденция восстановления системы грузоперевозок по внутренним водным путям страны.

Повышается интенсивность разработки запасов континентального шельфа Российской Федерации, что приведет к увеличению количества стационарных платформ и повысит число судов в районах их добычи.

Россия обладает Северным морским путем, к использованию которого привлечено внимание многих зарубежных государств и международных организаций. Успешность его эксплуатации в интересах стабильного экономического развития страны во многом зависит от обеспечения безопасности судоходства по нему, в том числе и от угроз террористического характера.

Руководством страны принято решение о создании плавучих атомных электростанций для решения энергетических задач в отдаленных районах России. Планируется построить более 10 таких станций. Первый плавучий атомный блок должен быть запущен в эксплуатацию в акватории г. Вилючинск (Камчатка) уже в 2012 г. Не исключено, что эти объекты могут стать целями для террористических атак или иного рода преступных посягательств как в процессе эксплуатации в прибрежной акватории, так и при их транспортировке по водным путям.

Кроме этого, на Российской Федерации лежит ответственность за обеспечение безопасности таких крупных мероприятий международного масштаба, как саммит АТЭС во Владивостоке (2012 г.) и Олимпийские игры в Сочи (2014 г.). В районах расположения этих городов обширные водные акватории

* Площадь морских пространств России составляет 24 641 873 кв. км (США – 20 982 418 кв. км, Австралия – 15 835 100 кв. км, Канада – 15 583 747 кв. км и Япония – 13 500 кв. км)².

и функционируют международные порты. Акции террористов на море в этих районах могут сорвать запланированные мероприятия и негативно повлиять на международный авторитет России.

Все это говорит о том, что устойчивое и бесперебойное функционирование водного транспортного комплекса страны оказывает значительное влияние на военно-политическую, экономическую и экологическую безопасность Российской Федерации.

Вместе с тем, события последних лет показывают, что интенсивность преступных посягательств на безопасность судоходства имеет тенденцию к возрастанию. Причем, угроза присутствует в любой точке Мирового океана⁵.

Наибольшую опасность представляют преступления террористического характера. Эти противоправные деяния против объектов под флагом Российской Федерации могут происходить на пространствах с правовым режимом открытого моря, а также в территориальных и внутренних водах России.

Исполнительная юрисдикция* Российской Федерации в отношении объектов, подвергшихся нападению на водных пространствах с такими правовыми режимами, определена на основе международно-правовых документов и закреплена в национальном законодательстве.

Так, в ст. 18 Постановления Правительства РФ от 11 апреля 2000 г. № 324 «Об утверждении положения о федеральной системе защиты морского судоходства от незаконных актов, направленных против безопасности море-

плавания» указывается, что мероприятия по пресечению незаконных актов осуществляются силами и средствами, привлекаемыми для проведения контртеррористической операции в отношении:

а) судов, плавающих под Государственным флагом Российской Федерации, во внутренних водах, в территориальном море Российской Федерации, в открытом море;

б) судов, плавающих под флагом иностранного государства, во внутренних водах, в территориальном море Российской Федерации;

в) судов, плавающих под Государственным флагом Российской Федерации, во внутренних водах и территориальном море иностранного государства, а также судов, плавающих под флагом иностранного государства, с гражданами Российской Федерации на борту за пределами ее территориального моря по разрешению (просьбе) прибрежного государства или государства флага в согласованном с этим государством порядке в ситуации, когда жизни этих лиц непосредственно угрожает опасность и устранить эту опасность другими средствами не представляется возможным;

г) находящихся на территории Российской Федерации объектов управления движением морских судов, средств связи и объектов навигации, портовых сооружений и обслуживающего их персонала.

Документ четко определяет исполнительную юрисдикцию России в отношении объектов, подвергшихся нападению, однако, по мнению автора, он должен быть дополнен пунктами, касающимися не только судов, но и стационарных платформ, в соответствии с положениями Протокола о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе⁷, и Федерального закона от 30 ноября 1995 г. № 187-ФЗ «О континентальном шельфе Российской Федерации».

* Под *исполнительной юрисдикцией* понимается реализация государством возможности и допустимости обеспечения своих правовых велений посредством принятия мер принуждения⁶.

Касаясь содержания п. в) необходимо отметить, что, в случае, если иностранное государство не разрешает или несогласно с осуществлением исполнительной юрисдикции российской стороной, то оно обязано предпринять меры по пресечению преступного акта самостоятельно.

Положения данного документа повышают роль Федеральной службы безопасности по защите объектов на водных акваториях и пресечению совершаемых там преступных актов террористического характера.

Косновным преступлениям террористического характера, представляющих угрозу безопасному функционированию объектов водного транспортного комплекса России, можно отнести террористические акты, захваты заложников, захваты и угоны судов (стационарных платформ), а также пиратские действия.

Здесь необходимо отметить, что рост экстремизма и терроризма в определенной степени «поглотил» проблему захвата заложников. Такой состав преступления на практике все реже проявляется самостоятельно. В частности, захваты заложников на морских пространствах активно практикуются на международном уровне в виде захвата морских судов. В свою очередь, захват и угон судна нередко выступает в виде совершения пиратских действий⁸.

Таким образом, можно выделить два наиболее опасных преступления террористического характера против объектов Российской Федерации, осуществляющих морскую деятельность на водных акваториях – террористические акты и пиратство.

Как свидетельствует статистика, число актов терроризма, совершаемых на море, меньше, чем на земле или в воздухе. В то же время их общест-

венная опасность чрезвычайно велика, а политический резонанс в результате совершения каждого из таких актов значителен⁹.

Морские нападения обеспечивают террористам дополнительное средство экономической дестабилизации. Как считают аналитики, одним из опаснейших сценариев террористической акции на водных путях является нападение с целью закрыть порт или заблокировать важнейшие пути морского сообщения для разрушения механизма глобального морского торгового комплекса. Конечно, долгосрочное или обширное разрушение мировой экономики маловероятно, но вероятность нанесения временного значительного материального ущерба и общественно-политического резонанса достаточно высока.

Например, взрыв судна «Лимбург» в 2002 г. привел к краткосрочному нарушению международного судоходного бизнеса, увеличению на 48 центов цены за баррель сырой нефти Brent и тройным страховым сборам для судов, заходящих в Аден, и в результате, к 93 % снижению товарооборота, который стоил экономике Йемена приблизительно около 4 млн долл. в месяц.

Широкий международно-политический резонанс имел террористический акт против парома «СуперФерри 14» на Филиппинах в 2004 г., который унес более 116 жизней. Причем, затраты террористов были минимальны, а полный цикл подготовки акции составлял два месяца.

Привлекательность водных пространств для террористов подтверждается тем, что для проведения террористических актов на них в террористических организациях, например в Аль-Каиде, существуют специальные структуры.

Так, по имеющейся информации члены индонезийской сети Джемаа Исламия зарегистрировались на коммерческие курсы подводного плавания, которые предоставляют курортные компании.

Члены местных сил безопасности полагают, что главная цель этого обучения состояла в том, чтобы подготовить подводные нападения на газовые и нефтепроводы недалеко от берега Минданао.

Этот факт показывает, что рост коммерческих предприятий, специализирующихся на морских спортивных состязаниях и обучении пользованию специализированным оборудованием, предоставляет террористам возможность обучаться и приобретать средства для того, чтобы действовать на водных пространствах¹⁰.

Первые случаи терроризма на объектах водного транспорта в обозримый период новейшей истории относятся к началу 60-х годов XX в. В 70-е и 80-е годы они стали приобретать все более частый характер.

Например, 4 марта 1973 г. террористы уничтожили судно «Санья» в бейрутском порту. 2 февраля 1974 г. террористы захватили в пакистанском порту Карачи грузовое судно и угрожали взорвать его, если греческое правительство не освободит двух человек, ответственных за террористические акции в аэропорту Афин.

В 1978 г. террористы предприняли попытку захватить подводную лодку американских ВМС «Трепанг» с баллистическими ракетами на борту.

С заметной периодичностью происходят акции террористического характера против судов Российской Федерации.

Так, например, 18 июля 1990 г. в Аденском заливе группой Сомалийского национального движения, использующей в своей деятельности террористические методы, был осуществлен вооруженный захват рыболовецкого судна «Кафф» с 27 советскими рыбаками на борту. Боевики потребовали встречи с советским правительством и выдвинули неприемлемые для Советского Союза политические и иные требования. В результате проведенных переговоров террористы ограничились требованием выкупа. Несмотря на его незаконность, советское правительство было вынуждено его удовлетворить, чтобы освободить моряков.

Большой политический резонанс получил захват пассажирского парома «Аврасия» в порту Трабзон (Турция) 16 января 1996 г. Группа из 12 террористов осуществила захват судна и взяла в заложники экипаж и пассажиров. Причем, значительная часть заложников были гражданами России.

Эта террористическая акция была прямо направлена на нанесение ущерба безопасности России и имела тесную связь с сепаратистскими силами, действовавшими в Чеченской Республике.

В 2000 г. был захвачен российский траулер «Горизонт-2».

И это далеко не полный перечень всех преступных акций террористического характера, совершенных против объектов водного транспортного комплекса России.

Однако, проведение террористических актов, помимо захвата заложников, может выражаться во взрывах, поджогах или иных действиях диверсионного характера. Кроме того, учитывая, что водным транспортом перевозятся иногда очень крупные партии химических, биологических или радиационноопасных грузов, не трудно представить степень опасности совершения террористического акта в подобных условиях. Даже утечка нефтепродуктов из танкера может вызвать экологическую катастрофу. Это предопределяет необходимость, наряду с мероприятиями по пресечению акций террористического характера на акватории, повышать оперативность и эффективность проведения мероприятий по локализации и ликвидации последствий, возникших в результате произошедших подобного рода событий.

По мнению некоторых исследователей, тенденции развития современной обстановки позволяют прогнозировать дальнейший рост вероятности совершения террористических актов на вод-

ных пространствах Мирового океана, в том числе и в водах, находящихся под юрисдикцией Российской Федерации.

В качестве тенденций, обуславливающих увеличение вероятности проявления терроризма на водных пространствах Российской Федерации, можно выделить следующие:

1. Усиливающиеся воздействие терроризма на политическую и экономическую жизнь государств, который в состоянии снизить инвестиционную привлекательность, дестабилизировать экономику и международные отношения, а также стать реальной угрозой их конституционному строю и территориальной целостности.

2. Ужесточение борьбы за право владения ресурсами в Мировом океане.

3. Использование некоторыми иностранными государствами терроризма в качестве инструмента вмешательства во внутренние дела России для оказания выгодного им влияния на российскую внешнюю политику, а также одного из способов реализации своих военно-политических, экономических и стратегических целей в ущерб национальным интересам России.

4. Стирание границ между внутригосударственным и международным терроризмом.

5. Динамичная трансформация форм, методов, средств, целей, повышение уровня организации, оснащенности и конспирации в деятельности террористических организаций.

6. Сращивание организованной преступности с действиями террористов, в результате чего терроризм превратился в доходный бизнес¹¹.

Указанные тенденции развития, в полной мере присущи действиям внутренних экстремистских сил в Рос-

сии. Учитывая значительный материальный ущерб и общественно-политический резонанс от проведенной террористической акции на объекте водного транспортного комплекса, преступные организации могут использовать такие акции для нанесения ущерба конституционному строю и территориальной целостности Российской Федерации.

Наряду с терроризмом, актуальной проблемой, влияющей на развитие обстановки на море, является пиратство. Вместе с ростом количества актов насилия со стороны пиратов отмечается и усиление их жестокости. Выросла степень организованности пиратских нападений. Пиратство стало разветвленной преступной структурой, борьба с которой вышла на международный уровень.

В решении этих проблем Россия принимает активное участие. На безнаказанность пиратов и неурегулированность порядка их уголовно-правового преследования указывал Президент Российской Федерации в своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации в 2010 г.¹⁰

Примерами беспрецедентных пиратских акций является захват (17 ноября 2008 г.) в водах Аравийского моря супертанкера «Сириус Стар» (*Sirius Star*), который перевозил в США 2 млн баррелей нефти, что составляло на тот период четверть дневной добычи нефти Саудовской Аравии, а также захват (25 сентября 2008 г.) в Индийском океане украинского судна «Фаина», на борту которого находились 33 танка Т-72, 6 установок залпового огня, гранатометы и боеприпасы.

Эти акции со стороны пиратов вызвали серьезный политический резонанс в мире и дестабилизировали экономические процессы.

Необходимо отметить, что ни одна из заинтересованных сторон не смогла самостоятельно провести операцию по пресечению преступных действий пиратов. В обоих случаях поли-

тическое руководство заинтересованных стран шло на уступки, и преступники получали требуемый выкуп в обмен на освобождение судна и заложников. При этом преступники имели возможность беспрепятственно скрыться.

Для России, показательным был случай с захватом пиратами судна «Арктик Си» (*Arctic Sea*) (август 2009 г.) с российским экипажем на борту. Несмотря на сложную обстановку, с целью поиска судна и спасения экипажа была проведена операция с привлечением сил Военно-морского Флота России. Положителен также тот факт, что преступники были привлечены к уголовной ответственности по ст. «Пиратство» (ст. 227 УК РФ).

Анализируя тактику совершения преступных действий пиратов, необходимо отметить, что все их успешные атаки приводят к захвату заложников, численность которых зависит от количества находящихся на борту людей. Проблема противодействия их преступным действиям заключается в том, что пираты действуют очень быстро и неожиданно с «кораблей-баз», которые трудно отличить от обыкновенных судов. В связи с этим члены команды не всегда успевают вовремя заметить преступников и оказать сопротивление. Кроме того, экипаж не имеет средств эффективного противодействия хорошо вооруженным бандам.

Военные корабли, если они осуществляют сопровождение, способны уничтожить или отогнать морских бандитов только до того момента, как они поднимутся на борт судна, то есть предотвратить захват. После захвата речь идет уже о проведении мероприятий по освобождению судна, а для этого необходимы специально подготовленные силы, средства и условия для их применения.

Представляет интерес также тот факт, что нередко акты пиратства носят заказной характер и могут осуществляться для оказания воздействия на экономические или политические процессы в России.

Современный масштаб действий пиратов и способы реализации ими своих преступных замыслов (применение оружия, захваты заложников, убийства) позволяют говорить о том, что пиратство приобретает террористическую направленность. По мнению некоторых зарубежных экспертов, оно становится инструментом транснационального терроризма¹³.

Поэтому к терроризму на море следует подходить как к проблеме, органично связанной с пиратством.

У пиратства и терроризма есть схожие черты в организационных структурах и разведывательных методах получения необходимой информации. Кроме того, оба явления угрожают человеческим жизням и экономической деятельности в море и в портах.

Вопреки существующему мнению, что пираты действуют с единственной целью наживы, большинство из них в современных условиях, как и террористы, подкованы идеологически и имеют далеко идущие политические планы. Многие террористические организации стремятся обеспечить себе возможность действовать на море в целях дальнейшего распространения терроризма.

Методами морского пиратства оперируют следующие террористические организации¹⁴:

- Тигры освобождения Тамил-Илама (шриланкийские сепаратисты);
- Движение за освобождение Ачеха (Суматра);
- Исламский освободительный фронт Моро (исламистская организация на юге Филиппин);
- Джемаа Исламия (исламистская организация в Юго-Восточной Азии);
- Аль-Каида;
- Хезболла.

Анализ природы возникновения этих явлений с точки зрения действу-

ющего российского законодательства, показывает, что пиратство (ст. 227 УК) посягает на безопасность судов, осуществляющих морские или речные перевозки, и является преступлением международного характера, ответственность за которое предусмотрена Конвенцией 1988 г. о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, Конвенцией ООН 1982 г. по морскому праву, Женевскими конвенциями 1953 г. и 1958 г. об открытом море. Местом его совершения является только открытое море.

В пределах же территориальных вод России пиратство следует квалифицировать как разбой (ст. 162 УК РФ).

Как указывалось выше, пиратские действия заключаются в захвате или угоне судна (ст. 211 УК РФ). Вместе с тем, эти действия сопровождаются захватом или удержанием лиц в качестве заложников, которые можно квалифицировать согласно диспозиции ст. 206 УК РФ, как совершенные в целях понуждения государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от него, как условие освобождения заложника¹⁵. В то же время в соответствии с ФЗ «О противодействии терроризму» и УК РФ (ст. 205-1), захват судна и захват заложников признаются преступлениями террористического характера⁸.

Действия преступников по захвату судна и заложников могут также быть квалифицированы согласно ст. 205

УК РФ (Террористический акт) как: «...иные действия, устрашающие население и создающие опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий...».

Что касается направленности совершаемых действий в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, то в современных условиях преступники не всегда объявляют их целью своих действий, хотя отдельные деяния не что иное, как террористические акты. Можно предположить, что воздействие на государство и его органы можно оказывать без непосредственного предъявления требований.

По мнению автора, с учетом возрастания масштабов пиратства в случаях, если пиратские действия по захвату судов и других объектов на акватории совершаются с применением оружия, демонстративно создают серьезную угрозу интересам общественной и государственной безопасности, то их целесообразно рассматривать как террористические. Это должно отражаться и на ходе проведения мероприятий по пресечению таких акций.

Учитывая вышеизложенное, можно сказать, что особое геополитическое положение, современные тенденции развития внешней и внутренней политической и экономической обстановки, определяют актуальность вопроса обеспечения безопасности морской деятельности России в Мировом океане.

Общественная опасность преступлений террористического характера на водных пространствах Российской Федерации чрезвычайно высока и определяется возможностью появления больших человеческих жертв и тяжелых экологических последствий, а также нанесения значительного ущерба в политической сфере.

С учетом этого, очевидна необходимость принятия дополнительных мер по обеспечению безопасности акваторий и объектов водного транспортного комплекса, в том числе за счет совершенствования системы подготовки специальных сил и средств, а также дальнейшее улучшение организационно управленческой

структуры государственных органов по пресечению террористических и иных преступных акций на водных акваториях.

В этих целях целесообразно внести некоторые изменения в нормативно-правовые акты Российской Федерации.

В частности, в соответствии с п. 1 ст. 15 ФЗ от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» пресечение акций террористического характера осуществляется силами и средствами органов федеральной службы безопасности. Поэтому, ответственность за пресечение террористических акций на объектах водного транспортного комплекса полностью лежит на ФСБ России.

Для оказания силового воздействия на преступников, захвативших объект на акватории, из состава создаваемой органами обеспечения безопасности группировки сил могут также быть использованы подразделения Вооруженных сил России, деятельность которых и порядок применения ими вооружения урегулирован ст. 6–10 указанного закона.

Вместе с тем для подобного рода задачи, в первую очередь будут использоваться специальные подразделения ФСБ и силы Береговой охраны Пограничной службы ФСБ России, порядок действий которых при проведении мероприятий по пресечению преступных акций террористического характера против объектов, находящихся на водных пространствах, в законе не отражен, так как эти подразделения не входят в состав Вооруженных сил Российской Федерации.

Для устранения этого пробела на основании ст. 17 ФЗ от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» целесообразно дополнить положения ст. 8 и 10 закона «О противодействии терроризму» указанием на другие войска, воинские формирования и органы, наряду с Вооруженными силами.

Кроме того, целесообразно внести аналогичные изменения в Положение о применении оружия и боевой техники Вооруженными силами России для устранения угрозы террористического акта во внутренних водах, в территориальном море, на континентальном шельфе России при обеспечении безопасности национального морского судоходства, в том числе и в подводной среде, утвержденного Постановлением Правительства от 6 июня 2007 г. № 352 «О мерах по реализации Федерального закона „О противодействии терроризму“».

Примечания

- ¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537). Ст. 8. Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года (утв. указом Президента Российской Федерации от 27 июля 2001 г. № 1387).
- ² Зарубежное военное обозрение. 2009. № 2. С. 62.
- ³ Основы военно-морской науки: военно-теоретический труд/ под общ. ред. Куроедова В. И. М.: Воениздат, 2008. С. 16.
- ⁴ Завьялов Ю. Л. (Заместитель начальника ФГУ «Служба морской безопасности») Транспортная безопасность на внутреннем водном транспорте: анализ, проблемы, пути решения // Транспортная безопасность и технологии. 2007. № 4 (13). С. 104.
- ⁵ Колодкин А. Л., Гуцуляк В. Н., Боброва Ю. В. Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы. М.: Статут, 2007. С. 357; Ромашев Ю. С. Международное правоохранительное право. М.: Норма, Инфра-М, 2010. С. 231.

- ⁶ Черниченко С. В. Субъективные границы международного права, суверенитет и юрисдикция государств // СЕМП. 1989–1990–1991. М., 1992. С. 20–21.
- ⁷ Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе (Рим, 10 марта 1988 г.) // Бюллетень международных договоров. 2002. № 1. С. 12–15.
- ⁸ Дьяков С. В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. С. 110–111, 118.
- ⁹ Ромашев Ю. С. Международно-правовые основы борьбы с преступностью. В 2-х томах. Т. 1. М.: Национальный институт бизнеса, 2006. С. 130–131.
- ¹⁰ Chalk P. The maritime dimension of international security. Terrorism, Piracy, and Challenges for the United States. RAND Corporation, 2008. P.20, 22 // <http://www.rand.org/pubs/monographs/MG697>
- ¹¹ Горбунов Ю. С. Терроризм и правовое регулирование противодействия ему. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 163–170.
- ¹² Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. // Российская газета. 01 декабря 2010. № 271.
- ¹³ Моджорян Л. А. Терроризм на море. Борьба государств за безопасность морского судоходства. М.: Междунар. отношения, 1991. С. 37; Ромашев Ю. С. Борьба с преступлениями международного характера, совершаемыми на море (Терроризм, пиратство, незаконный оборот наркотиков и др. преступления), М.: РосКонсульт, 2001. С. 140; Мясников В. Пиратство становится глобальной угрозой // НВО. 17 октября 2008; Luft G., Korin A. Terrorism goes to Sea // Foreign Affairs, November/december 2004 // <http://www.foreignaffairs.org>
- ¹⁴ Пиратство и терроризм – две стороны одной медали // <http://flot.com/nowadays/tasks/piracy/twofaces/>
- ¹⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ (принят ГД ФС РФ 24.05.1996) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25, ст. 2954; Комментарий к УК РФ/ Отв. ред. В. И. Радченко, науч. ред. А. С. Михлин, М.: Проспект, 2008. С. 367–369, 379–381.

Подписка на 2011 г.
на журнал «Обозреватель–Observer»
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
36789 – на год

Миссии и представительства в системе зарубежных учреждений РПЦ

Ольга Церпицкая

Русская Православная Церковь в настоящее время уже приобрела черты влиятельного фактора мировой политики. Этому способствовал распад СССР, в результате которого церковь не только получила относительную свободу действий, но и стала силой, связывающей различные народы бывшего Союза, независимо от государственных границ. Получив также многочисленную православную диаспору в дальнем зарубежье, Русская Церковь сама фактически стала транснациональной. Как следствие – на международной арене она преследует не только собственные интересы, но и представляет интересы государств, входящих в её каноническую территорию, в сферах, допустимых церковным Уставом.

В целом в международной деятельности Русской Православной Церкви можно условно выделить четыре направления:

1. Сохранение церковного единства вне зависимости от государственных границ и окормление русскоязычной православной диаспоры в дальнем зарубежье. Государственные границы, к слову, являются достаточно нестабильными, и часто политическая нестабильность угрожает границам каноническим (как, например, на Украине).

2. Отношения с остальными православными поместными церквями.

3. Отношения с инославным христианством, международными христианскими организациями и представителями других религий.

4. Сотрудничество с государственными структурами, в том числе внешнеполитическими ведомствами различных стран, с международными правительственными и общественными организациями, с политическими партиями и гражданским обществом зарубежья¹.

ЦЕРПИЦКАЯ Ольга Львовна — кандидат политических наук (Санкт-Петербургский государственный университет). E-mail: tserpitskaya@rambler.ru

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, зарубежные учреждения, миссия, представительство.

Обозначенные направления могут существенно влиять на развитие мировой политики. Диаспора, например, в некоторых случаях может оказывать влияние на политическую жизнь страны пребывания, содействовать созданию определённого образа своей родины в глазах местного населения, и именно поэтому поддержке диаспор уделяется сегодня такое внимание со стороны российских властей.

Отношения с поместными церквями помогают и в развитии, а также укреплении связей с государствами, входящими в их канонические территории.

Примером могут служить связи Русской и Сербской Православных Церквей, способствовавших укреплению отношений между Россией и Сербией, тесно связанных друг с другом самой историей.

Связи с инославными христианами и представителями остальных мировых религий полезны тем, что по определённым вопросам современности (например, по ряду нравственных вопросов) представители различных религий занимают сходную позицию и в случае необходимости защитить их на международном, региональном или государственном уровне могут объединить свои усилия³.

Однако наибольшее влияние на развитие мировой политики в целом и внешней политики России на принятие определённых решений как отдельными государствами, так и международными организациями оказывает деятельность церкви, направленная на сотрудничество с государственными структурами (прежде всего внешнеполитическими) и международными организациями. При этом важно отметить, что церковь не является средством достижения собственных целей на международном уровне тем или иным государством, хотя «внешнеполитические интересы многих государств и церкви на международной арене совпадают в определенных сферах, таких как миротворчество, защита прав и свобод граждан, являющихся чадом Русской Православной Церкви, сохранение культурного и исторического наследия народов, окормляемых Московским Патриархатом»¹.

Для достижения обозначенных целей Русская Православная Церковь обладает разветвленной системой зарубежных учреждений, что предоставляет ей возможность самостоятельных действий на международной арене. По словам нынешнего Патриарха (в бытность его главой Отдела внешних церковных связей), «Русская Православная Церковь является, наверное, единственной структурой вне государства в России, которая буквально изначально имела свою внешнюю службу»⁴. И именно зарубежные учреждения на протяжении истории представляли и проводили в жизнь интересы не только церкви, но иногда и государства.

В настоящее время, согласно Уставу Русской Православной Церкви, принятому в 2000 г., «церковными учреждениями в дальнем зарубежье <...> являются епархии, благочиния, приходы, ставропигиальные и епархиальные монастыри, а также миссии, представительства и подворья, находящиеся за пределами стран СНГ и Балтии»⁵. Свою деятельность учреждения организуют в соответствии с вышеупомянутым Уставом и собственными уставами. Заграничные представительства и подворья являются ставропигиальными учреждениями, то есть подчиняются непосредственно центральной церковной власти, самому Патриарху, а не местному епархиальному управлению.

В 2009 г. был создан специальный Секретариат Московской Патриархии по зарубежным учреждениям. Цель создания – дальнейшее «углубление взаимодействия между епархиями и приходскими структурами, находящимися в ведении Патриарха Московского и всея Руси с одной стороны, и Священного Синода Русской Православной Церкви за рубежом – с другой <...> для осуществления канонического, архипастырского, административного, финансового и хозяйственного попечения о зарубежных учреждениях Русской Православной Церкви».

Зарубежные учреждения стали подчиняться не ОВЦС, а напрямую Патриарху. Ранее контроль над их деятельностью осуществлялся Председателем Отдела внешних церковных связей, который представлял Синоду кандидатуры на должности их руководителей, однако в соответствии с последними поправками, принятыми на Архиерейском соборе 2011 г., заграничные учреждения окончательно были выведены из компетенции Председателя Отдела внешних церковных связей (ОВЦС).

Однако ОВЦС остаётся главным учреждением, контролирующим развитие международной деятельности Русской Православной Церкви по всем основным направлениям. Именно он будет курировать и продолжать сотрудничество с представительствами Московского Патриархата при международных организациях. В этом свете встает вопрос о месте миссий и представительствах в системе зарубежных учреждений Русской Православной Церкви и изменениях, произошедших в этой системе за последние годы.

Миссии как зарубежные учреждения церкви в отличие от представительства имеют долгую историю и просуществовали не одно столетие.

Основной целью миссии, определяющей ее деятельность в целом, тради-

ционно является «учреждение поместных Церквей, а ее составляющими выступают:

- проповедь Евангелия;
- обращение язычников и пробуждение „номинальных“ христиан;
- вовлечение обращенных в активную церковную жизнь;
- мобилизация Церкви во всей её полноте и во всех её проявлениях»⁶.

Фактически целью организации миссий обычно было распространение христианства и развитие церковной жизни в конкретной стране/регионе. Официально миссии никогда не создавались с политическими целями (хотя на практике иногда получалось иначе). В их функции не входит регулярное взаимодействие с официальными властями, хотя установление определённых контактов необходимо для нормальной реализации целей миссии. Кроме того, успешная деятельность миссии способствует формированию положительного образа как православия, так и страны церкви, создающей миссию, в глазах местного населения (а это уже определенная помощь и государственным структурам)⁷.

В настоящее время в Русской Православной Церкви официально действует только Русская духовная миссия в Иерусалиме, главная задача которой (помимо духовного окормления верующих) состоит в оказании организационной и духовной помощи паломникам и туристам из русскоязычных стран. Однако неформально любой заграничный приход в какой-то мере выполняет миссионерские функции самим фактом своего существования, своей повседневной приходской жизнью свидетельствуя о православии, привлекая к нему местных жителей.

«Сегодня так называемый христианский мир нуждается в повторной христианизации. Это касается как на-

шей страны, так и других стран мира. Поэтому перед любым из наших прихожан за рубежом актуален вопрос христианской миссии»⁸.

Представительства Русской Православной Церкви стали создаваться сравнительно недавно, и можно смело прогнозировать развитие этого процесса и в дальнейшем.

«Наши Представительства в Брюсселе, Страсбурге, Женеве, Нью-Йорке <...> позволяют доносить до правительственных и общественных кругов разных стран церковную оценку современных тенденций мирового развития, свидетельствовать о необходимости внимательного и бережного отношения к самобытным духовным и культурным основам жизни народов, определяющим их облик и самосознание, возвышать голос Церкви против распространения греха и порока»⁹.

Создание таких представительств отражает суть изменений, произошедших в системе церковных зарубежных учреждений. Ведь если деятельность миссии сосредоточена в основном на взаимодействии с обычными гражданами как соотечественниками, так и местными жителями, то представительства изначально создаются для доведения до официального руководства стран, международных организаций, институтов гражданского общества, СМИ позиции Московского Патриархата по наиболее актуальным вопросам современности. Хотя в долгосрочной перспективе деятельность миссий и представительств объединяет одна главная цель – свидетельство о православии и укрепление церкви.

Важнейшую роль играют представительства при международных организациях. Взаимодействие с таким органи-

зациями, как Совет Европы, Европейский союз, Организация Объединенных Наций началось ещё при Патриархе Алексии II, который лично неоднократно «встречался с руководителями международных организаций, подчеркивая жизненную необходимость включения религиозных и нравственных ценностей в фундамент современного мироустройства»¹⁰, и продолжается в настоящее время. Стоит отметить, что Русская Православная Церковь не является единственной церковью, открывающей свои представительства.

Например, при ЕС существует несколько представительств поместных православных церквей.

«Первым среди них стало Представительство Константинопольского Патриархата при Европейском союзе, затем было создано Представительство Элладской Православной Церкви и в 2002 г. – Представительства Московского Патриархата и Румынской Православной Церкви»¹¹.

Процесс продолжился открытием Представительства Кипрской Церкви при Европейском союзе (2008 г.), которое было обусловлено, в частности и сложной политической ситуацией на Кипре*.

Римско-Католическая Церковь представляет свои интересы через дипломатические миссии Святого Престола, которые существуют в большинстве государств мира и при влиятельных международных организациях.

Поэтому учреждение представительств Московского Патриархата вполне соотносится с практикой других христианских церквей, также стремящихся к укреплению своего влияния и информирования мировой общественности о своей позиции.

Поскольку создание представительств обосновывается необходимо-

* Это вызвало возражения Константинопольского Патриархата, считавшего, что для представления православных ценностей вполне достаточно и его собственного представительства.

стью представлять интересы церкви при той или иной международной организации либо в определенном государстве, то открываются они преимущественно в основных мировых политических и экономических центрах (Нью-Йорке, Брюсселе, Страсбурге, Женеве), а также в странах, развитие отношений с которыми важно для России, или где усилилось российское присутствие (Германии, Финляндии, Таиланде).

Можно сказать, что современные представительства возрождают дореволюционные традиции, когда зарубежные приходы Русской Православной Церкви открывались в государствах, где Российская империя преследовала некие «территориальные или стратегические интересы. Для Церкви это выгодно, так как она имеет возможность блюсти свою паству <...> и заниматься миссионерской деятельностью»⁶.

Ещё одной задачей представительства является формирование объективного у общественности западных стран отношения к странам «русского мира», Русской Православной Церкви, православию в целом, а также налаживание взаимодействия с западными СМИ и предоставление им информации, отражающей позицию церкви (иногда Российской Федерации) и разрушающей стереотипы, десятилетиями формировавшиеся на Западе.

Там, по словам нынешнего главы ОВЦС, митрополита Волоколамского Илариона, часто говорят, что Русская Православная Церковь «состоит из бывших сотрудников КГБ, что она сплелась с государством и претендует на роль „государственной церкви“ и т. п. О реальном бытии возрождающейся Церкви, о жизни ее епархий, монастырей и приходов знают очень мало, зато все скандалы и нестроения, происходящие на церковной почве, освещаются очень подробно»².

В качестве примера такого настороженного отношения к Русской Церкви можно привести слухи, возникшие вокруг строительства

Русского духовно-культурного центра и православного храма в центре Парижа, когда спецслужбы Франции выразили беспокойство, что эти учреждения наверняка будут использоваться для прикрытия действий российской разведки в стране. А достижение самой договоренности о строительстве было названо «блестящей дипломатической удачей»¹³.

Помимо открытия официальных представительств, миссий и подворий для достижения каких-либо краткосрочных целей могут быть использованы и другие средства.

В качестве примера можно привести развитие отношений Русской и Грузинской Православных Церквей в настоящее время.

Как известно, после грузино-осетинского конфликта (август 2008 г.) дипломатические отношения между Россией и Грузией были разорваны. Но страны связывает слишком много общего, в том числе православная вера. И, в отличие от официальных государственных властей, обе Церкви не только не прекратили свои связи, но, напротив, стали уделять им пристальное внимание, стараясь сохранить отношения и между своими народами.

Интересным с точки зрения дипломатии шагом стал обмен «церковными послами» между Россией и Грузией.

В декабре 2009 г. Священным Синодом было принято решение о направлении в Тбилиси русского священника (согласно официальному заявлению, для окормления русскоязычных прихожан), и Грузинская Церковь практически сразу заявила о направлении в Россию своего священника для совершения богослужений на грузинском языке.

Однако при этом церковные власти дали понять, что их представители будут не только совершать богослужения. Как заметил Патриарх Кирилл, «нет государственных послов — будут церковные. Кто-то позицию Русской Церкви, а значит, и в значительной мере позицию нашего народа должен представлять братскому грузинскому народу в Тбилиси <...> сама природа Церкви позволяет ей становиться неангажированной стороной в разрешении конфликтных ситуаций»¹⁴.

Данное решение осталось практически незамеченным в российских СМИ, но вызвало противоречивые отклики среди грузинской общественности: в действиях Церквей усмотрели в большей степени политическое, а не религиозное значение.

Стоит заметить, что если отношения России и Грузии не получают нормального развития, то в Тбилиси может быть открыто и полноценное представительство Русской Православной Церкви.

Таким образом, рассмотрев место миссий и представительств в системе заграничных учреждений Русской Православной Церкви, можно сделать следующие выводы.

1. В систему зарубежных учреждений Московского Патриархата входят церковно-административные единицы (епархии и благочиния), приходы и монастыри, а также миссии, представительства и подворья в дальнем зарубежье.

2. Миссии и представительства различаются целями, для достижения которых они были созданы. Так, если у миссий главной целью обычно являлось дальнейшее распространение христианства и создание новых поместных церквей, то представительства создаются для противостояния некоторым мировым тенденциям, вызывающим серьезное беспокойство церкви, способным привести к подавлению христианских ценностей и дискриминации христиан.

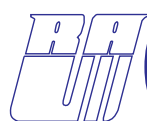
3. Представительство – это новая форма зарубежных учреждений, созданная для налаживания диалога с мировой общественностью, защитой традиционных ценностей на международном уровне, доведения до международных организаций и властей иностранных государств мнения Русской Церкви по актуальным вопросам.

Деятельность представительств может содействовать достижению внешнеполитических целей (в том числе государственных) не только России, но в какой-то степени и Украины, Молдавии, Белоруссии. Взаимодействуя с зарубежными СМИ и институтами гражданского общества, представительства могут способствовать преодолению стереотипов и предрассудков в отношении православия и «Русского мира», создавая более благоприятный образ их в мире.

Примечания

- ¹ Алексий, Святейший Патриарх Московский и всея Руси. Русская Православная Церковь в мире // *Международная жизнь*. 2009. № 2. С. 3–12.
- ² Иларион (Алфеев), архиепископ Волоколамский. Нести миру Евангельское свидетельство // *Церковь и время*. 2009. № 2 (47).
- ³ Маркушина Н. Ю., Церпицкая О. Л. Концепция регионального институционализма / *Обозреватель-Observer*. 2010. № 4 (243). С. 11–14.
- ⁴ Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Русская Православная Церковь изначально имела свою внешнюю службу // *Международная жизнь*. 2002. № 6. С. 34.
- ⁵ Устав Русской Православной Церкви // *Церковь и время*. 2001. № 2 (15). С. 49.
- ⁶ Церпицкая О. Л. Взаимодействие Русской Православной Церкви и российского государства в мировом сообществе. СПбГУ, 2006. С. 42–43.
- ⁷ Церпицкая О. Л. Теоретические аспекты миссионерской деятельности // *Обозреватель-Observer*. 2010. № 3 (242). С. 86.
- ⁸ Особенности внешней миссии. Доклад руководителя Управления Московской Патриархии по зарубежным учреждениям архиепископа Егорьевского Марка на IV Всецерковном съезде епархиальных миссионеров // <http://www.patriarchia.ru/db/text/1320895.html>

- ⁹ Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Православное единство и православное свидетельство в современном мире // Церковь и время. 2008. № 3 (44). С. 101.
- ¹⁰ Было сделано самое важное – Церковь вышла за свою ограду // Быть верным Богу. Книга бесед со Святейшим Патриархом Кириллом. Минск, Белорусская Православная Церковь, 2009. С. 238–239.
- ¹¹ Модель С., священник. Православная Церковь в Бельгии и Люксембурге // Церковь и время. 2006. № 3 (36). С. 172.
- ¹² Кипрская Церковь открывает представительство при Евросоюзе // <http://www.patriarchia.ru/db/text/493788.html>
- ¹³ Samuel H. French secret service fear Russian cathedral a spying front // The Telegraph. 28 May 2010.
- ¹⁴ <http://www.interfax-religion.ru/gry/?act=news&div=33581>

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
BSEVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@ru.ru

E-mail: observer@nasled.ru

**На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:**

- ☐ журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2011 гг.);
- ☐ «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD;
- ☐ книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- ☐ информация и аналитика.

Социальные революции — миф или реальность?

Александр Борщ

Развитие социальных процессов в мире, особенно в течение последних столетий, показало, что важной формой политической борьбы являются социальные революции.

Сейчас среди политиков и политологов можно слышать такие заявления: «Революции себя изжили, они в прошлом, лимит на революции исчерпан». Тем самым отрицается объективная сторона развития общества и историческая неизбежность революций. Конечно, сторонников подобных взглядов можно понять. Они как могут защищают капиталистическое общество как предел социальных завоеваний, а частную собственность на орудия и средства производства как незыблемую форму общественных отношений. Однако такое утверждение по меньшей мере некорректно, а по существу – антинаучно, и вот почему.

Социальные революции являются объективной реальностью. Они возникают в результате постепенного перерастания противоречий, накапливающихся в процессе эволюционного развития, которые разрешаются в различных формах: переворот, восстание, мятеж и т. п.

Революции могут носить кратковременный характер или охватывать целую историческую эпоху. Они являются результатом общественного развития, закономерного процесса, не зависящего от воли отдельных политических фигур или какой-либо социальной группы. Революции возникают на переломном этапе, когда сложившиеся противоречия или конфликты не могут быть разрешены никаким другим способом¹.

Социальная революция – это способ перехода от исторически изжившей себя общественно-экономической формации к более прогрессивной, коренной качественный переворот во всей социально-экономической структуре общества².

Рассмотрим наиболее важные положения, характеризующие социальные революции, их типы, предпосылки и основные способы свершения, которые вызывают немало споров среди политиков, философов и политологов.

БОРЩ Александр Александрович — кандидат юридических наук. E-mail: boretz.alexandr@yandex.ru

Ключевые слова: социальные революции, революционная ситуация, типы социальных революций, способы свершения социальных революций.

Типы социальных революций

В настоящее время, когда на планете существуют два вида общественного строя – капитализм и социализм, а с остатками феодализма и колониализма покончено, в качестве основных типов социальных революций остаются буржуазные (буржуазно-демократические) и социалистические³.

Буржуазные (буржуазно-демократические) революции, убравшие с политической арены феодализм, имеют целью установление в стране политического господства (власти) буржуазии, что имело место в мире на протяжении XVIII–XX вв. Был пример и обратного порядка – буржуазно-демократическая революция победила в России в 1991 г., сменив социалистический строй.

Буржуазно-демократическая революция – это один из типов социальной революции, который уничтожает феодальный строй или его остатки, может ставить своей целью завоевание национальной независимости².

В ряде европейских стран за последние два десятка лет к власти пришли сторонники демократических преобразований и установления капиталистических отношений. Позже политическая борьба в этих странах развернулась за модернизацию существующего строя, но уже во главе с другими политическими силами.

Как пишет политолог О. Глазунов, свершились так называемые «цветные революции» («революция роз» в Грузии, «оранжевая революция» на Украине и др.), которые, по сути, явились переворотами, а не буржуазно-демократическими революциями. Безусловно, объективные причины для смены существовавших в этих странах режимов власти имелись, и большая часть

населения этих стран, измученная тяжёлыми жизненными условиями, желала радикальных перемен. Но все эти «революции» готовились западными режиссерами-постановщиками. Их главная цель состояла в том, чтобы сменить неугодную Западу правящую элиту на прозападную, негативно настроенную по отношению к России⁴.

В результате подобных переворотов не было никаких существенных перемен в общественном переустройстве.

Во-первых, инициатива смены правящих элит происходила «сверху», от таких же элит (временно отстраненных от власти) и их западных покровителей. Поэтому радикальной смены правящей элиты не произошло.

Во-вторых, приход к власти «новой» элиты не привел к радикальным (революционным) переменам в политической и социально-экономической сферах общества. Пришедшие к власти элиты занялись переделом собственности в свою пользу. Перевороты («цветные революции») ограничились внутренними политическими разборками. Энтузиазм, инициатива и энергия масс оказались невостребованными. Сразу же после смены режима про людей забыли. Положение основной массы населения не только не улучшилось, а, напротив, ухудшилось.

В-третьих, в социально-классовой структуре общества фактически не произошло каких-либо существенных изменений⁵.

Пришедшая к власти находившаяся ранее в оппозиции политическая элита попросту обманула поддержавший ее народ. Кроме того, перевороты, как правило, в значительной степени финансируются и провоцируются извне, но не всегда оправдывают ожидания своих спонсоров.

Перевоороты («цветные революции») представляют угрозу прежде всего для элит, находящихся у власти и распоряжающихся ресурсами страны, так как они могут лишиться и политической власти, и ресурсов. А для людей, влачащих жалкое существование на грани выживания, такая борьба дает хоть какую-то надежду на улучшение своего положения. Но, как правило, эти надежды в ходе буржуазно-демократических революций не оправдываются. Поэтому реального улучшения своего положения народ может добиться только путем радикальной смены дискредитировавшей себя правящей элиты, то есть социалистической революции и установления эффективного контроля над государством со стороны гражданского общества⁴.

Таким образом, буржуазно-демократическая революция создает парадоксальный виток эволюции, который через некоторое время приводит к ее гибели: свобода предоставляется наименее образованным и криминальным слоям, а у самых образованных и творческих слоев общества всякая свобода отбирается. Формальное декларирование принципов равенства, братства и справедливости в дореволюционный период завершается реальным деклассированием населения в послереволюционный период. Даже те слои общества, ради и от имени которых совершается буржуазно-демократическая революция, мало что от нее получают, поскольку уничтожение аристократии – культурного авангарда общества – лишает остальное население стимулов на кого-то равняться, к чему-то стремиться.

Политические технологии осуществления переворотов («цветных революций») были примерно следующие: результаты только что состоявшихся выборов объявлялись сфальсифициро-

ванными и нелегитимными, после чего на улицы и площади организованно выводились противники существовавших режимов, устраивались массовые акции протеста, в некоторых случаях (в Сербии, Грузии, Киргизии) захватывались правительственные учреждения. В этих событиях активную роль играли студенческие организации, имевшие тесные связи и пользовавшиеся поддержкой западных неправительственных организаций.

В Сербии такая организация называлась «Отпор», в Грузии – «Кхмара», на Украине – «Пора».

Внутренние беспорядки дополнялись внешнеполитическим давлением и прямым вмешательством со стороны США, государств – членов Европейского союза и некоторых международных организаций. Результатом всех этих усилий становился пересмотр итогов голосования, новые выборы, которые приносили победу лидерам переворотов («цветных революций») и открывали им дорогу к власти.

Осуществление сценариев переворотов («цветных революций») было возможно не только благодаря иностранному вмешательству, но и благодаря использованию технологий манипулирования политическим сознанием и поведением больших масс людей. Источниками буржуазно-демократических революций были и конфликт элит и лидеров, и кризис «верхов» и «низов», а также иные социально-политические и политико-психологические механизмы, традиционно присущие революционным процессам. Осуществились далеко не все надежды, возлагавшиеся на перевороты их лидерами и организаторами.

Перевороты еще раз показали, что цена революционных изменений может быть весьма высокой. При этом не

сбываются обещания и посулы их лидеров, а результатом не всегда становится процветание страны.

Переворот («революция роз») не решил сложных экономических проблем Грузии, половина населения которой по-прежнему живет и работает за границей. Лидер переворота М. Саакашвили, ставший президентом Грузии, во внутренней политике неоднократно использовал силовые способы подавления оппозиции.

Во внешней политике Грузии наметился курс на обострение отношений с Россией, кульминацией которого стал вооруженный конфликт в Южной Осетии летом 2008 г.

Как переворот («революция роз») в Грузии, так и переворот («оранжевая революция») на Украине не принесли политической стабильности и экономического процветания.

Вытеснение русского языка и культуры, попытки реабилитации пособников фашистских оккупантов свидетельствуют о том, что в результате переворота восторжествовали не идеалы свободы и демократии, а идеи украинского национализма.

Если до переворота Украина лидировала на постсоветском пространстве по темпам экономического роста, то после прихода к власти «оранжевой» коалиции эти темпы резко упали.

Правда, с приходом к власти В. Януковича положение на Украине стало меняться к лучшему.

Сложной и взрывоопасной продолжает оставаться социально-экономическая ситуация в Киргизии, хотя власти этой страны и не проводили такой же прозападной, антироссийской политики, как власти Грузии и в недавнем прошлом Украины.

Таким образом, буржуазно-демократические революции в современных условиях считаются закономерной формой социальных преобразований, но при двух обязательных условиях – сохранения частной собственности на орудия и средства производства и жесткого контроля со стороны ведущих капиталистических стран во главе с Соединенными Штатами Америки.

Другим, по оценке ряда политиков, высшим типом современных социаль-

ных революций являются **социалистические**. Их цель – переход от капиталистической общественно-экономической формации к коммунистической.

Социалистическая революция – это высший тип социальной революции, осуществляющей переход от капиталистической общественно-экономической формации к коммунистической формации².

Начало эпохе социалистических революций положила Великая Октябрьская социалистическая революция (1917 г.) в России, за которой последовали социалистические революции в Китае, на Кубе, во Вьетнаме, Северной Корее, Венесуэле. В середине XX столетия свершился ряд социалистических революций в странах Восточной Европы, правда, с трагическими последствиями.

Социалистические революции помимо основной задачи – ликвидации частной собственности на орудия и средства производства решают и ряд других задач:

- взятие власти трудящимися массами;
- слом государственной машины;
- создание новых систем управления экономикой и социальными процессами;
- ликвидация эксплуатации человека человеком, классового и национального антагонизма;
- развитие социалистической демократии¹¹.

Свершение социалистической революции сопряжено с рядом трудностей, которые вызываются, главным образом, изменением экономического строя и основ управления государством. Временно нарушается снабжение населения продуктами питания, а промышленности – сырьем, оживляется деятельность уголовных элементов, нарушается функционирование правоох-

ранительных органов и местных органов власти.

В этой связи появляется необходимость установления в стране, свершившей социалистическую революцию, диктатуры победившего класса (социальной группировки). В недалеком прошлом она именовалась диктатурой пролетариата.

Диктатура пролетариата – это власть трудовых слоев населения (в прошлом она именовалась властью рабочего класса в союзе с трудовым крестьянством). Ее цель – построение нового общества на началах подлинной демократии. Она предполагает, наряду с общепринятыми методами руко-

водства обществом, применение мер принуждения по отношению к свергнутым эксплуататорским социальным группам.

Таким образом, социалистические революции являются высшим типом социальных преобразований общества. Они ликвидируют основной тормоз общественного развития – частную собственность и обозначают начало коренных преобразований на основе народной демократии.

Определенный интерес у политиков и политологов вызывает вопрос о предпосылках социальных революций или, как еще принято говорить, о революционных ситуациях.

Что такое революционная ситуация

По мнению ряда политиков и политологов (К. Маркс, В. И. Ленин, Д. Дэвис, Т. Гарр и др.), революционная ситуация означает, что в предреволюционный период крайне обостряются противоречия между старыми производственными отношениями и новыми производительными силами, («низы» не хотят жить по-старому, «верхи» не могут управлять по-старому).

Развивая это положение, Дж. Голдстоун сформулировал восемь факторов возникновения революционной ситуации:

- широкое распространение верований в то, что государство неэффективно, несправедливо или устарело, потеряло доверие масс;
- назревание восстания элиты (оппозиции) против государства;
- угроза народного восстания против государства и властвующей элиты;
- широкое распространение идей насилия;
- радикализм политических институтов;

- появление изменений в статусе и власти традиционных элит;

- назревание изменений форм экономической организации и собственности;

- изменение символов и верований, которые оправдывают распределение власти⁶.

Следовательно, какими бы специфическими ни были пути социальной революции в той или иной стране, переломному моменту взятия всей полноты власти революционным классом всегда предшествует революционная ситуация. Таков объективный закон социальной революции.

Другое определение революционной ситуации (*situatio* – положение) – предшествующее революции состояние общества, которое возникает в результате крайнего обострения антагонистических противоречий и служит показателем зрелости объективных, социально-экономических и политических предпосылок революции.

Проблему революционной ситуации Ленин выдвинул в работах, написан-

ных в период первой русской революции; термин «революционная ситуация» Ленин впервые использовал в январе 1906 г. в статье «Государственная дума и социал-демократическая тактика» и ряде других работ⁷.

Интересную мысль на основе анализа революционных ситуаций в 1917 г. и в конце 80-х годов XX в. высказал политолог А. Г. Конфисахор: «Одной из основных причин возникновения революционной ситуации является утрата государственной властью различного рода ресурсов (военного, идеологического, территориального, нравственного); именно уменьшение ресурсов власти в восприятии людей приводит к революционной ситуации»⁸.

Невольно возникает вопрос: «Почему возникают революционные ситуации?»

Ответ на него дает политолог Д. Дэвис, который отмечает три основные причины, которые приводят к возникновению революционной ситуации:

- появление и распространение новых идей, религиозных доктрин, систем ценностей, ожидание более высоких жизненных стандартов, осознающихся людьми как справедливые, однако отсутствие реальных условий для реализации таких стандартов ведет к массовому недовольству. Такая ситуация может вызвать «революцию пробудившихся надежд»;

- сохранение прежних ожиданий, но при существенном ухудшении возможностей удовлетворения основных жизненных потребностей народа в результате экономического или финансового кризиса;

- одновременный рост надежд на улучшение и возможности реального удовлетворения потребностей народа. Это происходит в период прогрессивного экономического роста, жизненные стандарты начинают возрастать, также поднимается уровень ожиданий. Но если на фоне такого процветания по каким-либо причинам (войны, экономический спад, стихийные бедствия и т. д.) резко падают возможности удовлетворения ставших привычными потребностей, это приводит к тому, что получает название «революции крушения прогресса». Ожидания по инерции продолжают расти, и одновременно увеличивается разрыв между ними⁹.

Основные признаки революционной ситуации:

- «кризис верхов», то есть невозможность для господствующих классов сохранить свое господство в неизменном виде;

- обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов¹⁰.

Это обострение может быть вызвано ухудшением экономического положения широких слоев населения, социальным бесправием и обездоленностью масс, резким углублением социальных антагонизмов. Взрыв массового недовольства может быть вызван и резким несоответствием между реальными возможностями экономического, социального, культурного прогресса и теми практическими результатами, которые получают от него широкие массы населения;

- значительное повышение политической активности масс. Боевые настроения стремительно нарастают, массы буквально рвутся в политику¹¹.

Суть революционной ситуации – конфликт между производительными силами и производственными отношениями. Однако этот конфликт преломляется через призму сложной системы социально-политических, классовых отношений. Противоречия способа производства определяют революционную ситуацию лишь в конечном счете. Непосредственно она вытекает из взаимоотношений классов.

Время возникновения революционной ситуации, ее формы и темпы развития зависят от всей системы социально-политических отношений: от состояния государственной машины, прочности позиций господствующего класса, силы революционного класса, его связей с другими слоями населения, накопленного им политического опыта. Обострение противоречий социально-политической жизни, противоречий между господствующими и уг-

нетенными классами – таковы причины, которые непосредственно определяют возникновение и развитие революционной ситуации.

Революционная ситуация отличается нарастающим динамизмом. В своем развитии она проходит ряд стадий, начиная с явных признаков массового брожения и кончая общенациональным кризисом, перерастающим в революцию.

Чем выше стадия революционной ситуации, тем большую роль в ее дальнейшем развитии приобретает зрелость субъективного фактора, то есть способность и готовность революционных классов осуществить назревшие преобразования, свергнуть власть господствующего класса.

В период общенационального кризиса роль субъективного фактора становится решающей. Если прогрессивные классы по тем или иным причинам не готовы к активным и организованным действиям, то в развитии революционной ситуации наступает спад, массовое революционное возбуждение гаснет, господствующий класс изыскивает средства удержания власти в своих руках, возможность революции оказывается упущенной.

Революционная ситуация складывается и развивается на основе противоречий существующего способа производства. Но возникновение в обществе материальных условий, необходимых для появления новой социально-экономической формации, недостаточно для того, чтобы вызвать революционный переворот. Общественные противоречия должны еще со всей остротой проявиться в сфере политических отношений, породить глубокий политический кризис, достигающий степени революционной ситуации.

В современную эпоху любая страна, независимо от уровня ее развития, может встать на путь, ведущий к социализму. Однако зрелость материальных

предпосылок социализма в мировом масштабе еще не говорит о наличии объективных конкретно-исторических условий для социалистического переворота в той или иной стране, которые только и позволяют непосредственно ставить вопрос о революции. Объективный характер перемен, отвечающих революционной ситуации, не позволяет рассматривать ее, как это делали некоторые политологи, в качестве чисто стихийного процесса. Отмечая рост активности масс как признак революционной ситуации, В. И. Ленин показал, что ее возникновение предполагает определенный уровень субъективных условий, которые по отношению к задачам и политике борющихся классов и партий выступают как объективный фактор дальнейшего развития революции. Поэтому прогрессивные силы в любых условиях готовят массы к революционной борьбе. Возникновение революционной ситуации свидетельствует только о возможности революции. Не всякая революционная ситуация приводит к революции.

Так, революционные ситуации 1859–1861 гг. и 1879–1880 гг. в России, в 1923 г. в Германии и многие другие не переросли в революции.

Для успеха революции недостаточно объективных условий. Необходима и зрелость субъективного фактора – сознательность и организованность масс, их готовность к борьбе за новый строй, сплоченность вокруг опытного революционного авангарда.

Значительная часть политиков и политологов решительно выступала против ультрареволюционных анархистских и заговорщических течений, вроде бакунизма, бланкизма и т. п., толкавших рабочее движение на путь вооруженной борьбы вопреки объективным условиям своего времени. Стремление к развязыванию революции при отсутствии рево-

люционной ситуации нашло проявление и в деятельности различных групп, выступавших под флагом марксизма («левых» коммунистов, троцкистов, современных «левых» оппортунистов).

В прошлом революционная ситуация часто возникала в связи с войнами и вызванными ими чрезвычайными потрясениями (революционная ситуация, предшествовавшая Парижской Коммуне, революциям 1905–1907 гг. и 1917 г. в России, народно-демократические революции 40-х годов в Европе). Но наиболее прогрессивные политики никогда не рассматривали войну как обязательное условие назревания революционной ситуации.

История дала немало примеров того, как и в периоды сравнительно мирного развития в отдельных странах складывалась революционная ситуация (например, накануне французской буржуазной революции конца XVIII в., революций 1848 г. в Европе, на Кубе в конце 50-х годов XX в.).

Современная эпоха вносит новые черты и изменения в процесс формирования революционной ситуации. Превращение социалистической системы в одну из серьезных сил развития человечества создает благоприятные международные условия для мирового революционного движения и выступает как важный фактор назревания революционной ситуации в капиталистических странах. По сравнению с революционной ситуацией прошлого в настоящее время возрастает роль субъективного фактора. В то же время развитие революционного процесса отличается значительным своеобразием в отдельных странах или группах стран (в империалистических странах, в странах со слаборазвитой экономикой и т. д.) и многообразием форм революционной ситуации.

В зависимости от конкретных условий меняется соотношение, «удельный

вес», главных признаков революционной ситуации. Революционная ситуация в современных условиях не связана обязательно с абстрактным обнищанием масс. Она вызывается обострением социальных бедствий различного рода и наступлением сил реакции (необеспеченность существования широких масс, угроза войны, попрание демократических прав, стремление лишить трудящиеся массы их социальных завоеваний и т. п.). После возникновения революционной ситуации объективно сохраняется возможность как мирного, так и немирного развития революции, что зависит прежде всего от силы сопротивления господствующего класса.

В основе революционной ситуации XIX в. лежал конфликт старых феодальных производственных отношений с развивающимися капиталистическими производительными силами.

Крымская война 1853–1856 гг. вызвала обострение выше обычного нужды и бедствий трудящихся масс (усиление рекрутских наборов, потери кормильцев, рост повинностей и податей), совпавших с неурожаями и сопровождавшимся наступлением помещиков на крестьянские земли, возрастанием барщины и оброка, учащением насильственного переселения крестьян и переводом их в дворовые.

Создававшаяся обстановка стимулировала крестьянское движение.

Волнения во время Крымской войны в связи с записью в морское и сухопутное ополчение, «Киевская казатчина» (1855 г.), поход крестьян летом 1856 г. «в Таврию за волей» были направлены не против «своего» барина, а против всего гнета самодержавного правления¹².

Тем временем правительство в глубокой тайне готовило «Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». 19 февраля 1861 г. император Александр II подписал манифест, и 5 марта он был оглашен в Петербурге и Москве, а затем по всей России.

По «Положениям 19 февраля» крестьяне получили личную свободу и земельный надел, за который они должны были отбывать повинности в пользу помещика. У крестьян была отрезана значительная часть находившихся в их пользовании до реформы земель.

Выкупая надел, они должны были заплатить не только за землю, но и за свою личность.

Грабительский характер реформы вызвал массовые выступления весной 1861 г. Особенно значительны были восстания в Бездне и Кандеевке.

Способы свершения социальных революций

Важным условием для понимания существа любой социальной революции являются способы ее свершения.

Способы свершения социальной революции определяются в зависимости от конкретных условий в той или иной стране, в частности, от реального соотношения политических сил. Известны такие формы, как переворот, заговор, восстание, мятеж.

Переворот – это смена одной элиты, стоящей у власти, другой, находящейся в оппозиции. Буквально термин «*coup d'état*» означает неожиданную атаку на правительство, а в широком смысле – изгнание правителей (королей, президентов, регентов и т. д. вместе с их сторонниками).

4 сентября 1799 г. Наполеон Бонапарт при помощи военных осуществил государственный переворот, ликвидировавший режим Директории. Утром столицу заняли воинские части.

Участники переворота уведомили население Парижа, что всякий, кто попытается восстановить монархию или, наоборот, конституцию 1793 г., будет расстрелян. Согласно новой конституции власть переходила к трем консулам, первым из которых стал Наполеон.

В результате переворота Великая французская революция закончилась в пользу зажиточной буржуазии – влиятельных банкиров и крупных помещиков, то есть тех, против кого она первоначально и была направлена.

Однако, несмотря на размах крестьянского движения, оно оставалось стихийным, неорганизованным и с лета 1861 г. пошло на убыль.

Крестьянская реформа 1861 г. оказалась вовремя открытым клапаном и дала правительству возможность выхода из кризиса, но не устранила основного противоречия между крестьянами и помещиками – помещичьего феодального землевладения, и поэтому «1861 год породил 1905-й»¹³.

Переворот 21 сентября – 4 октября 1993 г. – это был конфликт двух ветвей российской власти, происходивший вследствие конституционного кризиса, развивавшегося с 1992 г.

Результатом переворота стало насильственное прекращение действия в России советской власти, существовавшей с 1917 г., сопровождавшееся вооруженными столкновениями на улицах Москвы, в ходе которых погибло не менее 157 чел. и 384 были ранены (из них 3 и 4 октября – 124 чел., 348 раненых)¹⁴.

Заговор – это тайное соглашение о совместных действиях определенных социальных группировок с целью захвата власти.

Оно приводит к смене одного правительства другим, а часто даже одной формы правления другой. Такие смены очень болезненно отражаются на благосостоянии общества, вызывая экономический паралич и духовный кризис.

В 1671 г. в Венгрии потерпел провал дворянский заговор, направленный против Габсбургской монархии. Когда заговор был раскрыт, предводители восстания были казнены, а страну затопила волна террора. Власти ввели в Венгрии режим военной оккупации, наводнив стра-

ну войсками. Деятельность сейма была приостановлена, протестантское вероисповедание было запрещено.

Некое подобие заговора наблюдалось в СССР в 1991 г., когда явственно обозначился конфликт между Союзным центром во главе с М. Горбачевым и новой «демократической» контрэлитой, лидером которой был президент РСФСР Б. Ельцин.

Существование двух центров власти, претендовавших на схожие полномочия, неизбежно породило острое соперничество. Итогом этого заговора стал крах не только политической и экономической системы, но и самого многонационального советского государства.

Победа Б. Ельцина породила новые проблемы и конфликты, вызвала массовое разочарование и крушение прежних надежд у немалой части населения СССР и стран Восточной Европы.

Восстание – важнейшая форма свершения социальной революции.

Причиной восстания обычно служит катастрофическое понижение жизненного уровня населения либо утрата традиционных привилегий (культурной идентичности). Восстание охватывает одну или несколько областей, но не все общество. В нем нет даже намека на его полномасштабную реконструкцию. Стремление осуществить насильственный переворот, отомстить или взять реванш, поправное чувство справедливости либо примитивная уравнилительность, наконец, эмоциональный взрыв могут являться вполне реальными мотивами подобного рода протеста.

Мятеж – это действие или состояние вооруженного, открытого сопротивления властям или правительству, управляющему страной (или ее частью).

Мятеж также может быть в форме открытого неповиновения или оппозиции любому контролю. Если такие действия (или состояние) будут продол-

жаться и усиливаться, то мятеж может принять форму гражданской войны. Слово «мятеж» является общеславянским и образовано от *metti* – «приводить в беспорядок», «смутить, возбудить мятеж». Отсюда и древнерусское «смута», столь характерное для состояния русского сознания и массового поведения практически во все времена. Близким по значению к ним выступает слово «волнение».

Напротив, термин «восстание» хотя и близок по смыслу к мятежу и волнению, но выражает более резкую форму последних.

Эмоциональная пружина стихийных форм протеста – массовое возмущение чем-либо или кем-либо, негодование и, наконец, ненависть как оформившееся, завершенное и четко выраженное состояние возмущения и негодования, как, например, бунт. Причиной его возникновения служит массовое недовольство чем-либо (угнетением, плохим обращением, условиями труда и жизни) или кем-либо (чаще всего руководством).

Бунт может относиться к социальной организации (бунт на корабле) и к реальной группе (бунт крестьян). Эмоциональное состояние (недовольство) переходит сначала в стихийное действие (негодование), а затем в организованное (погромы, поджоги, разрушение тюрем, захват административных зданий).

Бунт означает неподчинение официальным властям.

Студенческие бунты, во время которых молодые люди забаррикадировали аудитории и не подчинялись администрации, случались в России накануне Октябрьской революции, в современной Европе (знаменитая весна 1968 г.) и Америке (против войны во Вьетнаме).

Известны бунты на кораблях, в армейских гарнизонах, негритянских гетто.

Выводы:

1. Социальные революции как неизбежный результат диалектического развития общества остаются в арсенале политической борьбы до тех пор, пока не будет покончено с частной собственностью на орудия и средства производства и совершен переход к подлинной народной демократии.

2. Буржуазные (буржуазно-демократические) революции в современном мире занимают важное место в социальных процессах, но предполагают сохранение или возврат частной собственности и осуществление частных реформ с тем, чтобы не доводить общество «до точки кипения».

3. Социалистические революции, начало которым было положено в России в начале XX в., продолжают, хотя и медленное, но уверенное шествие по планете. Это убедительно доказали социалистические революции в ряде государств, в том числе в Китайской Народной Республике. На очереди социалистических преобразований страны, где созрели идейные, экономические и организационные предпосылки.

4. При изучении современных социальных процессов в мире следует глубоко осмысливать различные политические теории, в том числе марксизм-ленинизм, и делать из них правильные выводы в соответствии с развитием мирового сообщества, которое год от года убеждается в неизбежности победы идей диалектического материализма.

Примечания

- ¹ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество: М.: Политиздат, 1992. С. 270.
- ² Большая советская энциклопедия. [Электронный ресурс] // [http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Революция%20\(социальная\)](http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/Революция%20(социальная)).
- ³ Blackledge P. Understanding the defeat last time // Seventh international conference on Alternative futures and popular protest. Manchester: Manchester Metropolitan University, 2001.
- ⁴ Глазунов О. Государственный переворот. Стратегии и технологии. М., 2006. С. 126, 27.
- ⁵ Бдякер Л. Е., Межуев Б. В., Павлов А. В. Концепт «Революция» в современном политическом дискурсе. СПб., 2008. С. 108.
- ⁶ Голдстоун Дж. Теории революции, революции 1989–1991 годов и траектория развития «новой» России // Вопросы экономики. 2001. № 1. С. 117–124.
- ⁷ Ленин В. И. ПСС. 5-е изд. Т. 20. С. 177; Т. 21. С. 189–190; Т. 10. С. 89.
- ⁸ Конфисахор А. Г. Психология власти. СПб.: Питер, 2004. С. 34.
- ⁹ Дэвис Д., Миллер Г., Расселл А. Информационная революция. Путь к корпоративному разуму. М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. С. 200.
- ¹⁰ Huntington S. Political Order in Changing Societies. New Haven, 1970.
- ¹¹ Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М.: Аспект-Пресс, 1998. С. 88–91.
- ¹² Сапов В. В., Сорокин П. А. Российский период творчества // История теоретической социологии. Социология XIX века. М.: Магистр, 1997. Т. 2. С. 400–410.
- ¹³ Сорокин П. А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 470–471.
- ¹⁴ Глухова А. В. Политические конфликты: основания, типология, динамика. М., 2010. С. 87; Перекрест В. Октябрь 1993 года: Большинство погибших – не защитники Белого дома // <http://www.izvestia.ru/special/article3097187>.

Олимпийские игры — объект для террористов

Подходы к обеспечению безопасности Игр

Валерий Журавель

Олимпийские игры являются одним из самых крупных общественных событий в мире. Олимпийская хартия гласит: «Цель олимпийского движения – способствовать построению лучшего мира и воспитывать молодежь средствами спорта без какой-либо дискриминации и в духе соблюдения принципов олимпизма, что включает в себя взаимопонимание, дружбу, атмосферу солидарности и честной игры.

МОК участвует в мероприятиях, направленных на укрепление мира, в действиях, направленных на защиту прав членов олимпийского движения и в действиях против любых форм дискриминации, наносящих ущерб олимпийскому движению»¹.

Символично, что сам замысел проведения Олимпийских игр в Древней Греции возник как результат поиска путей обеспечения мира.

Способствуя взаимопониманию и дружбе между народами, Игры становятся важнейшим объектом внешней политики, ибо различные страны стремятся использовать их в своих политических целях. Это не чисто спортивные мероприятия, а большая политика.

Доказательством служат следующие факты:

- антифашисты призывали бойкотировать Олимпиаду в Берлине (1936 г.);
- в 1980 г. США и еще 59 государств бойкотировали Олимпийские игры в Москве в связи с вводом советских войск в Афганистан;
- в 1984 г. СССР и еще 13 государств отказались от участия в летних Олимпийских играх в Лос-Анджелесе;

ЖУРАВЕЛЬ Валерий Петрович — кандидат педагогических наук, член Экспертного совета Комитета Государственной Думы ФС РФ по безопасности, полковник запаса. E-mail: zhvalery@mail.ru

Ключевые слова: современный терроризм, стратегия и тактика террористов, международный спорт, Олимпийские игры.

– в 1988 г. бойкоту со стороны Северной Кореи, Никарагуа, Кубы и Эфиопии подверглась летняя Олимпиада в Сеуле в знак протеста против того, что КНДР не было предоставлено право участвовать в некоторых церемониях;

– одним из ключевых аргументов корейской делегации в ходе продвижения Пхенчхана было то, что проведение Олимпиады 2014 г. в Корее способствовало бы воссоединению Южной и Северной Кореи.

Следует также отметить, что на Олимпийских играх неоднократно были проблемы с необъективным судейством, в связи с которым между государствами впоследствии возникали политические трения.

Такие трения, напряженность и противоречия находят различный выход, в том числе и в виде террористической деятельности.

В связи с тем, что к Олимпийским играм обычно привлечено внимание сотен миллионов человек на всех континентах, они постоянно находятся в центре внимания террористов. Цель террористов состоит не только в нанесении Играм максимального ущерба, а и хорошим поводом привлечения к себе внимания общественности, получение возможности широкой рекламы. В этом плане терроризм прагматичен и утилитарен, он определяет конкретные и ограниченные по времени и месту цели.

Проведение террористических актов во время Олимпийских игр, по меркам террористов, является высоким показателем эффективности, важности и значимости террористической деятельности. Они используют наси-

лие как тактическое средство для реализации реально достижимых задач.

Так было во время кровавой драмы в Мюнхене (ФРГ) в 1972 г., когда были захвачены и уничтожены 11 израильских олимпийцев².

В. Трегер, президент Национального Олимпийского комитета Германии и член МОК, в дни Олимпиады 1972 г. в Мюнхене был бургомистром Олимпийской деревни. Он так оценил возможность проведения террористических актов на Олимпийских играх: «Мне хотелось бы в этой связи лишь процитировать слова, сказанные мне террористами в 1972 г. во время переговоров с ними: „Мы ничего не имеем против Олимпийских игр, мы ничего не имеем против вас, мы даже ничего не имеем против заложников, которых мы взяли. Но Олимпиада — это витрина для всего мира, и сегодня мы ею воспользовались“. И повсюду в мире, где, по мнению террористов, создаются сравнимые с этим условия для паблисити, нельзя полностью исключать того, что произошло в Мюнхене 30 лет назад»³.

Другой теракт произошел на Олимпиаде в Атланте (США) в 1996 г.*

Следует также отметить, что террористы угрожали и другим спортивным соревнованиям самого высокого уровня.

Например, террористы из Ирландской республиканской армии провели теракт во время первенства Европы по футболу в Манчестере (1996 г.).

Кроме символического значения Олимпиады являются высшим спортивным и культурным мероприятием, в котором участвует множество людей.

Так, к примеру, на Олимпийских играх 2008 г. в Китае присутствовало более 400 тыс. иностранных и более одного миллиона китай-

* В Столетнем Олимпийском парке г. Атланты взорвалась небольшая бомба, спрятанная в рюкзаке, в результате чего один зритель был убит, турецкий фоторепортер умер от сердечного приступа и более 100 чел. получили те или иные телесные повреждения.

ских зрителей, 17 600 аккредитованных журналистов, освещавших события, 10 708 спортсменов, участвовавших в соревнованиях.

Важно учитывать и то, что зрители в массе своей представляют один из видов экспрессивной толпы. Значительная концентрация граждан на ограниченной территории объектов, возможные организационные просчеты организаторов мероприятий создают предпосылки для совершения правонарушений, которые могут успешно использовать террористы при осуществлении своих замыслов.

Говоря о специфике Олимпийских игр как объекта деятельности террористов, следует также отметить их скоротечность (они длятся 19 дней, а после них в течение 12 дней проводятся Параолимпийские игры) и прямую трансляцию игр.

Интерес террористов в данном случае состоит в том, что при совершении теракта он поступит к конечному потребителю – рядовому гражданину страны – в первозданном виде. Важно учитывать и то, что город, где проходят Олимпийские игры, находится в центре общественного внимания всего мира. Это обеспечит террористам максимально возможное отражение происходящих в этом районе событий.

Сам город представляет собой очень привлекательную цель для террористов. Там имеется развитая транспортная инфраструктура (вокзалы, аэропорты и пр.), религиозные центры, крупные торговые центры и др. В случае теракта это будет шокирующая картина без редакции, как это происходит при последующих репортажах с мест трагических событий. Такой эффект является одной из важнейших целей террористов.

Большую остроту для органов правопорядка приобретают проблемы обеспечения правопорядка и безопасности не только во время проведения олимпийских мероприятий, но и после их завершения, когда участники в массовом порядке покидают спортивные сооружения. Транспорт при этом оказывается такой же зоной риска, как и спортивные объекты.

Значительная концентрация граждан на ограниченной территории объектов спортивно-зрелищного назначения и транспорта, особый психологический настрой болельщиков и зрителей, организационные просчеты организаторов некоторых мероприятий могут создать предпосылки для совершения правонарушений, включая групповые нарушения общественного порядка. Бесчинства хулиганов, вандализм имеют место и во время следования болельщиков в поездах дальнего и пригородного сообщений, метрополитене.

В период проведения Олимпийских игр гражданам должна гарантироваться личная и общественная безопасность. Обстановка, складывающаяся при этом, существенно отличается от обычной, повседневной обстановки. Эксперты отмечают следующие особенности:

- изменяется обычный ритм жизнедеятельности населения страны и городов, вводятся ограничения на движение транспорта и пешеходов, на торговлю отдельными видами товаров в районе проведения Олимпийских игр;
- сосредоточение больших масс людей на ограниченной территории само по себе создает трудности в обеспечении общественного порядка и безопасности, противодействию террористической угрозе;
- состояние оперативной и террорологической обстановки во многом за-

висит от состава участников Олимпийских игр, отношения между странами, конфликтующими между собой, эмоциональной возбужденности, наличия или отсутствия противоречий между группами участников в конкретных видах спорта;

- влияние метеорологических условий, в частности резкое ухудшение погодных условий в конце мероприятий, проводимых на открытых стадионах и спортивных площадках, может создать угрозу безопасности;

- насыщенная, ритмичная обстановка Олимпийских игр требует готовности использования дополнительных сил и средств охраны правопорядка, большой подготовленности сотрудников, организации взаимодействия с коллегами и партнерами на всех олимпийских объектах и городской инфраструктуры.

Все изложенное позволяет сделать вывод о том, что условия, в которых осуществляется охрана общественного порядка при проведении Олимпийских игр, могут быть охарактеризованы как особые, требующие тщательной регламентации и оперативного регулирования.

Важно также иметь в виду то обстоятельство, что террористы осуществляют запугивание населения не только во время, но и при подготовке Олимпиады, оказывают на них отрицательное психологическое и моральное воздействие.

Так, взрывы в лондонском метро 7 июля 2005 г., когда погибли 56 чел. и более 700 получили ранения, были осуществлены на следующий день после решения Международного Олимпийского комитета о проведении Олимпийских игр в Лондоне.

Теракт скомкал саммит «Большой восьмерки» и омрачил радость британцев по поводу выбора Лондона столицей Олимпиады 2012 г.⁴

Как показывает действительность, теракты могут проводиться не только на спортивных аренах или местах проживания спортсменов, но и на пути олимпийского факела. В истории проведения Олимпийских игр уже были случаи, когда недовольные теми или иными аспектами внутренней и внешней политики препятствовали олимпийской эстафете.

Так было в США в 2000 г. и в Италии в 2006 г.

Самыми свежими примерами подобного рода являются события в Лондоне и Париже при следовании эстафеты олимпийского факела в Пекин на летние Олимпийские игры 2008 г.

В связи с этим на обеспечение безопасности проведения Олимпиад расходуется все больше и больше денежных средств.

Так, на мероприятия по безопасности было затрачено более 150 млн долл. США – в Атланте, 310 млн долл. США – в Солт-Лейк-Сити (2002 г.), 1,5 млрд долл. США – в Афинах (2004 г.).⁵

Многочисленные разрушительные теракты XXI в. накладывают свой отпечаток на систему обеспечения общественного порядка при подготовке и проведении Олимпийских игр. Практика показывала, что при обеспечении безопасности Игр организаторам необходимо комплексно решать большой круг проблем.

Представляет интерес предложение И. А. Селезнева, который отмечает, что для анализа типологии существующих и потенциальных угроз безопасности Олимпиады можно было бы использовать их классификацию на риски, вызовы, опасности и угрозы, которая уже существует в отечественной теории национальной безопасности⁶.

Такая классификация помогла бы более точно расставить приоритеты, распределить имеющиеся средства для

противодействия терроризму при проведении Олимпиады.

К примеру, формами (вариантами) взаимодействия правоохранительных органов, спецслужб и администрации структурных подразделений Оргкомитета игр могут (должны) быть:

- обмен информацией;
- совместное обсуждение имеющейся информации для принятия решения;

– выполнение отдельных мероприятий по запросу какой-либо службы;

– согласованное планирование мероприятий;

– содействие в совместной работе с другими службами;

– создание специальных групп для решения определенных задач, в том числе по противодействию терроризму, и т. д.

Опыт показывает, что противодействие терроризму более успешно в тех случаях, когда удастся найти и использовать имеющиеся внутренние противоречия среди политических террористов.

Важнейшими аспектами эффективного противодействия террористам в период подготовки и проведения Олимпийских игр являются развитие международного сотрудничества, совершенствование законодательства в области антитеррора, а также разработка инновационных средств и методов контртеррористической деятельности, для чего необходима максимально тесная взаимосвязь международного, национального и местного уровней противодействия терроризму.

Примечания

¹ Олимпийская хартия. <http://www.olympic.ru/ru/OlympChart.asp?p=1>

² Млечин Л. М. 1972. Кровавая Олимпиада. М., 2005.

³ Цит. по: Время новостей. 2002. 5 сент.

⁴ Журавель В. П. Хронограф терроризма и антитеррора (11 сентября 2001 г. – 11 сентября 2006 г.). М., 2007. С. 168.

⁵ Баранов В. П., Журавель В. П. Опыт деятельности правоохранительных органов зарубежных стран при проведении Олимпийских игр // Противодействие терроризму (историко-террорологический справочник). Кн. 1. М., 2009. С. 7–8.

⁶ Селезнев И. А. Противодействие политическому терроризму в сфере международного спорта. Автореф. дисс. канд. полит. наук. М., 2008. С. 22.

Внешнеполитические дискуссии в США

Олег Приходько

Как администрация Б. Обамы, так и политические эксперты признают, что одной из глобальных тенденций современности является всё большее рассредоточение (диффузия) силы и влияния в международных отношениях.

Глобальный финансово-экономический кризис последних лет воспринимается частью американского политического и экспертного сообщества как некий символический рубеж, с которого начинается отсчёт заката Америки как самой сильной державы мира. То, что относительный вес США в международных отношениях будет неуклонно сокращаться, мало кто из американских экспертов открыто ставит под сомнение. Однако и алармистские настроения относительно «заката США» разделяют лишь немногие из них, не говоря уже об адептах неоконсерватизма, которые не теряют веры в то, что XXI в. будет продолжением *Rex Americana*.

Согласно прогнозу мирового развития на 2025 г., обнародованному американским Национальным советом по разведке (НСР) в ноябре 2008 г., США останутся превосходящей остальных державой, но их превосходство значительно уменьшится, миропорядок станет многополярным, а разрыв между развитыми и развивающимися странами продолжит неуклонно сокращаться. В его предыдущем докладе 2004 г. оценка перспектив сохранения американского доминирования была гораздо более оптимистичной.

Большинство американских политических экспертов сходятся во мнении, что сокращение влияния США будет носить нелинейный характер и протекать неравномерно по различным компонентам совокупной силы.

В наименьшей степени эта тенденция проявится в военной и научно-технологической сферах, где Соединенные Штаты будут оставаться мировым лидером, сохраняя заметное превосходство над другими странами. В наибольший степе-

ПРИХОДЬКО Олег Владимирович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИСКРАН. E-mail: olegvladim@yandex.ru

Ключевые слова: США, Китай, внешняя политика, сила, влияние, безопасность, международные отношения.

ни она скажется в экономической сфере, где Китай (к 2030 г.) и Индия (к 2050 г.) сравняются с США по размеру ВВП и ряду других валовых показателей.

Некоторые политологи, в частности, известный теоретик международных отношений Дж. Най, полагают, что мировой экономический порядок уже более десятилетия имеет многополярную конфигурацию, где США, ЕС, Китай и Япония выступают в роли его столпов.

В американских дискуссиях по внешнеполитической проблематике по-прежнему преобладает тема взаимоотношений США и Китая, ситуация на Ближнем Востоке, где предметом особого внимания являются ядерные амбиции Ирана, палестино-израильский конфликт и политизация ислама. При этом эксперты оказались не в состоянии предсказать массовые революционные потрясения, охватившие значительную часть арабского мира в январе-феврале 2011 г.

Не спадает актуальность и проблематики, связанной с угрозой международного терроризма и глобальными вызовами, на некоторые из которых заставил по-новому взглянуть мировой кризис последних лет.

Американские политологи, включая приверженцев «американской однополярности», вынуждены признать ограниченность возможностей США самостоятельно справиться с проблемами, которые носят трансграничный характер. Всё больше экспертов склоняются к выводу о том, что в современную эпоху информационных технологий наибольшая опасность таится не в перераспределении силы между государствами, а в её распространении на негосударственные субъекты, такие как террористические сети, хакерские сообщества или банковские структуры, осуществляющие операции с огромными суммами вне контроля национальных властей.

Переосмысление экономического фактора во внешнеполитической стратегии

Существенный отпечаток на внешнеполитические дискуссии в США наложил финансово-экономический кризис, самый сильный со времени Великой депрессии 30-х годов.

То, как Китай, Индия, Бразилия, Турция, Индонезия пережили кризисные явления в мировой экономике и финансовой системе по сравнению с США и Европой, подтверждает, что растущая экономическая мощь незападного мира оказывает всё большее влияние на международное развитие. Именно восходящие державы, демонстрирующие высокие темпы экономического роста, выступают основным локомотивом по выводу мировой экономики из глобального кризиса. По мнению бывшего заместителя министра фи-

нансов Р. Альтмана и высокопоставленного сотрудника Госдепа Р. Хаасса, смещение влияния от США, Европы и Японии ускорит появление неполярного мира, в котором сила будет сосредоточена между многими государствами и негосударственными акторами.

В частности, оно «приведет к увеличению глобального влияния крупных восходящих держав, включая Китай, Бразилию, Индию и других.

В относительном выражении положение Соединенных Штатов неизбежно понизится, как и их способность выступать лидером и формировать международные отношения»¹.

Размышления американских политиков и экспертов по поводу глобального кризиса сказались не только на их представлениях о будущем миропоряд-

ке, но и на переосмыслении роли экономики в мировой политике.

Ряд американских политиков и экспертов стал активно отстаивать тезис о том, что экономическая составляющая занимает в стратегии национальной безопасности США менее значимое место, чем то, которое диктуют императивы нынешнего времени. Подъем таких держав, как Китай и Индия, показывает, что показатель ВВП значит сегодня гораздо больше, чем военная сила.

В качестве подтверждения сторонники подобных взглядов чаще всего приводят Китай, который являет собой яркий пример верховенства экономических, а не военных целей. Пекин гроссмейстерски разыгрывает экономическую партию, в результате чего его влияние в мире явно превосходит его нынешнюю силу. КНР извлекает дополнительные политические и экономические дивиденды, играя на ожиданиях других в отношении её будущего роста. Китайская Народная Республика стала мировым гигантом, не являясь мировой военной державой. Другие страны опасаются в большей мере не её военной мощи, а способности влиять на мировую торговлю и инвестиции.

На этом фоне финансово-экономические проблемы США, отражающиеся в виде беспрецедентного роста государственного долга, ведут к тому, что Вашингтону становится труднее конвертировать свою экономическую силу во внешнеполитическое влияние, хотя в ближайшее время Соединенные Штаты будут оставаться самой крупной экономикой в мире.

Многие политические деятели и эксперты в США сходятся в понимании неизбежности сокращения бюджетных расходов, чтобы притормозить угрожающее нарастание госдолга, который

может привести к шоковым последствиям для американской и мировой экономики, если его не удержать в приемлемых границах.

По оценкам Бюджетного управления конгресса США 2010 г., за 10 лет госдолг может увеличиться до 90 % ВВП (к 2020 г.), что является довольно оптимистичным предположением, если американская экономика будет расти такими же невысокими темпами, как в последние годы*.

По прогнозам МВФ, он может сравняться с размером ВВП уже в 2015 г.

Министерству финансов потребуется каждый год заимствовать 5 трлн долл. для покрытия бюджетного дефицита и рефинансирования госдолга.

Угрожающий рост госдолга уже сейчас оказывает заметное влияние на внешнюю и военную политику США. Он заставляет идти на сокращение военного бюджета, свертывание и ограничение ряда дорогостоящих военных программ. Этот фактор, несомненно, был одним из важнейших при принятии президентом Б. Обамой решения о предстоящем выводе американских войск из Ирака и Афганистана.

Военные действия в этих двух странах обходятся американской казне в более чем 150 млрд долл. в год.

Бюджет Пентагона составляет 550 млрд долл. в год, или 15 % федеральных расходов (5 % ВВП) — это больше, чем у России, Китая, Индии и Японии, а также стран НАТО вместе взятых.

С учетом расходов на операции в Ираке и Афганистане ежегодные военные затраты США достигают 700 млрд долл.

По мнению Р. Альтмана и Р. Хаасса, США могут сократить свои военные расходы на 5–10 % без ущерба для своей безопасности¹. Они считают, что США придётся пойти также на сокращение военных операций, чтобы адап-

* Расчеты, произведенные Бюджетным управлением конгресса в 2010 г., показывают, что госдолг США может достичь 110 % ВВП к 2025 г. и 180 % — к 2035 г.

тировать военный бюджет к уменьшающимся финансовым возможностям страны: «наступающий период мер жесткой финансовой экономии и необходимость изыскать возможности уменьшения расходов в области обороны говорят против сохранения подобных затрат»¹.

Возможность сокращения финансового бремени войны в Афганистане американские эксперты видят в переходе от нынешнего формата военных операций к тому типу, который США практиковали в Йемене и Сомали, и предлагают сделать ставку на использование беспилотных летательных аппаратов, крылатых ракет и частей спецназначения вместо нынешних широкомасштабных контрпартизанских операций и обширных инвестиций в инфраструктуру афганского государства.

Проблемы, связанные с беспрецедентным ростом госдолга, включая растущие затраты на его обслуживание, оказывают долгосрочный негативный эффект на американскую экономику, подрывают имидж американской модели рыночного капитализма и ограничивают влияние США в международных делах, сужая поле для маневра по широкому кругу вопросов — от финансирования военных программ до предоставления международной помощи. Неизбежный переход к режиму финансовой экономии отразится на способности США к лидерству в решении проблем глобальной экономики, в том числе в рамках G-20, где администрация Б. Обамы сама призывает к увеличению стимулирующих расходов. Это приведет к относительному уменьшению американского влияния в МВФ и многосторонних структурах, лишит Вашингтон возможности осуществлять прямые финансовые интервенции, как это он сделал в 1994 г., спасая Мексику от коллапса ее национальной валюты.

Под влиянием упомянутых финансово-экономических проблем страны ряд американских экспертов подвергает критике унаследованную с холодной войны структуру национальной безопасности, приоритеты которой сформировались в период биполярной конфронтации и до сих пор подчиняются решению, прежде всего, военных задач, как и неэффективное распределение ресурсов с точки зрения критериев сегодняшнего дня. Эксперты подчеркивают, что в нынешнюю эпоху именно экономика лежит в основе геополитики, а экономическая стагнация в США ведет к снижению американской способности влиять на мировые процессы.

Без оздоровления национальной экономики американские интересы за рубежом не могут быть адекватно защищены и продвинуты вперед.

В наступившем втором десятилетии XXI в. едва какие-либо другие инструменты повседневного международного влияния могут сравниться по эффективности с экономическими рычагами. Из деклараций администрации Б. Обамы можно заключить, что она сознаёт наступление нового мирового экономического порядка, однако, по мнению ряда американских политологов, это понимание не находит должного отражения в стратегии национальной безопасности, в том, как распределяются приоритеты и ресурсы.

Л. Гелб, почетный президент Совета по внешней политике (Нью-Йорк), занимавший высокие посты в Пентагоне и Госдепартаменте, считает, что в отличие от большинства ведущих стран мира США запаздывают в адаптации своей стратегии безопасности к реалиям современного миропорядка, основанного на примате экономических интересов.

Он отмечает, что «Вашингтон по-прежнему думает о национальной безопасности главным образом в традиционных военных категориях и реагирует на угрозы военными средствами. Отсюда основная проблема для Вашингтона — перестроить внешнюю политику, добавляя в нее экономическую тематику и противодействуя угрозам новыми и изобре-

тательными методами. Цель — заново сформулировать понятие „безопасность“, приведя его в соответствие с реалиями XXI века»².

Если непосредственно к военной силе государство прибегает в период войн и конфликтов, косвенно — в процессе переговоров, где силовой фактор присутствует незримо, то в век информационно-технологической революции именно экономическая сила государства становится постоянно действующей величиной в его повседневном общении с другими странами, и именно экономический потенциал всё больше определяет его возможности в международных отношениях.

Л. Гелб убежден, что американский ВВП станет кнутом и пряником США в международных отношениях XXI в. Он призывает администрацию Б. Обамы по-новому осмыслить американские интересы в современном мире, где экономические проблемы, как правило, хотя и не всегда, перевешивают традиционные военные императивы: «Деньги — вот, что сейчас имеет наибольший вес, поэтому большинство стран ограничивает свои расходы на вооруженные силы и избегает военных интервенций. Большинство лидеров заботится о торговле, инвестициях, доступе к рынкам, обменных курсах, дополнительном богатстве для богатых и улучшении жизни для остальных»². Он подчеркивает, что «экономика должна стать главной движущей силой современной политики, так как государства оценивают силу больше с точки зрения ВВП, чем военной мощи»².

Глобальный финансово-экономический кризис обозначил тенденцию к фактическому замещению G-8 более представительным форумом G-20 в сфере мировой экономики и финансов. Этот процесс нашел отражение в Стратегии национальной безопасности администрации Б. Обамы (май 2010 г.).

В документе отражен процесс эволюции «большой восьмерки» в «двадцат-

ку». Форум, объединяющий двадцать ведущих держав мира, более точно выражает сегодняшнее распределение сил в мировой экономике. Он становится основным для США многосторонним институтом в сфере международной макроэкономической координации и согласовании правил функционирования мировой финансовой системы.

Администрация Б. Обамы констатирует, что превращение «большой двадцатки», на которую приходится не менее 80 % мирового ВВП, в главный международный экономический форум «отражает очевидный сдвиг в экономическом миропорядке в направлении растущего сотрудничества между традиционными ведущими экономиками и формирующимися центрами влияния»³.

Также Л. Гелб предлагает Вашингтону творчески заимствовать подходы, применявшиеся президентами Г. Трумэном и Д. Эйзенхауэром, когда американская внешняя политика, по его мнению, в большей мере соответствовала экономикоцентричному миру. Сейчас, как и тогда, США нуждаются в новом скачке инвестиций в развитие инфраструктуры страны и подъеме фундаментального (особенно математического) образования, чтобы повысить совокупную эффективность экономики, восстановить лидерство в торговой конкуренции (на внешнюю торговлю приходится около 25 % американского ВВП), укрепить сопротивляемость страны к террористическим угрозам. Хотя он отдаёт себе отчет о том, что за прошедшие полвека в мире произошли большие изменения, однако, видимо не готов признать, что различия между эпохами всё же слишком велики, чтобы рецепты того времени даже в обновленном виде были применены к проблемам сегодняшнего дня.

Вместе с тем те, кто призывает администрацию Б. Обамы повысить роль экономического аспекта внешнеполитической стратегии, оговариваются, что это не должно вести к отказу США от лидерства в международных коалициях по борьбе с террористами и угрозой ядерного распространения, поскольку другие государства не проявляют готовности взять на себя эту ответственность. Они признают, что наиболее серьезные угрозы для безопасности США исходят от «государств-изгоев», обладающих ядерным оружием (прозрачный намёк на КНДР) или находящихся в процессе его создания,

а также от обанкротившихся стран, чьи правительства не контролируют национальную территорию, позволяя международным террористам использовать ее в своих целях.

Согласно американским данным, «Аль-Каида» в начале своей террористической деятельности использовала в качестве основного места базирования территорию Судана, пользуясь тем, что центральные власти потеряли управление над югом страны. Сейчас эта террористическая сеть наиболее активна в таких странах, как Мали, Мавритания, Нигер, Пакистан, Сомали и Йемен⁴.

Американские взгляды на проблему модернизации мировой системы

Значительное место в обсуждениях американских политиков и экспертов занимает проблематика трансформирующегося миропорядка — то, как будет происходить глобальное перераспределение сил в мире между восходящими и традиционными мировыми державами, и не приведут ли возникающие противоречия к войнам и конфликтам.

По мнению части американского экспертного сообщества, в пользу мирного характера перехода к новой конфигурации мира говорит слишком большая степень взаимозависимости между этими государствами, чтобы они могли позволить себе решение споров военным путем. Эти страны нуждаются друг в друге для поддержания роста своих экономик, и они не противостоят друг другу во взрывоопасных и кризисных ситуациях. Ни одна из поднимающихся великих держав не бросает вызов балансу сил в Европе и Азии.

По мнению патриарха американской внешнеполитической службы Л. Гелба, «наверняка, великие державы, такие как Китай и Россия, будут бороться друг с другом за преимуще-

ства, но до прямой конфронтации между собой они дело не доведут»².

Что касается возможного американо-китайского конфликта, например, из-за Тайваня или территориальных споров Китая с третьими странами в Южно-Китайском море, то вероятность подобного сценария оценивается в настоящее время в целом как довольно низкая — от агрессивных шагов КНР будут удерживать огромные по масштабу торговые и инвестиционные связи с США. Исключение составляют американские «ястребы», муссирующие тему растущей китайской военной угрозы и склонные приуменьшать стабилизирующую роль финансово-экономической взаимозависимости в современной политике.

В создание и поддержание послевоенного миропорядка США инвестировали непропорционально больше средств и ресурсов, чем другие государства, но они и больше других получают преимуществ от него, являясь основным бенефициантом существующего статус-кво.

Однако всё больше американских политологов признает невозможность сохранения миропорядка, построенного на американском доминировании. По мнению представителей либерального направления, администрации США следует направлять больше политико-дипломатических и финансовых ресурсов на формирование «новой многосторонности», под которой они понимают качественно более высокий уровень координации между государствами в согласовании совместных подходов к решению общемировых проблем (ядерного нераспространения, глобального потепления климата, удержания в приемлемых рамках конкуренции за ресурсы, например, в Арктике). Эта многосторонность диктуется растущей взаимозависимостью мирохозяйственных связей, которая требует более эффективного регулирования международных отношений и большую вариативность при разработке новых международных норм, формировании широкого консенсуса и реализации практических решений.

Формирование миропорядка является во многом стихийным процессом, на который даже США при всем их могуществе как единственной сверхдержавы не в состоянии повлиять решающим образом. Иное дело институционализация новой международной системы. Исторически системные сдвиги в международном институциональном порядке происходили лишь при радикальном изменении баланса сил, как правило, по итогам крупномасштабных войн и военных конфликтов. Легитимность этих перемен определялась правами государств-победителей. Однако нынешний мир во многом отличается от того, каким он был в предыдущую эпоху, где роль военной силы была иной.

В отсутствие системообразующих событий, которыми традиционно яв-

лялись большие войны и конфликты, перераспределение влияния в рамках существующих международных институтов происходит в процессе длительной и сложной борьбы между государствами с конкурирующими представлениями о миропорядке. Здесь действует общая закономерность: чем более важную роль играет многосторонняя организация в международных отношениях, тем сильнее ее наиболее влиятельные члены сопротивляются дележу своей власти с претендентами на равный с ними статус.

Запад держится за анахроничную систему голосования в Международном энергетическом агентстве, где голос страны по-прежнему зависит от уровня ее потребления нефти в 1974 г., и соглашается лишь на минимальные, в несколько процентных пунктов, изменения квот в рамках МВФ и Всемирного банка, сохраняя за собой решающее слово при голосовании в этих многосторонних структурах.

Не желает он кардинальных перемен и в других ключевых международных институтах. Отсюда весьма скромный суммарный эффект от нынешних усилий по реформированию институциональных механизмов регулирования мирового порядка, которые носят косметический характер, не затрагивая его конституционные основы.

Формулируя постулаты своей внешнеполитической философии, администрация Б. Обамы утверждает, что в современном мире влияние больше не является «игрой с нулевой суммой»; что нынешняя система международных институтов создавалась в эпоху других вызовов; что экономический рост привел к появлению новых центров влияния; что такие акторы, как ЕС, Россия, Китай и Индия, утверждают себя на региональном и глобальном уровне.

В Стратегии национальной безопасности 2010 г. эти три страны упоминаются в качестве важнейших центров влияния, с которыми США

хотят строить более глубокие и эффективные партнерские отношения.

Бразилия, ЮАР и Индонезия отнесены в ней к более низкой категории — «государствам с растущим влиянием».

На словах американская администрация признает необходимость модернизации многосторонних институтов — от СБ ООН до МВФ и Всемирного банка. Однако, несмотря на заявления в поддержку этого процесса, для нее характерен скорее консерватизм в вопросе реформирования институционального миропорядка, а не желание выстраивать новую систему. Об этом свидетельствует и отклонение Вашингтоном идеи радикальной перестройки мировой финансовой системы в духе Бреттон-Вудс II.

В том, что США обладают наибольшей силой и влиянием среди государств мира, чтобы претендовать на роль лидера в трансформации международных институтов и правовых режимов, среди американских экспертов нет расхождений. Однако одной силы, чтобы это лидерство было признано международным сообществом, недостаточно.

Едва ли Соединенные Штаты вернули международное доверие к себе после тех репутационных потерь, которые они понесли в «эпоху Буша» и к которым добавились обвинения в невольном провоцировании нынешнего мирового финансово-экономического кризиса. Многие американские эксперты сомневаются, что другие государства, за исключением круга ближайших американских союзников и друзей, готовы доверить США роль инициатора и лидера реформаторских преобразований в международных институтах.

Однако их оппоненты указывают на то, что это не первый в американской истории кризис лидерства и что леги-

тимность является динамичным феноменом и поддается корректирующему влиянию. По их мнению, нелегитимные действия (например, война в Ираке) автоматически не означают необратимый кризис легитимности.

Как полагают С. Брукс и У. Уолфорт, США способны в относительно короткие сроки восстановить правомочность своих претензий на лидерство в мире, так как, если страна «обладает непропорционально большими материальными ресурсами, чем другие государства, источники её легитимности могут обновляться неоднократно»⁵.

Предлагая администрации Б. Обамы инициировать реформу международных институтов, американские политологи либерального толка обращают ее внимание на необходимость разъяснительной работы с другими государствами, убеждения партнеров в тех преимуществах, которые сулят перемены, и эти разъяснения, по их мнению, не должны сводиться к чисто правовым аргументам. Они предостерегают Вашингтон от ошибок предыдущей администрации, которая отличалась систематической недооценкой убеждения, аргументации и дипломатии в общении с другими государствами.

Важный ресурс в преодолении кризиса международного доверия к США администрация Б. Обамы видит в использовании возможностей многосторонней дипломатии. Однако для Вашингтона принципиально важно сохранение «упорядочивающей роли иерархии», которая в некоторых институтах закреплена официально, как, например, привилегированные права, которыми обладают постоянные члены Совета Безопасности ООН, или квоты в пользу США (и Запада в целом) при голосовании в МВФ и Всемирном банке, а в других действует как неписаное правило, например, в НАТО, где

США пользуются фактическим статусом «первого среди равных» при формальном равенстве всех членов Североатлантического альянса.

Представители различных направлений американской политической мысли, предлагая администрации разные схемы и рецепты обновления международных институтов, сходятся в том, что США должны выступить инициатором и лидером в реформировании институциональных механизмов управления миропорядком. Сложность решения данной задачи они видят в том, что встраивание новых, восходящих держав в реформируемые структуры глобального управления следует производить одновременно с защитой либерального миропорядка, чьи политические и экономические правила и многосторонние механизмы эти страны как раз и ставят под сомнение. Отсюда возникает важный для США вопрос: как влиять на восходящие державы, отношения с которыми будут неизбежно содержать элементы не только партнерства, но и конкуренции?

Политологи либерального направления (в частности, Дж. Айкенберри) полагают, что США вынуждены будут взять на вооружение более инклюзивную фор-

му лидерства и не цепляться за психологически более комфортную роль главного архитектора и гаранта мирового порядка, к которой они привыкли с середины XX в. По их мнению, Соединенные Штаты могли бы уступить поднимающимся державам часть влияния в рамках существующих многосторонних механизмов, не отказываясь от своих главенствующих позиций, чтобы заручиться их поддержкой в пользу сохранения миропорядка, сформированного на основе западной модели.

На взгляд других американских политических экспертов, для США было бы разумнее придерживаться принципа постепенности, увязывая скорость приобщения этих государств к механизмам глобального управления с их готовностью играть по действующим правилам и нести причитающееся бремя ответственности. Они предупреждают Вашингтон, что расширяющееся участие восходящих держав в мировых делах будет далеко не всегда отвечать американским ожиданиям, поскольку те пытаются повлиять на трансформацию существующих многосторонних институтов в соответствии со своими собственными интересами и целями.

Китайский вектор американских дискуссий

Отношения США и Китая являются одной из центральных тем американских внешнеполитических дискуссий. За редким исключением политологи сходятся в том, что Китай станет самостоятельным полюсом в будущей системе мироустройства. Немалая часть экспертного сообщества США полагает, что цели КНР обязательно должны вступать в конфликт с американским видением миропорядка. Нынешняя администрация, как и ее предшественники, стремится интегри-

ровать Китай в международную систему в качестве «ответственного мирового акционера».

Глобальный кризис 2008–2009 гг. привёл к укреплению позиций Китая, позволив занять еще более сильную позицию в мировой экономике и финансах. КНР стала державой номер один в мире по критерию ликвидности валютно-финансовых резервов.

Бывший заместитель министра финансов США Р. Альтман отмечает, что, «хотя кризис нанес удар и по Китаю, китайская экономиче-

ская и финансовая сила укрепилась по отношению к Западу. Глобальное влияние Китая таким образом будет возрастать, и Пекин сможет предпринимать политические и экономические инициативы для его дальнейшего наращивания.

<...> Китай мог бы расширить свое дипломатическое присутствие в развивающемся мире для продвижения своей модели капитализма и утолять острую потребность в природных ресурсах за счет таких стран, как Ангола, Казахстан и Судан»⁶.

Индия в отличие от Китая раздираема внутривнутриполитическими распрями и слишком сфокусирована на урегулировании домашних проблем, чтобы активно заниматься продвижением своих геополитических позиций.

Китайский фактор подталкивает США к выбору многостороннего подхода в международных делах, несмотря на то что многие политические деятели и эксперты склонны рассматривать роль Китая в международной политике скорее в контексте проблемы G-2 — с точки зрения влияния двусторонних американо-китайских отношений на мировые дела и возможного установления «дуумвирата» этих государств в управлении мировым порядком. На начальном этапе администрация Б. Обамы пыталась искать ответ на проблемы, связанные с Китаем, почти исключительно в рамках непосредственного диалога с Пекином. Однако эта ставка обнаружила ограниченность американских возможностей влиять на политику Поднебесной, будь то обменный курс юаня, искусственно занижаемый Пекином для получения односторонних торговых преимуществ, или проблемы безопасности в районе Южно-Китайского моря.

И тогда Вашингтон почувствовал необходимость совместной работы с другими влиятельными игроками по согласованию шагов на китайском направлении.

В результате, как отмечает директор азиатских исследований в Совете по международным отношениям (Нью-Йорк), Соединенные Штаты, ЕС и Япония нередко координируют свою торговую политику в отношении КНР; сотрудничество США с Россией привело к тому, что Пекин присоединился к пакету санкций ООН против Северной Кореи; США и ряд государств Юго-Восточной Азии объединяют общие интересы, направленные на то, чтобы посадить Китай за стол переговоров для рассмотрения ситуации в зоне Южно-Китайского моря.

Считается, что «по мере расширения китайской активности на море в ближайшие десятилетия подобное многостороннее сотрудничество и давление будут необходимы, чтобы склонить Китай к обсуждению проблемы военной транспарентности и правил поведения в сфере морской безопасности»⁷.

Однако и у Китая есть мощные рычаги влияния на американскую политику.

Около половины объема долговых обязательств казначейства США размещено за рубежом, из них 22 % — в Китае, у которого в золотовалютных резервах только на американскую валюту приходится более 1,5 трлн долл.

Подобное положение делает США уязвимым для валютных манипуляций Пекина в кризисной ситуации, которая может возникнуть, например, вокруг Тайваня или конфликтов в районе Южно-Китайского моря. В этом случае, как отмечают американские аналитики, Центробанк КНР будет опаснее китайских адмиралов. Одно лишь объявление Пекином о сокращении своих долларовых запасов окажет огромное давление на американскую валюту и обменный курс.

В подобном ключе действовали США в период Суэцкого кризиса (1956 г.), когда они оказывали экономический прессинг на Великобританию, отказавшись поддержать её просьбу о выделении кредита МВФ на поддержание падающей национальной валюты до тех пор, пока британское правительство не согласилось вывести войска из Египта.

Вашингтон хотел бы заручиться гарантиями КНР, что та не будет ставить под угрозу безопасность соседних государств в Восточной Азии или бросать вызов альянсам с американским участием по мере возрастания ее статуса в мире. Хотя по экономическим причинам Пекин не заинтересован предпринимать шаги, способные привести к дестабилизации ситуации. Однако долгосрочные цели США и Китая могут оказаться не вполне совместимыми друг с другом.

Так, Вашингтон стремится к сохранению стабильного баланса в Восточной Азии — в регионе, в котором Китай намерен доминировать, даже если он предпочитает открыто об этом не заявлять. Очевидно, что решать собственными силами проблему сдерживания китайской экспансии для США будет всё проблематичнее и без координации с другими ведущими державами эта задача представляется ещё более трудновыполнимой.

Помимо своих традиционных союзников в регионе — Японии, Южной Кореи и Австралии Вашингтон считает важным привлечь Индию как противовес китайским амбициям в Азии. Сближение США и Индии в последние годы основывается во многом на беспокойстве Дели в связи с китайским обхаживанием соседних государств и растущим соперничеством между их флотами в зоне Индийского океана.

Администрация Б. Обамы признаёт необходимость сотрудничества с Пекином для согласованного реагирования на глобальные вызовы XXI в. Китай является крупнейшим в мире эмитентом парниковых газов. Это означает, что любые международные усилия по решению проблемы изменения климата обречены на неудачу, если Пекин откажется брать на себя обязательства по сокращению выбросов

углекислого газа в рамках нового пост-киотского договора.

Растущая внешнеэкономическая экспансия Китая в Африке неизбежно ведёт к усилению его политического влияния на континенте, а это создаёт предпосылки для конкуренции с США и ЕС в борьбе за контроль над нефтью и другими природными ресурсами африканских государств.

Соединенные Штаты не питают иллюзий, что Китай изменит свою позицию и станет поддерживать концепцию «гуманитарной интервенции», учитывая опасения Пекина относительно иностранного вмешательства в его проблемы с Тибетом и уйгурским населением провинции Синьцзян. Однако Вашингтон безуспешно пытается договориться с ним хотя бы об общей координации подходов применительно к коррумпированным и диктаторским режимам африканского региона, который китайцы рассматривают как важную зону сырьевого обеспечения своей растущей экономики. Политика невмешательства даёт Китаю преимущества в доступе к африканским ресурсам перед США и Европой, особенно когда западные державы вводят санкции в отношении ряда государств (например, в отношении режима Р. Мугабе в Зимбабве).

Многие американские аналитики сомневаются в том, что КНР заинтересована в поддержании миропорядка, основанного на верховенстве международного права и компетенции многосторонних институтов глобального управления. Однако подобный скептицизм не находит подтверждения в политической практике.

Пекин помогал американской и европейской дипломатии в кризисных ситуациях с КНДР, Ираном, Бирмой, Суданом. Он увеличил свой вклад в международное миротворчество, от-

правив тысячу миротворцев в Ливан. Китай выступает в поддержку системы ООН, рассматривая ее как ограничитель американской силы.

Политолог Ч. Грант констатирует, что «в настоящее время действия Китая на мировой арене в целом вписываются в модель многостороннего миропорядка»⁸.

Американские эксперты расходятся в выводах, оценивая будущее соотношение сил между США и КНР.

Если одни из них, отталкиваясь от темпов роста китайского ВВП, предупреждают, что Америка уступит место Китаю как самая влиятельная держава мира, то другие (а их диапазон весьма широк — от неоконсерваторов до либералов), склонные к более осторожным прогнозам, предлагают не делать одномерных сравнений и не сводить всё к сопоставлению валовых показателей экономики и населения, а принимать в расчёт также структурные и качественные характеристики потенциалов двух стран.

Сторонники второй точки зрения отмечают, что увеличение масштаба китайской экономики приближает КНР к США по абсолютной величине ресурсной базы влияния, но не по степени непосредственно самого влияния, как и совокупного (сводного) показателя силы.

Как отмечают Дж. Най и многие другие американские политологи, несмотр-

я на свой растущий экономический потенциал, Китай в первой половине XXI в. будет по-прежнему отставать от Соединенных Штатов по военной мощи, многообразию и эффективности инструментов «мягкой силы». К тому же его геополитическое положение в региональном балансе сил менее выигрышно, чем у США, которые могут привлечь на свою сторону азиатские государства, играя на их опасениях по поводу китайской экспансии в регионе.

Подъем Китая вызывает настороженность соседних государств, включая Индию и Японию, что открывает перед американской дипломатией широкие возможности выстраивания коалиций для влияния на поведение Пекина в международных делах.

Обеспокоенная ростом китайской силы Япония будет скорее искать поддержку у Вашингтона для сохранения своей самостоятельности, нежели вступать в союз с Китаем.

К другим преимуществам США политологи относят разветвленную систему международных альянсов с американским участием, предрасположенность Америки с её открытостью для новых идей и инноваций к лидерству в меняющемся мире, где новые сетевые структуры если и не замещают, то в значительной степени трансформируют традиционные иерархические механизмы власти и влияния.

Прошедшие 2 ноября 2010 г. промежуточные выборы в конгресс США, которые ознаменовались убедительной победой Республиканской партии, не могут пройти бесследно для внешней политики США.

Республиканцы вернули себе контроль над Палатой представителей, получив в ней дополнительно 60 мест, что обеспечивает им уверенное большинство. Соответственно, к ним переходит «власть кошелька» и право утверждать или отклонять бюджет страны и все федеральные госрасходы, и с этим обстоятельством администрация вынуждена будет всерьёз считаться.

В сенате они укрепили свои позиции, получив дополнительно шесть мест. Итоги голосования свидетельствуют, что политический маятник в США заметно сдвинулся вправо.

Перспектива консервативного реванша уже не представляется столь умозрительной, как это казалось до выборов, учитывая поднимающуюся новую волну консерватизма в Америке и меняющийся фон политических настроений в стране. Возрастание влияния правых консерваторов неизбежно отразится и на подходах Вашингтона к выбору приоритетов в том, как вести дела с внешним миром и в каком направлении влиять на эволюцию международной системы.

Госсекретарь Х. Клинтон заверила американских партнеров за рубежом, что не следует ожидать изменения внешней политики США в результате прошедших выборов. Однако подобные заявления главы американской дипломатии отражают скорее желание администрации, нежели реальные ее возможности игнорировать новую политическую реальность.

В изменившейся политической ситуации в стране президенту Б. Обаме станет намного труднее получать поддержку своим внешнеполитическим инициативам в конгрессе и реализовывать свою повестку дня. Он стал более уязвимым для критики со стороны консерваторов, обвиняющих его в недостатке твердости в спорных вопросах отношений США с Россией, Китаем и другими центрами влияния западного мира.

Республиканцы, у которых тон задает правоконсервативное крыло, отталкиваясь от новой расстановки сил в конгрессе и американском обществе, будут еще энергичнее оказывать давление на Б. Обаму. Президенту придется вступать в альянсы со своими республиканскими оппонентами и искать компромиссы, в том числе по вопросам внешней политики, где те занимают откровенно жесткую позицию.

Как показывают события последних лет, дискуссии по внешнеполитическим вопросам разгораются с новой силой всякий раз, когда реалии практической политики обнаруживают, что цена просчетов государства в международных делах становится слишком обременительной для общества и издержки устаревających подходов начинают перекрывать их прежние преимущества.

Примечания

- ¹ *Roger A., Haass R. American Profligacy and American Power // Foreign Affairs, November-December 2010. Vol. 89. № 6. P. 31–32.*
- ² *Gelb L.H. GDP Now Matters More Than Force: A U.S. Foreign Policy for the Age of Economic Power // Foreign Affairs, November-December, 2010. Vol. 89. № 6. P. 35, 37, 38, 43.*
- ³ *National Security Strategy. May 2010. Wash., D.C.: U.S. GPO. P. 44.*
- ⁴ *Clinton H.R. Leading Through Civilian Power // Foreign Affairs. November-December 2010. Vol. 89. № 6. P. 22.*
- ⁵ *Brooks S.G., Wohlforth W.C. Reshaping the World Order // Foreign Affairs. March-April 2009. Vol. 88. № 2. P. 57.*
- ⁶ *Altman R.C. The Great Crash, 2008: A Geopolitical Setback for the West // Foreign Affairs. January-February 2009. Vol. 88. № 1. P. 13.*
- ⁷ *Economy E.C. The Game Changer. Foreign Affairs // November-December 2010. Vol. 89. № 6. P. 150.*
- ⁸ *Grant C., Valasek T. Preparing for the multipolar world. European foreign and security policy in 2020. London: the Centre for European Reform (CER). December 2007. P. 26.*

Китай на пути к «сверхдержаве»: сколько осталось пройти?

Сергей Лузянин,
Михаил Мамонов

Китай в мировой геополитике. От идей Дэн Сяопина до концепции «двух преодолений» Ху Цзиньтао

Как совместить в китайской глобальной политике традиционные элементы «развивающегося государства» и «скромности» с мощным усилением влияния страны в мире? Эту дилемму предстоит решать новым лидерам Китая, когда после 2012 г. к власти придёт пятое поколение китайских руководителей.

По ряду политических и экономических причин Китай упорно сохраняет статус «развивающегося государства», что вызывает либо раздражение, либо подозрение относительно его глобальных планов. Китайские руководители и эксперты ссылаются на низкий уровень ВВП на душу населения

(127-е место в мире) по сравнению с другими (развитыми) странами, что дает им основание говорить о подобном статусе еще на длительное время (50–100 лет).

Китай дистанцируется от предложений США и других мировых держав поделить мир по той или иной схеме, отстаивая идею создания гармоничного мира и развития. Он остается сторонником активного использования экономических результатов глобализации и региональной интеграции, но при этом выступает против любой политико-идеологической (либеральной) глобализации. При этом Китай принципиально и последовательно «уклоня-

ЛУЗЯНИН Сергей Геннадьевич – заместитель директора Института Дальнего Востока РАН, доктор исторических наук, профессор, президент Фонда востоковедческих исследований. E-mail: lousianin@ifes-ras.ru

МАМОНОВ Михаил Викторович – начальник отдела международной деятельности и молодежных обменов Федерального агентства по делам молодежи РФ, с. н. с. Института Дальнего Востока РАН. E-mail: mamonov2004@yandex.ru

Ключевые слова: Китай, геополитика, США, конфликтность, Восточная Азия, регионы, БРИКС.

ется от объятий других государств», избегая любых форм союзнических отношений.

Современное поколение – председатель КНР Ху Цзиньтао и его команда и будущее – его преемник Си Цзиньпин и его команда, видимо, пока не имеют законченной концепции Китая как сверхдержавы XXI в.

В китайской геополитике присутствуют два компонента, которые находятся в противоречии. С одной стороны, сохраняется традиционная политика «не присоединяться», «не высовываться», «проявлять сдержанность и скромность». Это по-прежнему все еще созвучно идеям великого реформатора Китая Дэн Сяопина «хладнокровно наблюдать, укреплять свои позиции, уверенно реагировать на изменения, скрывать свои возможности и выигрывать время, научиться не привлекать к себе внимания, никогда не становиться лидером и вносить свой вклад»¹.

Однако, даже не поддавшись соблазну теорий «глобальной гегемонии КНР», нельзя не признать: выход КНР на лидерские позиции в современном мире, похоже, уже свершившийся факт – постепенно меняется само качество внешней политики Китая. Похоже, Ху Цзиньтао уже задает параметры внешнеполитического дискурса «пятого поколения» китайских лидеров, а существенная часть этих выступлений составит основу «международного» раздела материалов XVIII съезда КНР, который пройдет в 2012 г. В обобщенном виде взгляды руководства на современную международную ситуацию отражены в программной статье партийного журнала «Ляован» под названием «Пять инициатив Китая, содержащихся во взглядах Ху Цзиньтао на современную эпоху». Она состоит, по сути, из пяти «теорий», сформулированных в разное время Ху Цзиньтао:

- «теории глубинных изменений в международной ситуации»;
- «теории гармоничного мира»;
- «теории совместного развития»;
- «теории совместной ответственности»;
- «теории активного участия».

При некотором анализе все они достаточно гармонично связываются в единую концепцию – которую вполне «по-китайски» можно было бы назвать «концепцией двух преодолений».

Первое и важнейшее для Китая – это преодоление регионализма его внешней политики.

За последнее десятилетие произошло стремительное расширение географии национальных интересов Китая – внешнеполитическая и внешнеэкономическая стратегия Пекина получила глобальное измерение. Но разрасталась не только география внешней политики страны: на повестку дня в Китае вышли темы общемирового звучания:

- борьба с мировым финансовым кризисом;
- противодействие нетрадиционным вызовам и угрозам;
- экологические проблемы;
- энергобезопасность;
- проблемы новых заболеваний;
- пиратство в весьма отдаленных от территории страны регионах.

Эти новые компоненты национальной внешней политики были названы министром иностранных дел КНР Яном Цзеци «функциональной дипломатией», значимость которой, по его словам, будет в дальнейшем только возрастать². Следствием этого стала реальная активизация усилий Китая в сфере многосторонней дипломатии, включая формулирование повестки дня и создание новых механизмов и институтов.

Лидеры КНР признали, что «будущая судьба современного Китая с каждым днем все теснее связана с буду-

щей судьбой мира» и согласились, пусть и с оговорками, с принципом «совместной ответственности» государств мира за его судьбу.

В политико-психологической плоскости налицо преодоление Китаем «комплекса развивающегося государства» – иллюстрацией этому является сформулированная Ху Цзиньтао «теория активного участия», согласно которой «необходимо свести воедино цели отстаивания независимости и суверенитета и цели участия в экономической глобализации, проводить единое планирование внешней и внутренней политики». При этом, по всей видимости, в некоторой перспективе следует ожидать еще одного «преодоления» с идейно-теоретической точки зрения – революционного: преодоления максим Дэн Сяопина. Так, в некоторых официальных партийных текстах, интерпретирующих базовые принципы патриарха китайских реформ, уже сейчас говорится о том, что Китай должен «в долгосрочной перспективе придерживаться принципа „скрывать свои возможности, выигрывая время“ и активно и инициативно делать конкретные дела»³. Совершенно очевидно, что такая расстановка акцентов – отнюдь не случайна и в средне- и долгосрочной перспективе будет иметь для внешней политики Китая далеко идущие последствия, ибо может существенно трансформировать повестку дня и саму идеологию внешней политики Китая.

Энергетика успешных реформ заметно влияет на менталитет китайской нации и ее руководства. Китай становится наступательным, динамичным, активным государством.

С начала 2000-х годов в Пекине активно заговорили о необходимости «формирования психологии великой державы»⁴. С середины 2000-х годов в Китае все чаще начинают упоминать

концепцию «периода стратегических возможностей».

Так, еще в ноябре 2002 г. Цзян Цзэминь, выступая с докладом на XVI съезде Компартии Китая, подчеркивал: «...первые 20 лет XXI века – это для нас период великих стратегических шансов, за которые необходимо крепко ухватиться и которые дают возможность многое сделать»⁵.

И действительно, в первые 5 лет нового века КНР добилась впечатляющих успехов в экономическом строительстве⁶, что позволило председателю КНР Ху Цзиньтао в своем докладе на XVII съезде Коммунистической партии Китая уверенно поставить цель «увеличить к 2020 году среднедушевой валовой внутренний продукт вчетверо против 2000 года», ранее озвучивавшуюся только неформально.

Наряду с повышением экономического веса Китая весьма стремительно укреплялись и его международные позиции.

Китай продолжает развивать стратегический и экономический диалог с США. Вместе с Россией и другими странами Центральной Азии Китай создал Шанхайскую организацию сотрудничества, участвует в международном миротворчестве под эгидой ООН, выстраивает систему интеграционных зон свободной торговли в своем ближнем и дальнем зарубежье.

Как уже было сказано выше, Китай позиционирует себя как держава, которая наравне с другими лидерами несет свою долю международной ответственности. При этом, понимание ответственности у Китая, вопреки чаяниям отдельных западных аналитиков и политических деятелей, принципиально свое.

«Китай, прежде всего, несет ответственность за 1,3 млрд китайского народа и одновременно за народы всего мира, за мир и раз-

вие во всем мире», — подчеркнул в своей недавней статье член Госсовета КНР Дай Бинго⁷.

В Пекине также делают акцент на том, что расширение ответственности не может быть без расширения прав и способности Китая формировать облик современного мира.

Очевидно, что, кроме второй позиции в мире (после США) по совокупному ВВП, для уровня сверхдержавы Китай должен иметь сопоставимые результаты и по другим ключевым параметрам: военно-стратегическим (сравнимые с США и Россией), инновационно-технологическим (сравнимые с США, Японией, ЕС), социальным (сравнимые с Японией, отдельными странами ЕС, США). Ясно, что для КНР неприемлема американская модель сверхдержавы. В КНР предпочитают строить «свою», которая будет качественно отличаться от классических вариантов — не только американского, но и советского.

Среди главных плюсов китайской модели — жесткая централизация системы, высокие мобилизационные возможности, результаты реформ в экономике, включая самые большие валютные резервы.

Парадоксальным образом, мировой финансовый кризис значительно ускориł процесс «мирного развития» Пекина, которое, по замыслу китайских стратегов, должно было стать последовательным и эволюционным — ни мир, ни сам Китай просто не успели приспособиться к столь стремительным подвижкам в «глобальной архитектонике». Другим парадоксом стало то, что пока в Китае учились встраиваться в существующие международные механизмы, сами эти механизмы подверглись эрозии в такой степени, что задача и ответственность Китая теперь

в том, чтобы участвовать в их реанимации и адаптации к современным условиям, то есть международная ситуация требует от Пекина принятия на себя роли лидера в разворачивающихся мирополитических процессах.

В Китае осознают расширение своего лидерского потенциала и стремятся сделать его реализацию максимально полезной и безболезненной для международного сообщества — именно поэтому Китай использует своеобразную тактику «заполнения лакун»: он оказывается наиболее активен в тех сферах, где еще не сформировались четкие и устойчивые механизмы международного взаимодействия, остро реагирующие на появление новых игроков (наиболее яркий пример — экологическая тематика), или же стремится перевести переговоры на новые площадки, которые либо создавались с его участием (ШОС, БРИК), либо немыслимы без него (АТЭС, «группа двадцати»). Этот же принцип применим и к расширению географии внешнеполитических интересов Китая — он наращивает свое присутствие там, где отсутствует или ослабевает роль других великих держав (Африка, Южная и Центральная Америка, Центральная Азия), избегая прямого столкновения интересов.

Однако все усилия Пекина по «амортизации» процесса превращения Китая в одну из ключевых мировых держав могут иметь лишь ограниченный эффект.

За последнее десятилетие КНР удалось окончательно разрешить для себя проблему самоидентификации — в самоопределении «ответственная великая развивающаяся держава» ключевыми словами являются «великая держава». Более того, выступая на международной арене поборником прав развивающихся государств, Китай все

чаще начинает конкурировать с этими же государствами на их внутренних рынках и превращать эти страны из партнеров в объекты своей внешней политики. По мере дальнейшего расширения национальных интересов Китая они неизбежно будут вступать в противоречие (или – в лучшем случае, в конкуренцию) с интересами других игроков, региональных и глобальных.

Контуры этих противоречий становятся видны уже сегодня. Это и набирающая обороты космическая программа Китая, особенно заметная на фоне сворачивания аналогичных программ в России и США, и активизация Китая на зарубежных рынках вооружений.

Еще один парадокс – стремительно растущий интерес Китая к освоению Арктики. Нарастание этих противоречий, как и подозрений международного сообщества в отношении намерений Пекина, руководством стали открыто признаваться.

Так, президент влиятельного Института временных международных отношений Китая Цуй Лижу отмечает: «В последние десять лет Китай развивался из относительно слабой позиции в позицию относительно сильную, и конфликты между Китаем и миром не были особенно сильными. Однако в будущие десять лет Китай будет развиваться из относительно сильной позиции в позицию еще более сильную. Влияние Китая на мир будет увеличиваться, и беспокойство мира относительно Китая возрастет»⁸.

Именно поэтому в последние несколько лет в Китае такое значение стали придавать развитию «мягкой силы» как одному из ключевых инструментов внешней политики Китая.

В своем выступлении на XI совещании послов и дипломатических представителей Китая за рубежом (июль 2009 г.) Председатель КНР Ху Цзиньтао сделал особый акцент на необхо-

димости развития «мягкой силы», назвав «четыре силы» современной китайской дипломатии: «прилагать усилия для повышения политического влияния Китая, усиливать его экономическую конкурентоспособность, развивать привлекательность образа Китая и моральную притягательность его решений»⁹.

Главный смысл использования «мягкой силы» китайской дипломатией состоит не в том, чтобы убедить мир в моральном превосходстве «китайского пути развития» и универсальности предлагаемых КНР решений, а в том, чтобы, насколько это возможно, примирить международное сообщество с неизбежным фактом возвышения Китая, а вернее с тем, что его внешнеполитический потенциал будет в ближайшее время приведен руководством КНР в соответствие с продолжающимися крепнуть экономическими возможностями страны. Перестройка глобальной системы международных отношений, которая явно назревает, невозможна без участия Китая. Как в эпоху биполярного мира невозможно было представить решение любого крупного международного вопроса без прямого или косвенного влияния СССР, так и сегодня невозможно игнорировать КНР при решении ключевых международных проблем.

При этом сам Пекин оказывается в весьма удобном для себя положении: осуществляемый КНР на международной арене курс можно было бы назвать «стратегией контролируемой или избирательной глобальной вовлеченности», суть которой – в том, что Китай, обладая на сегодняшний день уже глобальным спектром внешнеполитических интересов, но ограниченными внешнеполитическими ресурсами, концентрирует силы лишь на приоритетных для него направлениях и вопросах, воздерживаясь от их распыления. Таким образом, Китай, в зависимости

от проблемы или ситуации, выбирает, в каком качестве ему выступать – глобальной державы (все чаще), регионального лидера, или (уже достаточно редко) развивающегося государства.

Подобный контроль над собственными внешнеполитическими новаци-

ями обеспечивает Китаю максимально широкое поле для дипломатического маневра, а сама технология «саморегулируемого лидерства» весьма интересна и может быть использована многими мировыми державами, включая Россию.

КНР – США. Новые версии постбиполярного мира с китайским и американским участием

Современная модель китайско-американских отношений формировалась в последние 30 лет на фоне роста Китая и относительного ослабления США.

Учитывая геополитические и региональные амбиции каждой из сторон, сегодня можно говорить, что успех или неуспех их развития во многом определяет будущую экономическую и политическую стабильность в мире. В структуре связей двух мега-держав, фактически, формируется новая постбиполярная повестка мира. Однако какой характер она будет иметь, и в каком направлении – взаимозависимость или конфликтность – будут развиваться двусторонние отношения, прогнозировать достаточно сложно. Потенциально данная модель содержит оба направления. Что возобладает – принципиальный вопрос, ответ на который интересует не только США и КНР, но и десятки стран прямо или косвенно связанных с обеими державами.

Взаимозависимость. В 2010 г. объем торговли Китая с США составил более 300 млрд долл. при постоянно растущем и значительном сальдо в пользу КНР.

Американский рынок поглощает около 20 % всего китайского экспорта. США являются основными потребителями китайской электроники, черных металлов, продукции машиностроения, одежды. Китай активно покупает финансовые казначейские облигации (1,1 трлн долл.).

Одновременно специально созданный в США китайский фонд *China Investment Corporation (CIC)* приобрел значительные доли в 63-х ведущих американских корпорациях.

При снижении ВВП в США на 1 %, китайский экспорт на американский рынок падает на 4–5 %.

В рамках визита Председателя КНР Ху Цзиньтао в США была заключена невиданная коммерческая сделка компании «Боинг» с китайскими представителями на сумму 45 млрд долл¹⁰.

Пекину явно импонируют заявления Вашингтона о приоритетной важности американо-китайских отношений (Б. Обама). Отдельные настроения в пользу дальнейшего сближения с США имеются в кругах молодой китайской интеллектуальной элиты.

Так, молодые авторы из Нанкинского университета Хуан Хэ и Чжу Ши еще в 2008 г. опубликовали в авторитетном общественно-политическом издании «Современные международные отношения» статью с броским названием «О возможности „совместного господства“ Китая и США», в которой указали на желательность и потенциальную привлекательность идеи «совместного мирового доминирования». Исследователи делают вывод о том, что в условиях постепенного сокращения своей политико-экономической мощи США, до недавнего времени выступавшие таким гегемоном, будут остро нуждаться в поддержке со стороны ведущих государств

партнеров. Китай, таким образом, сможет «помочь» США, разделив с ними ответственность за мировой порядок.

«Будущая мировая стабильность требует „совместного господства“ Китая и США. Благо сотрудничества двух сильных состоит в прочной стабильности. Ведь у сильных стран, способных поддерживать сотрудничество, мощь сохраняет устойчивое равновесие, и поэтому сравнительно мала вероятность того, чтобы у двух сотрудничающих в защите мирового порядка государств мощь одновременно находилась в цикле упадка»¹¹.

В самих США сложилась отработанная система лоббирования китайских экономических интересов, имеющая мощные политические и финансовые институты, поддерживаемая высшим китайским руководством.

Схема эта выглядит примерно так: посольство КНР – торговый совет и американские общественные организации – лоббистские фирмы.

Фактически все крупные американские корпорации, которые допущены на китайский рынок, являются крупными лоббистами Китая, включая «Боинг», «Сити групп», «Кокакола» и др.

Однако в данной тенденции (росте взаимозависимости) просматриваются альтернативные стратегии.

Китай пытается максимально использовать американские ресурсы для перехода на новую экономическую (инновационную) модель, не завязанную столь явно на экспорте и внешних рынках, как нынешняя, а построенную на принципе эксплуатации стремительно растущего внутреннего спроса. США же пытаются через растущую взаимозависимость построить китайскую экономику в мировую либеральную модель, интегрируя китайские фондовые и иные рынки.

Полная либерализация китайской валюты (юаня) в американском вариан-

те позволила бы Вашингтону убыстричь этот процесс. При этом Пекин, несмотря на давление Вашингтона, упорствует и, признавая эвентуальную необходимость превращения юаня в конвертируемую валюту, намерен контролировать темпы этого процесса в соответствии со своими внутренними установками.

Конфликтность. Нельзя обойти вниманием и второй тренд китайско-американских отношений – конфликтность.

В целом, несмотря на рост экономической мотивации, КНР продолжает рассматривать США как основного политического конкурента на геополитическом и региональном (АТР) уровне. Аналогичное ощущение относительно Китая имеют и США. Американская «ловушка» – G-2 – по вовлечению КНР в «управление миром», но с разделением ответственности на проблемных территориях, возникших, в том числе, и по вине американского руководства, не сработала.

Китай последовательно воздерживается от обсуждения с США вопросов «совместного лидерства» и более чем холодно отнесся к идее ряда именитых американских исследователей о появлении «большой двойки». По-прежнему называя отношения с Соединенными Штатами самыми важными из своих двусторонних отношений, Китай уклоняется от американских объятий – в них он видит, в первую очередь, попытку укрепить фундамент американского глобального лидерства и обеспечить безопасность своих финансово-экономических интересов.

С учетом общего объема золотовалютных резервов КНР, которые, по данным Центробанка КНР, составляли на апрель 2009 г. 1,9537 трлн долл. США – 2/3 средств из них приблизительно хранится в американских ценных бумагах.

Как отмечает Ван Юйшэн, исполнительный директор Центра стратегических исследований Фонда международных исследований Китая, «во-первых, США признают, что уже не в состоянии в одиночку решать крупнейшие международные вопросы, а старые союзнические отношения оказываются уже не столь эффективны. Соединенным Штатам необходим поиск новых партнерских отношений».

Во-вторых, американская сторона в целом признала или приняла объективный факт стремительного возвышения КНР.

В-третьих, в США понимают, что более высокий уровень отношений Китая и США выгоден для Вашингтона, особенно в части, касающейся ликвидации последствий финансового кризиса¹².

Агентство «Синьхуа» отметило: «Американские ученые и политики, впервые столкнувшись со столь невероятно глубоким кризисом, „чувствуя всю серьезность болезни, поднимают на уши всю больницу“, надеются под предлогом необходимости взять на себя большую международную ответственность заставить Китай помочь Соединенным Штатам в самый тяжелый момент кризиса» и превратить Китай в одну из опор американского глобального лидерства, в одну из спиц в американской системе «обода и спиц», с помощью которой они устанавливают свое господство в мире¹³.

Между двумя государствами продолжают сохраняться напряженность и взаимное недоверие. Традиционные темы – прав человека в Китае, отсутствие политических реформ в КНР, ситуация в Тибете, Синьцзяне, тайваньском проливе и другие вопросы – остаются в повестке китайско-американских противоречий.

Кроме экономики, взрывоопасным «минным полем» остается военное сотрудничество двух стран.

Американские поставки вооружений на Тайвань – давняя проблема для Китая. Однако в настоящее время, после подписания и ратификации российско-американского СНВ-2, появились новые акценты.

Американское же руководство постоянно зондирует в Пекине почву по

поводу возможности обсуждения военно-стратегических вопросов, пытаясь втянуть китайских военных в диалог о стратегическом ядерном оружии. Китайская сторона в таком диалоге участвовать не хочет.

На сегодняшний день Китай стремится к ядерной модернизации и наращиванию производства собственного ядерного оружия и отнюдь не склонен присоединяться к российско-американской разоруженческой инициативе. Это достаточно недвусмысленно дал понять лидер КНР Ху Цзиньтао, выступая в Вашингтоне на саммите по ядерной безопасности (апрель 2010 г.). Он подчеркнул, что «МАГАТЭ, а не отдельное государство или группа западных стран, должно играть руководящую роль в вопросах ядерной безопасности», а также указал на потребности Китая в развитии мирного атома, несмотря на расхождение позиций с Соединенными Штатами Америки.

Таким образом, стратегическая тема – уязвимое место Китая в его отношениях с США. В случае радикального обострения тайваньского или другого вопроса, затрагивающего интересы Америки, она может использовать свое преимущество.

Политический арсенал США для «сдерживания» Китая также остается достаточно широким. Фактически КНР окружена с юга и юго-востока союзниками США – Японией, Южной Кореей, Тайванем, частью стран АСЕАН. На западной границе находится давний соперник Индия, у которой имеется территориальный спор с Китаем и неплохие (стратегические, партнерские) отношения с США. Китай, как уже упоминалось выше, в отличие от США военно-политических союзников (за исключением КНДР), не имеет. Полностью безопасной для КНР остается китайско-российская граница на севе-

ре и ее границы с государствами Центральной Азии (Казахстаном, Таджикистаном и Киргизстаном).

США пытаются испортить имидж Китая в мировом сообществе, периодически вбрасывая тезис о «грядущей мировой китайской экспансии». Эта идея находит своих сторонников и в Европе (ЕС), и на других континентах. В каком-то смысле можно констатировать то, что двусторонние китайско-американские отношения сегодня плавно трансформируются в идеологическую борьбу «американского» и «китайского мира». Кто выйдет из этой схватки победителем, за кем будущее – открытый вопрос. США не собираются сдавать своих позиций и в Китае это прекрасно понимают. Отдельные экстравагантные аналитики, в основном, из

числа военных специалистов напрямую призывают Китай приложить усилия и заместить США в качестве «глобальной державы номер один»¹⁴. Такого рода высказывания на руку алармистам Запада, но, как представляется, едва ли отражают намерения Пекина.

Суммируя высказывания экспертов, остается ощущение доминирования конфликтности в отношениях двух стран. Это не означает, что обе державы будут искать повод и обязательно вступят в открытый военный конфликт. Но это может означать, что взаимное недоверие и зоны столкновения интересов (политических, военных, валютно-финансовых и др.) будут постоянно расширяться, что рано или поздно изменит картину мира.

Китай – Восточная Азия. Региональные измерения

В Северо-Восточную Азию (СВА), как известно, входят КНР, Япония, две Кореи (КНДР, РК) и Монголия. С юга регион «подпирают» 10 стран АСЕАН, каждая из которых имеет «свои», порой непростые отношения с Китаем. Общим для восточно-азиатского пространства является наличие нерешенных военно-политических, экономических, территориальных и экологических вопросов, а также больших возможностей, которые так или иначе связывают с КНР. С севера регион стыкуется с Россией (через Сибирь и российский Дальний Восток), которая испытывает на себе весь спектр вызовов и возможностей.

Проблемы. В Восточной Азии сохраняется старая система безопасности, которая сложилась в годы холодной войны, полностью завязана на США и отвечает только их интересам. Двусторонние договоры о безопасности и обороне с Японией, Южной Кореей,

Филиппинами и другими странами позволяют американцам иметь военные базы по всему южному и юго-восточному периметрам китайской границы, стратегически окружая Китай, который не имеет подобной системы безопасности. При этом, косвенно признавая стабилизирующую роль военно-политического присутствия США в регионе, в Пекине работают над альтернативными проектами, а известный китайский аналитик Ян Сюэту в своей достаточно провокационной статье открыто заявляет о возможности «сделать среднесрочной стратегической целью военного строительства КНР предоставление гарантий безопасности соседним государствам»¹⁵.

Одновременно нерешенность северокорейской ядерной проблемы в целом обостряет ситуацию в Северо-Восточной Азии, достигающей иногда стадии открытого балансирования на грани войны и мира между двумя ко-

рейскими государствами. Пекин, являясь практическим единственным идеологическим союзником Северной Кореи, тем не менее, выступает с неких общих позиций пяти стран (США, Япония, Россия, КНР, Южная Корея) по вопросам «денуклеаризации» и др. на Корейском полуострове.

Наблюдается и эволюция позиции КНР по корейскому вопросу – в Пекине все более солидаризируются с мировым сообществом по большинству пунктов повестки «шестисторонних переговоров», осознавая «неуправляемость» нынешнего режима в КНДР. С одной стороны, это позволяет Пекину продемонстрировать свой «ответственный» подход к международным делам, а с другой – развивать более тесные экономические и политические связи с Республикой Корея.

Острой проблемой остаются нерешенные территориальные споры в китайско-японских, российско-японских, китайско-вьетнамских, японо-южнокорейских отношениях вокруг принадлежности той или иной группы островов.

Понятно, что историческая основа претензий различна. Каждый спор имеет свою историю.

Дополнительную остроту китайско-японским и китайско-вьетнамским территориальным разногласиям придают некоторые сведения о наличии на шельфах спорных островов запасов углеводородов.

Экономические аспекты связаны с быстрым ростом Китая и увеличением ресурсно-экологических нагрузок на сопредельные территории стран АСЕАН (бассейн р. Меконг), российский Дальний Восток (бассейн р. Амур), Казахстан (бассейн р. Черный Иртыш) и др. Например, каскад ГЭС и каналов на р. Меконг, строительство которых начал Китай, кроме экономических вы-

год, несет серьезные экологические вызовы как отдельным странам Юго-Восточной Азии (Лаосу, Камбодже, Таиланду, Мьянме, Вьетнаму), так и южным провинциям Китая.

Возможности. Для ведущих стран региона (Японии, России, Южной Кореи) КНР становится чрезвычайно выгодным торговым и инвестиционным партнером.

Объем торговли Китая с Японией составил более 300 млрд долл. за 2010 г., а японских инвестиций в Китай – около 70 млрд долл. США.

Объем торговли со странами АСЕАН превысил 280 млрд долл.

1 января 2010 г. состоялось открытие зоны свободной торговли (ЗСТ) «Китай – АСЕАН», на создание которой потребовалось 8 лет. Это третья по экономической мощи зона свободной торговли в мире после ЕС и зоны свободной торговли Северной Америки.

После открытия ЗСТ таможенная пошлина между Китаем и странами АСЕАН снизилась с 9,8 % до 0,1 %. Более 7000 видов товаров будут освобождены от взимания таможенных пошлин, что составляет примерно 90 % от общего количества товаров в торговле между Китаем и АСЕАН.

Кроме того, данный проект предполагает расширение сотрудничества Китая со странами АСЕАН в сфере услуг и инвестиционных соглашений¹⁶.

Китайское правительство в период азиатского 1997–1998 гг. и нынешнего мирового кризисов не девальвировало юань и не развернуло товарную экспансию в данном регионе. Наоборот, оно предложило льготную финансовую помощь этим странам, что значительно подняло авторитет Китая на фоне грабительских «антикризисных» кредитов МВФ и других западных институтов государствам Юго-Восточной Азии. Внутри каждой из стран АСЕАН (особенно в Индонезии, Сингапуре, Таиланде и др.) действуют многочисленные и влиятельные китайские общины (хуацяо), которые также работают

на укрепление положительного имиджа своей главной родины.

Китай предлагает Японии усилить экономическую интеграцию в Восточной Азии, создавая Восточно-азиатское сообщество (ВАС). Причем и Пекин, и Токио согласны с тем, что в обоюдных интересах плавно уменьшать свою зависимость от рынков США. Стороны готовы объединить свои усилия для заключения соглашения о свободной торговле.

Китай продолжает продвигать и более ранний интеграционный проект КНР – РК – Япония, для создания китайско-японо-южнокорейской зоны свободной торговли. Данный проект со временем может стать серьезным конкурентом ЗСТ КНР – АСЕАН, учитывая экономические и технологические ресурсы и возможности сторон.

Развитие китайско-монгольских и российско-монгольских экономических связей мотивируется поступающей в КНР и Россию информацией о новых стратегических месторождениях медного концентрата, угля, серебра, золота и урана в Монголии (Таван – Толгой, Оую – Толгой и др.).

Конкуренция между российскими, китайскими, канадскими, американскими и японскими компаниями за право добычи и переработки природного сырья на монгольском рынке с каждым годом возрастает. Каким компаниям монгольское руководство отдаст предпочтение, – пока открытый вопрос. Россия предлагает монгольскому правительству построить железнодорожный

участок дороги от УБЖД до новых монгольских месторождений. Китай совместно с Россией и Монголией начал создание трансграничной экономической зоны на базе формально существующей российско-монгольской зоны свободной торговли («Алтанбулаг»).

Перспективы. После 2012 г. внешняя политика Китая в Восточной Азии скорее всего будет развиваться в условиях дальнейшего роста китайского экономического и политического влияния.

Регионы СВА и ЮВА останутся наиболее приоритетными для него из «ближнего окружения». Дальнейшая экономическая интеграция Тайваня в КНР, а также развитие региональных интеграционных проектов с АСЕАН, Японией и Южной Кореей позволят Китаю вплотную подойти к реализации проекта «Большого Китая» в Азии. Хотя контуры и содержание этого проекта сегодня до конца неясны, как и неясны все возможные риски для больших и малых стран региона.

Россия, исходя из собственных интересов, через энергетические, транспортные проекты и безопасность, а также используя возможности Владивостокской площадки АТЭС в 2012 г., имеет все возможности для расширения своего присутствия в регионе. Китай теоретически мог бы выступить «лоббистом» в продвижении российских интересов в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. Насколько перспективной окажется такая российско-китайская связка в регионе покажет уже ближайшее будущее.

Китай в неформальной структуре БРИКС, или новая попытка создания «неамериканской» модели мира

Только что родившаяся неформальная структура БРИКС фактически демонстрирует прообраз модели многополюсного неамериканского мира. За

каждым участником – «свой» регион на четырех континентах, своя экономическая модель, своя стратегия развития.

Китай и Россия, создав в 2000-е годы неформальную структуру Россия – Индия – Китай (РИК), а затем расширив ее за счет бразильского (БРИК) и южно-африканского (БРИКС) компонентов, фактически презентовали международной общественности мини-модель многополюсного, неамериканского мира. При этом надо подчеркнуть, что БРИК в настоящее время выступает как неформальный финансово-экономический клуб, наращивание политической составляющей работы организации, очевидно, вопрос будущего.

«СРЕЗ» МИРА. Модель, на первый взгляд, выглядит искусственной и противоречивой. Но, собственно, таким и является наш мир – разорванный на куски из нищих и богатых стран, дающих и просящих, производящих технологии и поставляющих только сырье.

Получается, что БРИКС – это «срез» нашего мира, отражающий конгломератно-анклавную структуру современного общества, когда отдельные социальные группы в рамках одного государства и даже целые государства живут в разном социальном времени. Среди российских, западных и китайских ученых существуют различные, противоположные оценки проекта БРИКС. Говорят, например, что БРИКС – китайский проект и выгоден только ему, хотя Пекин это тщательно скрывает.

Другие эксперты видят в БРИКС проект «развивающегося мира», направленный исключительно против США¹⁷. Он уже начал «антиамериканскую революцию» принятием решения (Бразильский саммит 2010 г.) о расчетах в национальных валютах. Вторым этапом будет обрушение американского доллара и создание мировых (региональных) валют.

Создание БРИКС означает формирование новой мировой архитектуры,

отражающей реалии постбиполярного мира, утверждают некоторые эксперты.

И в этом есть резон.

Абсолютная несхожесть входящих в БРИКС стран по культурно-религиозным, общественно-политическим, экономическим характеристикам объективно делает эту структуру перспективной в плане формирования новых региональных и глобальных моделей будущего международного общения.

Упомянем и такую радикальную точку зрения: БРИКС – мертворожденная организация, некая «политическая тусовка», которая ничего не решает и ни на что не влияет. В отличие, скажем, от проекта РИК – Россия, Индия, Китай.

РИК: КЛЮЧЕВАЯ РОЛЬ «РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ СВЯЗКИ». Треугольник «Россия – Индия – Китай» сконцентрирован на Центральной Азии и отчасти на Афганистане. ШОС, куда входят все три государства (Индия как наблюдатель), является неким инструментом безопасности Китая на данном направлении.

РИК для Китая, кроме экономической, транспортной и энергетической составляющих, важен с точки зрения поддержания безопасности на его западных границах как против «трех сил зла» (терроризм, экстремизм, сепаратизм), так и американского присутствия в Афганистане и Киргизстане (транспортно-логистический центр в Манасе). Кроме того, РИК важен как ограничитель традиционных китайско-индийских противоречий и территориальных споров с Индией.

Россия в рамках РИК сумела вывести давний (с начала 50-х годов) спор двух азиатских гигантов на уровень трехстороннего обсуждения, сняв напряженность между Пекином и Де-

ли. Можно говорить, что российско-китайская связка в политическом плане являлась и остается ключевой в проекте.

Видимые интересы Китая очевидны – это возможность развивать не-американскую модель мира, усиливая свои позиции, инициировать новые валютно-финансовые конструкции, направленные против всесилия доллара, поддерживать и продвигать часть бывшего «третьего мира» – традиционного союзника Китая.

Все это для КНР укладывается в рамки ее новой глобальной роли, повышения международной «ответственности» за судьбы мира.

БРИКС – «КИТАЙСКИЙ ПРОЕКТ»? Китайские эксперты считают, что РИК выполнил свою задачу. Сейчас актуален более масштабный и перспективный проект БРИКС. Но это не совсем так. Оба проекта могут развиваться параллельно, каждый из которых должен выполнять свои «специальные» функции и задачи.

В отличие от проекта РИК, здесь нет евразийской составляющей. Акцент делается на достаточно расплывчатых общемировых задачах:

- формирование «более справедливого миропорядка»;
- регулирование мировых финансовых рынков и плавный (поэтапный) выход из сложившегося долларového режима;
- реформирование МВФ и других институтов в интересах «новых развивающихся стран»;
- решение проблем энергетической безопасности и климатических изменений;
- обеспечение продовольственной безопасности и др.

В БРИКС Китай объективно выдвигается в качестве основного игрока.

Пекин, развивая отношения с ЮАР и Бразилией, усиливает свое присутствие в Африке и Латинской Америке.

С другой стороны, нельзя переоценивать потенциал БРИКС и роль китайского фактора в нем. Для проекта в целом, и для Китая в частности, остаются два сильных ограничителя.

Первый – «внешний» ограничитель в лице США, которые объективно сдерживают китайскую политику, направленную на расширение повестки дня БРИКС и его институционализацию. Существуют взаимные китайско-американские финансово-экономические обязательства.

США – реальный партнер Китая, рисковать которым ради неких виртуальных выгод в Пекине не хотят.

Второй – «внутренний» ограничитель в лице Индии.

ЧТО ВЫГОДНО РОССИИ? Проект БРИКС менее выгоден России, чем вариант РИК, который более четко ориентирован на отечественные региональные (евразийские) интересы.

Уже состоялись 9 официальных трехсторонних встреч руководителей МИД, создан диалоговый механизм, проведено два форума высших руководителей РИК, а также сотни встреч и практических переговоров министерств и ведомств.

Формат реально приобрел реальные очертания.

БРИКС же отводит России второстепенные, вспомогательные позиции в силу объективных экономических условий. Он вычеркивает из общей повестки проблематику Центральной Азии, ШОС, «энергетического клуба» Евразии, транспортные проекты и другие важные для России вопросы.

В России должны учитывать гипотетическую возможность превращения БРИКС в «китайский проект», в котором

бы китайский компонент полностью доминировал и превратился бы в один из инструментов создания «китайского мира».

Однако на Россию работают:

– невключенность БРИКС в систему западных институтов (НАТО, ЕС и др.);

– совпадение интересов пяти государств по ключевым вопросам мирового развития.

Поэтому у России есть серьезный шанс участвовать в создании новой модели мира как на региональном (через РИК, ШОС), так и на глобальном (БРИКС) уровне.

Примечания

- ¹ Дэн Сяопин. Совершенствоваться в использовании момента для разрешения вопросов развития. Пекин, 2007. Т. 3. С. 363.
- ² Ян Цзеци. Отстаивать международный мир, содействовать совместному развитию // «Цюши». № 19. 1.10.2009 // <http://theory.people.com.cn/GB/49169/49170/10154961.html>
- ³ Бэйцзин жибао, 06.04.2010 // http://www.hprc.org.cn/gsyj/yjdt/zd gz/201004/t20100406_45802_1.html
- ⁴ Цзинь Сидэ. Китаю необходима психология великой державы // Хуанцю жибао. 12.09.2002. С. 4.
- ⁵ Документы XVI Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (на рус. яз.). Пекин, 2002. С. 23.
- ⁶ Мамонов М. Стратегия профилактики «опасности» во внешней политике КНР // Международные процессы. Т. 5, № 3 (15). Сентябрь–декабрь. 2007.
- ⁷ Дай Бинго. Неуклонно идти по пути мирного развития // http://www.gov.cn/ldhd/2010-12/06/content_1760381.htm
- ⁸ Цуй Лижуй. Вероятность конфликтов Китая с миром выше, чем в прошлом // Хуанцю жибао. 22.07.2009 // <http://opinion.huanqiu.com/roll/2009-07/523024.html>
- ⁹ Синьхуа. 20.07.2009 // http://www.gov.cn/ldhd/2009-07/20/content_1370171.htm
- ¹⁰ Runningen R., Forsythe M. Hu Formally Welcomed to U.S. for Summit, CEO Meeting // Bloomberg Businessweek. 2011. January 19.
- ¹¹ Хуан Хэ, Чжу Ши. О возможности «совместного господства» Китая и США // Современные международные отношения. 2008. № 2. С. 28–32.
- ¹² China Daily. 27.02.2009 // http://www.chinadaily.com.cn/hqpl/2009-02/27/content_7518914.htm
- ¹³ http://news.xinhuanet.com/world/2009-03/14/content_11009192.htm
- ¹⁴ Лю Минфу. Размышления великой державы о постамериканском мире: китайская мечта. Пекин, 2010.
- ¹⁵ Ян Сюэцун. Направления развития мировой архитектоники и возможности для Китая // Современный Азиатско-Тихоокеанский регион. 2008. № 5.
- ¹⁶ http://news.xinhuanet.com/english/2010-01/01/content_12740470.htm
- ¹⁷ Todd B. Rise of BRIC, and the US' Desperate Move to Retain its Stranglehold. Mainstream. Vol XLVI. № 50 // <http://www.mainstreamweekly.net/article1072.html>; Halpin T. Brazil, Russia, India and China form bloc to challenge US dominance. The Times. 2009. June 17 // http://www.timesonline.co.uk/tol/news/world/us_and_americas/article6514737.ece

Северная безопасность и концепция «Нового Севера»

Наталья Маркушина

Прекращение существования Советского Союза привело к изменению рамок многих геополитических регионов. Северная Европа как район, находившийся, по сути, в зоне стратегического интереса сразу двух полюсов, не могла не отреагировать на новую реальность изменившихся географических рамок.

Трансформация отразилась на вопросах безопасности и на концептуальном обосновании стратегии региона. Появилась концепция «Новый Север», отводившая особую роль странам Северной Европы, России, США и Канаде. В этой связи анализ проблем, вызванных современными вызовами и угрозами северной безопасности в условиях глобализации и регионализации, несомненно, приобретает особую актуальность.

Исторически сложившаяся геополитическая концепция традиционно определяла состав Северной Европы как пятёрку стран, в которую входили Швеция, Финляндия, Дания, Норвегия и Исландия. Во многом это была геополитическая трактовка, поскольку, если подходить к этому вопросу строго, то Норвегия и Швеция располагаются на Скандинавском полуострове. Но в более широком отношении к Скандинавскому региону относят Финляндию, Данию и Исландию.

Все легко объяснить сходством, которым обладают эти государства – от

природных условий, образа жизни, понимания общих ценностей и общей исторической судьбой.

С 1397 по 1523 г. эти страны находились в составе Кальмарской унии, под эгидой несомненного лидерства Дании. Впоследствии на первое место выдвинулась Швеция, которая владела сначала Финляндией, а затем Норвегией.

В 1952 г. Дания, Исландия, Норвегия и Швеция образовали Северный совет, который на институциональной основе сплотил пять стран (Финляндия тоже присоединилась к Северному

МАРКУШИНА Наталья Юрьевна — кандидат исторических наук (Санкт-Петербургский государственный университет). E-mail: nat-markushina@yandex.ru

Ключевые слова: северная безопасность, концепция «Нового Севера», «мягкая безопасность», «жесткая безопасность», «Северное измерение».

совету), определив три вектора политики – Балтийское, Арктическое и Баренцево.

Сложилось понятие «североевропейская модель», которая, по мнению российского эксперта Н. Антюшиной, состояла из особых типов: политической жизни, социального устройства, экономической жизни, мировоззрения и предпринимательской жизни¹.

Ситуация изменилась с распадом СССР и появлением «новых» северных участников. В 1991 г. участниками международных отношений стали страны Балтии (Эстония, Латвия, Литва) и Российская Федерация. Но если первые достаточно лояльно были приняты в орбиту европейской политики, то России пришлось непросто. Во многом России помогло федеративное устройство страны и тот факт, что северо-западные регионы были включены в геополитическое пространство Севера. Согласно российским исследователям, появилось понятие «Новая Северная Европа», включавшее – Финляндию, Швецию, Данию, Норвегию, Исландию, Северо-Запад Российской Федерации, Эстонию, Латвию, Литву, а также благодаря выходу к Балтийскому морю Польши и Германии².

Постепенная трансформация геополитической реальности не могла не привести к изменению на Севере трактовки понятия «безопасность» – от традиционного реалистического подхода к безопасности (основным объектом безопасности являются государства, а угроза проистекает от других государств³) к новым формам. Реалистическая точка зрения строилась еще и на том, что процессы регионализации основывались, в первую очередь, на исключении и отстранении других государств³, то есть на исключительно «жесткой» безопасности (*hard security*).

Изменение в расстановке сил на Севере, в том числе и парадигм безопасности, по мнению профессора Сергунина, «основывается на ясном переключении от вопросов „жесткой“ к вопросам „мягкой“ безопасности»⁴.

Терминология «мягкая сила» и «мягкая безопасность» была введена в научный оборот американским исследователем Джозефом Наем-младшим и характеризовалась культурой политической идеологии и внешней политикой⁵.

Для понимания новых взглядов на безопасность следует обратиться к Копенгагенской школе Международных отношений и, в частности, к идеям Б. Бузана и О. Вевера. Они разработали пять секторов безопасности: военный, политический, экономический, социальный и экологический⁶ и пять уровней безопасности: международный, региональный, национальный, внутренние группы, индивид⁷.

Анализ многоуровневости безопасности позволяет более гибко подойти к пониманию феномена северной безопасности. Поэтому автор, вводя в оборот термин «северная безопасность» обращает внимание на уникальную систему, сформировавшуюся на Севере. Основу ее составляют две принципиальные схемы:

1. На первом месте стоит «человеческая безопасность», или «личная безопасность», когда, согласно профессору В. Н. Коньшеву, «на место национально-государственного интереса как высшей цели политики ставится безопасность индивидуума»⁸.

2. Важным определяющим фактором является критерий защиты северного сообщества «против человеческого воздействия»⁹.

Не вызывает сомнения, что и та, и другая схема в большей степени базируется на принципах «мягкой безопасности».

Важным этапом для деятельности стран Северной Европы стало появление концепции «Новый Север», озвученной президентом Исландии О. Р. Гримсоном на Генеральной ассамблее международной НПО «Северный форум» (Санкт-Петербург, 24 апреля 2003 г.). Гримсон называет Север «новым политическим ландшафтом»¹⁰, который:

- обладает взаимосвязанной сетью организаций – новой структурной реальностью Севера, которую составляют три международных совета, появившиеся после распада СССР: Арктический совет, Баренцев Евро-Арктический совет и Балтийский совет;

- делает акцент на вопросах «мягкой безопасности» – от вопросов экологии до образования.

Речь идет в том числе о концепции устойчивого развития, в основе которой лежит, по мнению российского исследователя М. Л. Лагутиной, «идея российского исследователя В. И. Вернадского о том, что человек, становясь геологической силой, приобретает способность „изменять лик Земли“»¹¹;

- обладает региональным уровнем взаимодействия с участием Северо-Западного региона Российской Федерации;

- обладает возможностями «лабораторной модели», на которой можно апробировать «новые пути для экономического и социального прогресса, а также для культурного обогащения и демократического диалога»¹⁰;

- занимается сотрудничеством в рамках проекта международных организаций – «Северное измерение».

При реализации концепции «Новый Север» важную роль играет тот факт, что регион Севера Европы отличается высокой степенью стабильности. По всей видимости, региональные

конфликты на Севере Европы исключены, так же как и военная конфронтация.

С другой стороны, концепция включает сотрудничество с Россией, Канадой и США, и, соответственно, ситуацию нельзя назвать однозначной. Север Европы по-прежнему сохраняет присутствие военно-морских флотов и военно-воздушных сил ядерных держав.

После Второй мировой войны и в годы холодной войны сложная международная обстановка поставила перед государствами Северной Европы вопрос о гарантиях обеспечения национальной безопасности. С одной стороны, это позволило региону избежать возможных конфликтов, а с другой – обозначились принципиально различные подходы к проблемам безопасности, от которых зависело политическое будущее Севера Европы.

Сложность ситуации усугубляло геополитическое положение Севера между Востоком и Западом. Жесткая конфронтация США и СССР основывалась «на концепциях военного превосходства, на неизбежности конфликта с Советским Союзом и другими социалистическими странами, на игнорировании интересов других народов»¹². Военно-политическое противостояние блоков США/НАТО – СССР-ОВД в гонке вооружений ВМС сделало Североевропейский регион «центральным элементом холодной войны с начала 60-х и до конца 80-х годов»¹³.

США удалось добиться того, что в основу внешнеполитических концепций Норвегии, Дании и Исландии был положен атлантический тезис о том, что только тесное военно-политическое сотрудничество с ведущими державами Запада на блоковой основе способно гарантировать безопасность этих стран. Советский Союз предлагал

Скандинавским странам заключить пакт о ненападении и тем самым положить конец сомнениям в его добрососедских намерениях. Но Норвегия, Дания и Исландия стали в 1949 г. членами Североатлантического союза.

Правда, были и свои нюансы. Норвегия, вступив в НАТО в 1949 г., только в 1992 г. стала ассоциированным членом Западного союза. Датское правительство, хотя с самого начала заявило о том, что придерживается принципов неразмещения в мирное время на территории страны ядерного оружия и иностранных военных баз, в то же время предоставило США возможность военной деятельности на базах в Гренландии.

Все это говорило о том, что Североатлантический союз имел все шансы стать центральным институтом обеспечения безопасности в Европейском регионе. Исландия с самого начала заявила о намерении диверсифицировать методы и средства обеспечения своих национальных интересов, проводить более самостоятельную и гибкую внешнеполитическую линию. Не имея собственных вооруженных сил, Исландия полностью полагалась на гарантии безопасности старшего партнера по НАТО – США. В 1996 г. Исландия получила очередное подтверждение гарантий на следующие 5 лет в форме протокола к двустороннему соглашению об обороне¹⁴).

С другой стороны, было решение Швеции, подтвердившей традиционную политику нейтралитета или, точнее говоря, «политику свободы от союзов в мирное время, имеющую целью сохранение нейтралитета в случае войны»¹⁵. Только с 1995 г. Швеция получила статус наблюдателя Западноевропейского союза¹⁵.

Принципиально новую линию избрала Финляндия. Страна стала прово-

дить политику военного неприсоединения и самостоятельной обороны, выступая за укрепление европейской безопасности на основе широкого международного сотрудничества.

В качестве одного из направлений работы по укреплению безопасности было заключение в апреле 1948 г. Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с Советским Союзом.

Среди факторов, которые обуславливают устойчивость в данном регионе, нужно отметить и попытки предложить обеспечить безъядерный статус северных стран.

Этими проблемами в 60-х годах XX в. занялся президент Финляндии У. Кекконен. Он поставил вопрос о необходимости закрепить существующий безъядерный статус Северной Европы взаимными соглашениями¹⁶.

Вскоре в Скандинавских странах возникла теория так называемого «северного баланса»¹⁷, некоего военно-политического равновесия в данной части Европы. Сторонники этой концепции утверждали, что членство Норвегии, Дании и Исландии в НАТО «уравновешивается» нейтралитетом Швеции и политикой особых договорных отношений Финляндии с Советским Союзом¹⁸. После распада Советского Союза теорию дополнило членство Швеции и Финляндии в Европейском союзе. Дания вступила в ЕС еще в 1973 г.

Тем не менее, по мнению МИД Финляндии, «влияние технологий военно-промышленного комплекса на арктических территориях было столь высоко, что даже президент Михаил Горбачев считал возможным возникновение ядерного конфликта в результате несчастливого стечения обстоятельств»¹⁹.

Современные взаимоотношения между Востоком и Западом поставили перед европейскими государствами во-

прос определения национальных интересов, которые осложнились противоречивым характером отношений большинства европейских стран, а также стремлением США доминировать в обновленном политическом пространстве Европы. Однако анализ собственного потенциала в последнее время и несовпадение с позицией США по вопросам безопасности привели североευропейские страны к поискам собственного пути и поискам новой концептуальной идеи, которой и стала концепция «Нового Севера».

Можно утверждать, что современные формы сотрудничества в рамках вопросов северной безопасности и зарождение концепции «Новый Север» произошло еще в конце 80-х годов XX в. и при активном участии СССР.

Западная историография в качестве эпизодического события для Северной Европы называет мурманскую речь М. Горбачева (1 октября 1987 г.), когда он обратился к теме безопасности на Севере, заявив, что «Советский Союз выступает за радикальное снижение уровня военного противостояния в регионе. Пусть Север Европы, Арктика станут зоной мира. Пусть Северный полюс будет полюсом мира. Мы предлагаем всем заинтересованным государствам приступить к переговорам об ограничении и сокращении военной активности на Севере в целом как в Восточном, так и в Западном полушариях»²⁰.

Идея была подхвачена в Канаде, когда в 1988 г. премьер-министр страны Брайан Малруни предложил создать Арктический совет. Началось сотрудничество в области экологии (в ходе «процесса Рованиеми»). Промежуточным звеном между планами Горбачева и Арктическим советом стала «Стратегия охраны окружающей среды Арктики» (AEPS)¹⁹.

Шагами в сторону создания безъядерной зоны на Севере Европы и кон-

цепции «Новый Север» стало создание в 1992 г. сразу двух международных организаций – Совета государств Балтийского моря (СГБМ) и Совета Баренцева/Евро-Арктического региона (СБЕР).

Таким образом, можно говорить о том, что на современном этапе формируется особая структура северной безопасности, основанная на двойственности политики стран Северной Европы, которая при ценностных ориентирах на вопросы «мягкой безопасности» заставляет учитывать и вопросы «жесткой безопасности». Во многом это связано с ростом активности в регионе России и Соединенных Штатов. Так, США продолжают развивать двусторонние отношения со странами региона, в первую очередь со странами Балтии.

В 1998 г. была подписана Хартия о партнерстве между США и странами Балтии.

Следует учитывать и некоторые особенности участия Норвегии, Дании, а также Исландии в НАТО.

Например, принцип непредоставления баз на территории своих стран иностранным вооруженным силам в мирное время, дополненный позднее заявлением о неразмещении ядерного оружия, официально провозглашенный норвежским и датским правительствами.

В 1999 г. Польша вошла в состав организации Североатлантического договора, а в 2004 г. Эстония, Латвия и Литва также стали членами НАТО.

Если говорить о России, то, несмотря на многие положительные факторы, возникшие за последнее время, для нее на Севере продолжают сохраняться элементы нестабильности и неопределенности, в частности, в вопросах экологической и энергетической безопасности. Север Европы представляет для Российской Федерации стратегически важную зону с точки зрения обеспечения национальной безопасности страны. Но и Россия, которая остается в спи-

ске «поставщиков» угроз (от военной до экологической), представляет интерес для Европейского севера. Для России и ее северо-западных территорий главным ориентиром для разрешения вопросов безопасности остаются поиски мер укрепления доверия, безопасности и стабильности в Балтийском, Баренцевом и Арктическом регионах. Следует отметить целый ряд инициатив, посвященных укреплению доверия и безопасности со странами Северной Европы, с которыми Россия выступила.

Так, при участии России на встрече глав внешнеполитических ведомств северных и балтийских стран по формуле «5+3+1» (26 августа 1998 г., Швеция, г. Вестерос) заместитель министра иностранных дел России А. А. Авдеев представил данные, вызвавшие огромный интерес у североευропейских государств. Речь шла об успешных шагах по выполнению объявленного президентом Б. Н. Ельциным 40-процентного сокращения военных группировок на Северо-Западе страны²¹.

Такой дипломатический ход привёл к ответной реакции со стороны соседей. Со стороны Финляндии и Швеции в том же году последовал документ «Совместная безопасность для региона Балтийского моря». В нём подчёркивалось, что именно сотрудничество внесит неосценимый вклад в безопасность региона Балтийского моря.

Это, конечно, не решало проблемы взаимоотношений с НАТО, Норвегией, Исландией и Данией, но давало надежду на влияние на эти страны со стороны европейских соседей – Швеции и Финляндии. С Норвегией нужно было искать другой подход. Им стали важнейшие направления в международном сотрудничестве по обеспечению экологической безопасности Севера – укрепление радиационной безопасности и защита морской среды региона Балтийского моря²¹.

Не последнюю роль в формировании концепции «Новый Север» и северной безопасности играют Европейский союз и проект «Северное измерение». Не стоит забывать, что Дания, Швеция и Финляндия являются членами объединённой Европы и Европейский союз не может не влиять на политику этих стран. Попад в орбиту европейских дел, страны Севера должны были отстаивать свои интересы, чтобы не оказаться в роли «периферийных стран».

Еще в феврале 1994 г. министр иностранных дел Финляндии ввёл в оборот термин «Северное измерение», предлагая путь для северных стран в новом направлении.

В своей речи он сказал: «Новые северные члены ЕС, если и когда они станут таковыми, внесут совершенно новое измерение в Европейский союз – измерение северных стран»¹⁹.

Эту идею поддерживал в своих выступлениях и президент Финляндии Мартти Ахтисаари. В своем выступлении в Вашингтоне 7 ноября 1994 г. президент сформулировал будущие принципы северной политики в ЕС: «Мы действуем на основе стремления к достижению равноправия, общественной справедливости, демократии, уважения окружающей среды и продвижения свободной торговли. По поводу этих задач северные страны единомышленны»¹⁹.

Несомненно, речь шла и о вопросах безопасности, поскольку в замыслах Финляндии было использовать границу с Россией для повышения статуса в Европейском союзе. Северным странам требовалось не только выстраивать отношения в новой геополитической ситуации, но и выдержать конкуренцию с так называемым «Южным измерением» ЕС²². Речь шла, в том числе, и о финансировании Черноморского проекта. Страны Средиземноморского региона негативно воспринимали перспективу «Северного измерения», понимая, что могут потерять свои пре-

имущества в Европейском союзе. Сложностей добавляло отсутствие единства среди северных стран по вопросу «Северного измерения». Швеция и Дания были озабоченные тем, как скажется новая концепция на сотрудничестве в районе Балтийского моря и деятельности Совета государств Балтийского моря (СГБМ).

Тем не менее премьер-министр Финляндии Пааво Липпонен (осень 1997 г., Финляндия) выдвинул на конференции в Рованиemi концепцию «Северного измерения» ЕС. На современном этапе своего существования «Северное измерение» легко укладывается в концепцию «Нового Севера», поскольку изначально основой «Северного измерения» должно было стать сотрудничество ЕС и России. Речь шла о сотрудничестве с северо-западными регионами РФ, Польшей, Эстонией, Латвией, Литвой. Инициатива «Северного измерения» стала проектом ЕС в декабре 1997 г.

В первом же отчете Еврокомиссии о «Северном измерении» (одобрен 12 декабря 1998 г.) была признана важность «Северного измерения» как составляющей Европейской северной стратегии²³. На заседании Совета Министров иностранных дел ЕС (31 мая 1999 г., Люксембург) в заключительном документе по «Северному измерению» было заявлено, что проект ЕС «может способствовать укреплению позитивной взаимозависимости ЕС, России и других государств бассейна Балтийского моря»²³. В разделе «Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским союзом на среднесрочную перспективу (2000–2010 гг.)» говорилось о необходимости «совместно наполнять практическим содержанием инициативу „Северного измерения“ в развитии европейского сотрудничества. Добиваться ее финансовой поддержки со стороны Европейского союза, привлечения капиталов внеевропейских стран. Способствовать тому, чтобы реализация этой инициативы была направлена не только на стимулирование добычи и экспорта сырья, но и на комплексное развитие севера и северо-запада России»²⁴.

Первый и второй план действия не оправдал себя в глазах России несмотря на то, что на повестке дня появились вопросы Калининграда и Арктики, стратегически важные для российской безопасности. Хотя в Ежегодном докладе о ходе выполнения плана 2006 г. речь шла об успешном завершении осуществления Второго плана действий²⁵, ситуация требовала перемен. 24 ноября 2006 г. в Хельсинки были подписаны Политическая декларация и Рамочный документ по политике «Северного измерения».

По сообщению пресс-службы Президента России, «„Северное измерение“, существовавшее как отдельная политическая и экономическая инициатива ЕС, переходит на качественно новый уровень с подключением к ней других стран, не являющихся членами Евросоюза: России, Норвегии и Исландии»²⁶.

Равноправное партнерство определило среди своих приоритетов вопросы «мягкой безопасности» – от экологии и здравоохранения до образования и ядерно-экологической программы.

По словам финского эксперта Хейнинена Ласси, «новое» «Северное измерение» приобрело значительную основу, может стать средством для снижения напряженности и укрепления доверия между Россией и Европейским союзом²⁷.

Несомненно, равноправное партнерство «Северного измерения» призвано усилить сотрудничество на Севере Европы, что, конечно, укрепит взаимодействие по проблемам безопасности.

Говоря о северной безопасности, следует особо отметить превращение северных стран в сильное действующее лицо на международной арене. Конечно, Северная Европа не обладает военной мощью, как Соединенные Штаты Америки, тем не менее, имеет

богатый экономический, торговый потенциал и возможности в области валютной политики, чтобы выступать в одной и той же весовой категории²⁸ в вопросах северной безопасности.

Таким образом, анализируя вопросы северной безопасности, можно отметить:

1. Аспекты взаимоотношений в рамках концепции «Новый Север» уже сегодня указывают северным партнерам правильный путь для развития отношений. Честное партнерство, основанное на взаимном уважении, – это именно то, чего ждут стороны от сотрудничества в Арктическом, Баренцевом и Балтийском направлениях.

2. Ценностные ориентиры стран Северной Европы базируются на вопросах «мягкой безопасности» и заботе о человеческой личности. Политика строится на поисках общего понимания

вопросов сохранения экологии, культуры, поддержки здравоохранения. Инструментами подобного взаимодействия может стать сотрудничество в рамках региональных организаций, а также равноправное партнерство «Северного измерения».

3. Вопросы «жесткой безопасности» сохраняют свою актуальность на Севере. Это проявляется в рамках сотрудничества с НАТО. Благодаря длительному партнерскому участию Исландии, Норвегии и Дании в НАТО эти страны проявляют стремление получить гарантии безопасности, в первую очередь, от НАТО. Наблюдается постепенный отход от традиционного нейтралитета Финляндии и Швеции. Это объясняется набирающей мощью ЕС и его политикой безопасности, а также усилением влияния ЕС на страны Северной Европы.

Итак, можно считать, что международно-политический курс северных стран под воздействием концепции «Новый Север» и поиски попыток обеспечения безопасности определяют двойную тенденцию: с одной стороны, сближение стран внутри региона (в том числе и с участием Северо-Запада России), а с другой – взаимоотношения на уровне НАТО и ЕС. Несмотря на последнее, Северная Европа в целом признается как пространство безопасности, что и создает особое понятие *северной безопасности*, построенное на поисках баланса между «мягкой» и «жесткой» безопасностью.

Примечания

- ¹ Антюшина Н. М. Факторы, принципы и предпосылки североευропейской модели // Арктическая идея. 2009, апрель. С. 46-7.
- ² Северная – Европа регион нового развития / Под ред. Дерябина Ю. С., Антюшиной Н. М. М.: Вест Мир, 2008. С. 10.
- ³ Browning C., Joenniemi P. Regionality Beyond Security? The Baltic Sea Region after Enlargement // Cooperation and Conflict. Vol. 39. 2004. P. 236.
- ⁴ Сергунин А. Российская стратегия в регионе Балтийского моря: от сокращения ущерба до модели сотрудничества // Бюллетень № 3, ноябрь 2003.
- ⁵ Nye J., Jr. Soft Power. The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004. P. 21.
- ⁶ Buzan B., Wæver O., Wilde J. de. Security: a New Framework for Analysis. Boulder, London: Lynne Rienner, 1998. P. 163.
- ⁷ Brauch H.G. Conceptual Quartet of Security, Peace, Development and Environment // 2008 Global Conference. Building Sustainable Futures. Enacting Peace and Development. Conference Paper, 2008. P. 5.

- ⁸ Коньшиев В. Н. Концепция «безопасность личности» в перспективе неореализма // Концепция «безопасности человека» в Канаде и России. Волгоград, 2010. С. 20.
- ⁹ Даль С. 20-летний опыт в сфере российско-норвежского сотрудничества на Крайнем Севере // Северное Измерение России: наука, инновации, международное сотрудничество. М., 2010. С. 15.
- ¹⁰ Гримссон О. Р. Новый Север: Инновации и возможности в 21-м веке // http://www.northernforum.org/peter_ga03.html
- ¹¹ Лагутина М. Л., Харлампыева Н. К. Международное сотрудничество в Арктике: эколого-политический аспект // Общество. Среда. Развитие. 2010. № 3. С. 214.
- ¹² Комиссаров Ю. Безопасность и сотрудничество: опыт европейского севера. М., 1989. С. 128.
- ¹³ Tunander O. Cold Water Politic. The Maritime Strategy and Geopolitics of the Northern Front. London., 1989. P. 34.
- ¹⁴ Маркушина Н. Ю. Погодин С. Н. Экономическая и политическая география стран Северной Европы. СПб., 2004. С. 174.
- ¹⁵ Hirdman S. Sveriga, EG och neutraliteten // Tiden. Stockholm, 1989. Arg. 81. № 6/7. P. 334; Швеция и Европейское сообщество. М., 1990. С. 20.
- ¹⁶ Кекконен У. К. Финляндия: путь к миру и добрососедству. Статьи, речи, письма. 1943–1978. М., 1979. С. 278–279.
- ¹⁷ Лавров Ю. Североевропейский вариант политики безопасности // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 11. С. 112–120.
- ¹⁸ Воронов К. В. Россия и процесс формирования системы безопасности на Севере Европы в 90-х годах (позиции и особенности курсов Норвегии, Швеции и Финляндии). М., 1997.
- ¹⁹ Финляндия и Северное измерение. Хельсинки: Министерство иностранных дел Финляндии, 2006. С. 9, 11.
- ²⁰ Выступление М. С. Горбачева в Мурманске в связи с вручением городу ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» // Правда, 1987. 2 октября.
- ²¹ Маркушина Н. Ю. Россия и Северная Европа: добрососедские отношения? // Россия в глобальном мире. СПб., 2004. С. 256.
- ²² Воронов К. «Северное измерение»: затянувшийся дебют // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 2. С. 78.
- ²³ «Северное измерение» в политике ЕС. Доклад Европейской Комиссии, представленный Европейскому совету в Вене в декабре 1998 г. // Евро. 1999. № 11. С. 41, 39.
- ²⁴ Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским союзом на среднесрочную перспективу (2000–2010 гг.) // <http://www.ieras.ru/journal/journal1.2000/9.htm>
- ²⁵ Commission Staff working document: 2006 Annual Progress Report on the Implementation of the Northern Dimension Action Plan. Brussels: Commission of the European Communities document, 04.06.2007. SEC (2007) 791. P. 37.
- ²⁶ «Северное измерение». Встреча на высшем уровне Россия – Европейский союз, Хельсинки, 24 ноября 2006 // <http://www.mid.ru/ns-dos.nsf/45682f63b9f5b253432569e7004278c8/33d85485e6501310c3257234002bc763?OpenDocument>
- ²⁷ Heininen Lassi Third Theme Northern Dimensions, Policies, Strategies and Programmes as Means to Respond. Plenary Session III: Societal Impacts of Flows of Globalization and Climate Change in the North – The Influences of Northern Dimensions, Policies, Strategies and Programmes. Northern Research Forum. P. 124 // http://www.nrf.is/Publications/The%20Borderless%20North/Third%20Theme_Heininen.pdf
- ²⁸ Обоснование нового атлантизма // <http://www.deutschebotschaft-moskau.ru/ru/bibliothek/internationale-politik/2000-03/article03.html>

Проблемы и сложности развития государств Центральной Азии

Георгий Рудов

Регион Центральной Азии (ЦА) представляет собой сложный этноконфессиональный клубок противоречий, а по степени влияния национальных и религиозных чувств на возможное политическое развитие может быть сравним с Балканами и Кавказом. Обстановка здесь остается сложной (хотя и в тлеющем виде), характеризуется периодическими вспышками деятельности различных экстремистских сил. По оценкам многих специалистов и экспертов, процесс дестабилизации обстановки в регионе носит плановый, скоординированный характер при значительной финансовой поддержке из самых разных западных и мусульманских источников.

Страны Центральной Азии играют свою особую роль для России не только в геополитическом и геостратегическом смыслах, но и в силу сложившихся культурно-исторических отношений, проживанием там все еще большого количества наших соотечественников, наличием в центральноазиатских странах значительных объемов водных ресурсов, а в недрах – запасов углеводородного сырья.

Складывающаяся новая система международных отношений (после событий 11 сентября 2001 г.) с учетом военных действий США и НАТО в Афганистане и Ираке, возможность их прямого присутствия в регионе не уменьшила объема военных угроз и вероятных конфликтов, а только изменила их содержание.

Декларативные заявления США и Запада о начале эры партнерства, «перезагрузке» в международных

отношениях не привели к отказу от применения силы при решении межгосударственных противоречий. С уче-

РУДОВ Георгий Алексеевич — доктор политических наук, профессор, советник Центра СНГ ИАМП Дипломатической академии МИД России. *E-mail: georgi_rudov@mail.ru*

Ключевые слова: новые независимые государства Центральной Азии (ЦА), Россия, Афганистан, США, НАТО, ОДКБ, региональная безопасность, наркотрафик, религиозный экстремизм, углеводородное сырье и водные ресурсы региона, межгосударственные отношения, локальные конфликты.

том концепции и стратегии стран Запада, прежде всего США, под условным названием «Большой Восток» по дестабилизации, сепаратизации и возможному столкновению государств ЦА пристального внимания требуют не только отношения между титульными нациями (казахами, киргизами, узбеками, туркменами, таджиками) и оставшимся русскоязычным населением, но и конфликтность между соседними странами из сопредельных регионов.

В перспективе на территории центральноазиатских государств СНГ возможно возникновение локальных конфликтов с последующим перерастанием в отдельные вооруженные столкновения на почве борьбы за землю, водные и энергетические ресурсы. При этом нельзя исключить активное втягивание в эти процессы России с вложением своих материальных и людских ресурсов.

Стратегическая цель новых независимых государств Центральной Азии – выживание в современных, в том числе военно-политических и экономических, условиях. 2009–2010 гг. во многих отношениях можно считать рубежными и для всех пяти стран Центральной Азии, получивших суверенитет после распада СССР. Воздействие важнейших событий пошедших лет на развитие ситуации в регионе, а также последствия политических и экономических решений, принятых в эти годы, определяют будущее государств ЦА в ближней и среднесрочной перспективе.

Предпосылки возможных конфликтов (в том числе и вооруженных) в этом регионе обусловлены внешними и внутренними факторами.

К числу первых можно отнести:

1. В регионе Центральной Азии сосредоточены национальные интересы многих государств (прежде всего России, КНР, США, ЕС, мусульманского

мира), а их противоречия в значительной степени осложняют общую обстановку.

Центральноазиатский регион обладает серьезными запасами энергосистем и других стратегически важных полезных ископаемых. Центральная Азия находится в центре Евразийского материка и перспективна в развитии трансконтинентальных коммуникаций. Здесь проводится работа по возрождению древнего Шелкового пути в рамках Трансазиатской железнодорожной магистрали (ТРАСЕКА).

2. Дестабилизирующим фактором здесь остается распространение и влияние религиозного экстремизма при содействии Саудовской Аравии, Пакистана, Ирана, Афганистана и Турции (как члена НАТО).

3. Серьезные основания для возможной дестабилизации несут в себе боевые действия США и их союзников в Афганистане и Ираке, постоянно поддерживаемое напряжение вокруг Ирана. В эти проблемы и их последствия прямо или косвенно вовлечены практически все пять государств ЦА.

4. Большой и трудно решаемой проблемой остается наркотрафик из Афганистана. Центральная Азия – это наиболее открытый и удобный путь распространения наркотиков и проникновения их в Россию. Свои дополнительные сложности вносит то, что отсутствует строго контролируемая как внешняя граница СНГ, так и граница между странами-соседями (не выдерживает даже наглухо закрытая граница Узбекистана).

5. Активизация борьбы уйгурских сепаратистов (подогреваемая извне) способна осложнить отношения между Китаем и государствами ЦА, имеющими весьма протяженную общую границу.

Внутренние дестабилизирующие факторы:

1. Диапазон весьма разнообразен: – различная стратегическая ориентация и прямая зависимость стран региона от внешних субсидий;

– несогласованность в вопросах обеспечения внешней политики;

– борьба за региональное лидерство, возможность привлечения сторонников (Казахстан – Узбекистан, Таджикистан – Узбекистан, Юг Киргизии – Узбекистан);

– столкновение национальных, экономических интересов (газ и нефть Каспия, вода и гидроэнергетические ресурсы, земля Ферганской долины) и др.

2. При развитии новых межгосударственных отношений между странами-соседями превалируют политические амбиции правящих элит и их лидеров, часто преследующих узкие националистические интересы. Это породило конкуренцию в стремлении занять более весомое место в международном сообществе (цель – как можно больше получить экономических вливаний и заручиться поддержкой США, стран НАТО), а это привело к прогрессирующей разобщенности стран региона.

3. Серьезные разногласия в межгосударственных взаимоотношениях, способствующих дестабилизации политической и военно-политической обстановки.

Проблема Бухары и Самарканда, возникшая с момента распада СССР, внесла дополнительное напряжение в таджикско-узбекские отношения. По мнению определенной части элиты Таджикистана, эти города, будучи населенными таджиками, несправедливо достались Узбекистану по национально-территориальному делению (1920 г.). Понятно, что в Узбекистане эти взгля-

ды таджиков не встречают понимания, вызывают обвинения соседей в экспансионизме и экстремизме.

Этот конфликт, подогреваемый различными силами, имеет не только историко-территориальную подоплеку, он обусловлен целым комплексом политических и экономических причин. Разрешить эти противоречия вряд ли удастся в обозримой перспективе, а сам конфликт скорее имеет тенденцию к дальнейшей эскалации и вовлечению в него третьих стран, прежде всего России.

4. Основное, что осложняет отношения этих двух стран, – комплекс противоречий в гидроэнергетике, связанных со строительством Рогунской ГЭС.

Для Таджикистана строительство этой гидроэлектростанции является вопросом выживания, ибо своего электричества в зимний период республике не хватает. Дефицит электроэнергии зимой во многом обусловлен особенностями функционирования гидроэлектростанций: в зимний период они не могут работать на полную мощность, так как массовый сброс воды приведет к тому, что расположенные ниже по течению земледельческие территории Узбекистана останутся летом без поливной воды.

Построив же Рогунскую ГЭС, республика, не имеющая промышленных запасов нефти, газа и каменного угля, сможет не только покрывать внутренние потребности в электричестве, но и поставлять его на экспорт в соседние страны, включая Афганистан и Пакистан, получая дополнительные поступления в бюджет.

Для Узбекистана, более трех четвертей населения которого занято в зависимом от поливной воды сельском хозяйстве, дефицит воды может привести к глубокому социально-экономическому кризису.

5. В регионе ЦА сложилась такая ситуация, что две самые маленькие и самые бедные на ископаемые ресурсы республики – Таджикистан и Киргизия – обладают самыми мощными водными запасами, от которых зависят остальные три государства – Узбекистан, Казахстан и Туркменистан. Поэтому Узбекистан, получающий большую часть электроэнергии за счет ее выработки на мощных ТЭЦ, пытается всячески препятствовать строительству новых ГЭС в Киргизии и Таджикистане.

В качестве инструмента давления Узбекистан периодически в осенне-зимний период прекращает поставки газа в Киргизию и Таджикистан, что сразу отражается на работе местных ТЭЦ и влечет за собой увеличение выработки электроэнергии на ГЭС, а следовательно, и дополнительный зимний сброс воды.

По указанию руководства Узбекистан принял решение о выходе из единой энергетической системы Центральной Азии (сентябрь 2009 г.). При этом его выход из единой энергетической системы региона будет означать ее фактическую ликвидацию, поскольку именно в Ташкенте с советских времен находится главный диспетчерский пункт.

Руководством стран – потребителей воды не был услышан и призыв президента Туркмении Г. Бердымухаммедова платить Таджикистану и Киргизии денежную компенсацию за сохранение нынешних объемов сброса воды в зимнее время. Против признания воды товаром категорически выступает Узбекистан, рассматривающий ее как общее достояние государств региона.

Более того, Узбекистан (как транзитная страна) даже идет по пути транспортной изоляции, задерживая сотни эшелонов со строительными грузами для Таджикистана.

Эта и подобные проблемы могут привести к прямому противостоянию

(вплоть до горячего) между двумя республиками. Ибо от планов возведения Рогунской ГЭС Таджикистан теперь уже не откажется. Как не откажется и от строительства каскада Камбаратинских ГЭС и Киргизия. Это теперь только дело времени и появления инвесторов.

Как следствие, Россия, тесно связанная со всеми участниками водного конфликта, может быть вовлечена в сложную региональную интригу, в которой ей обязательно придется искать труднодостижимый компромисс.

6. Демографические проблемы: высокий уровень рождаемости и большая плотность населения, особенно в местах компактного проживания представителей одной национальности.

По последним данным, численность населения в Центральной Азии превысила 50 млн чел., а основная его масса проживает в Ферганской долине, южных районах Казахстана и Киргизии. При этом именно здесь отмечается высокая нехватка жизнеобеспечивающих ресурсов, прежде всего свободной земли и воды.

По оценкам специалистов, именно здесь приходится на душу населения менее чем по 0,2 га земли и только 6,1 куб. м воды в год, то есть водообеспеченность населения почти в 5 раз ниже, чем в России.

Стоит подчеркнуть, что именно эти проблемы остаются серьезными вызовами стабильности как межгосударственных, так и межнациональных отношений на региональном и внутригосударственном уровнях. Если XIX в. был временем «золотого тельца», XX в. – периодом острой борьбы за нефть и газ, то наступившее XIX столетие становится этапом выживания человечества на пути получения доступа к водным ресурсам. И на этом фоне мировой борьбы за выживание страны Центральной Азии занимают свое особое место.

Существующие причины и источники возникновения конфликтов находятся в тесной взаимосвязи между собой. Напряженность в одной сфере безопасности неизменно дестабилизирует другие. После событий 11 сентября 2001 г. и прихода США в регион ЦА (Киргизия, Узбекистан, Таджикистан) для проведения антитеррористической операции в Афганистане активизация внешней политики России в регионе встречает пока пассивное, но постепенно возрастающее противодействие со стороны местных элит. На сегодня ЦА похожа на лоскутное одеяло, сотканное из множества противоречий. Внутренняя и внешняя стабильность этого региона во многом будет зависеть от того, насколько удастся отрегулировать территориальное размежевание, вызывающее постоянную напряженность в межэтнических и, соответственно, межгосударственных отношениях.

По оценкам экспертов, в Центральной Азии существует около десятка потенциально опасных конфликтных очагов с так называемым «этническим компонентом».

На рассматриваемый период основные взрывоопасные зоны сосредоточены в Ферганской долине, Ходжентской области и трех южных областях Киргизии.

Не менее сложная ситуация складывается и в спорных территориях южных районов Казахстана, граничащих с Ташкентской, Сырдарьинской, Кашкадарьинской и Каракалпакской областями Узбекистана.

Эти вопросы в свете перспектив развития событий по афганскому урегулированию приобретают новое измерение.

Открытие южных транспортных коридоров и функционирование «Северной сети доставки» усиливают возможности регионального влияния Узбекистана за счет расширения связей

с узбекским населением на севере Афганистана. Напряженность вокруг этнических анклавов и комплекс социально-экономических противоречий, отмеченный исламизмом, в центральных районах Ферганской долины останутся в обозримом будущем источником повышенной опасности.

Помимо усиления позиций Узбекистана в регионе, афганские перспективы обуславливают и другие сдвиги в соотношении центральноазиатских политических сил.

Реальное вовлечение всех стран ЦА в международные проекты на афганской территории создают дополнительные стимулы для консолидации этнополитической элиты южных сегментов их титульного населения. На практике рост значимости южного азимута международного сотрудничества стран ЦА не снимает с региональной повестки дня межэтнические и пограничные противоречия. Они будут сохраняться в среднесрочной перспективе, тем более что реальный этнополитический баланс афганской государственности, в том числе на сопредельных с Центральной Азией территориях, пока еще не установлен и плохо просматривается на перспективу.

Следует иметь в виду, что открытие «Северной сети поставок», предназначенной для снабжения военного контингента НАТО в Афганистане, затрагивает интересы сразу нескольких стран региона, в том числе и непосредственно России.

Основной маршрут сети проходит по территории России, Казахстана и Узбекистана.

Возможности Киргизии и Таджикистана, также располагающих выгодным географическим положением, будут использоваться в меньшей мере. Однако именно в этих республиках ос-

таются и очень активно функционируют по обеспечению переброски как военных, так и миротворческих грузов известные авиабазы США и антитеррористической коалиции в аэропортах «Манас» (Киргизия) и Душанбе.

Более того, как резервные задействованы аэродромные площадки и инфраструктура аэропортов в Алма-Ате, Ханабаде и даже в нейтральном Туркменистане.

Переориентация военных поставок на север была вызвана тем, что южный маршрут, проходящий по территории Пакистана, становится все более опасным.

Северная часть стала реально действовать летом 2009 г., причем объемы перевозок по ней постоянно растут и достигают весьма внушительных размеров, особенно ввиду увеличения численности воинского контингента США на 30 тыс. чел. Вполне очевидно, что повышение транзитной роли стран ЦА увеличивает риски, связанные с реальным распространением на их территории возможных вооруженных конфликтов.

Нормализация отношений Узбекистана с США и ЕС, наметившаяся еще в 2008 г., в течение 2009–2010 гг. обрела более реальные формы.

В конце 2008 г. Узбекистан заявил о приостановлении своего членства в ЕврАзЭС, мотивировав это неэффективностью организации и дублированием ею функций Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В июне 2009 г. республика отказалась подписывать соглашения о создании Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР), заявив, что будет участвовать лишь в тех операциях, которые представляют для нее интерес. В ответ ЕС снял с Узбекистана последние санкции (на поставку оружия), наложенные на республику после подавления андижанского мятежа (май

2005 г.). Главной составляющей нормализации этих отношений можно считать заинтересованность Запада в использовании транспортно-коммуникационных возможностей Узбекистана для снабжения войск натовской коалиции в Афганистане.

Со своей стороны Россия неоднократно заявляла о поддержке усилий международной коалиции, проводящей антитеррористическую операцию в Афганистане, подчеркивая при этом, что успех в этой борьбе, несомненно, отвечает и ее национальным интересам. Отвечая на обращение НАТО, Россия согласилась на упрощение порядка транзита грузов невоенного характера через свою территорию. Аналогичное согласие на транзит грузов Международные силы содействия безопасности (МССБ) получили и от ряда центральноазиатских стран, являющихся членами ОДКБ.

Такое решение вполне объяснимо, ибо сотрудничество этих стран с НАТО по названным направлениям отвечает и их интересам. Ведь победа талибов в Афганистане будет иметь катастрофические последствия для всего региона. Результатом может стать совсем даже не «оранжевая», а «зеленая» революция под знаменем ислама, которая способна привести к насильственной смене ныне существующих светских режимов в ЦА радикально-исламскими.

Помимо транзита грузов в Афганистан возможны и другие виды сотрудничества по афганской проблеме между Россией, странами ЦА – членами ОДКБ, с одной стороны, и США/НАТО – с другой.

Так, речь может идти о расширении совместной борьбы против наркоугрозы или о восстановлении экономики Афганистана. Россия и страны региона могли бы также активизировать свое участие в политическом урегулировании афганской проблемы, приняв

участие в поисках действенной формулы по формированию национального правительства Афганистана с учетом всего спектра этнических и религиозных проблем, а также существующих общественно-политических сил страны.

Динамика сотрудничества между странами – членами СНГ по вопросам национальной безопасности свидетельствует о том, что на этом пути достигнут определенный прогресс.

Сформировалась группа государств в составе России, Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, которые, несмотря на многочисленные трудности развития, достаточно последовательно выступают за взаимодействие в вопросах обеспечения коллективной национальной безопасности совместными средствами.

Важным результатом их усилий на этом направлении является ОДКБ, деятельность которой направлена на противостояние различным видам угроз региональной и международной безопасности. Вместе с тем представляется, что эволюция ОДКБ как в организационном отношении, так и, что особенно важно, в определении основного вектора развития и степени эффективности ее деятельности, еще далеко не завершена. Ход и масштабы этой эволюции будут испытывать на себе влияние не только внешних факторов, связанных с различными угрозами безопасности военного и невоенного характера, но и внутренних, обусловленных сохраняющимися противоречиями между самими членами ОДКБ.

Стоит обратить внимание на тот факт, что одновременно с выстраиванием системы коллективной безопасности в рамках этого Договора менялись и сами представления о безопасности. В Центральной Азии, где находится большинство членов ОДКБ, основные

угрозы региональной безопасности приходится увязывать, наряду с военной составляющей, с укреплением многостороннего фактора по борьбе с терроризмом, незаконными поставками оружия и отмыванием денег, политическим и религиозным экстремизмом, наркотрафиком, борьбой с нелегальной миграцией, формированием согласованной визовой политики и единого миграционного пространства.

На этом весьма сложном фоне весьма важно установить и укрепить отношения членов ОДКБ с другими региональными организациями, цели и задачи которых тесно переплетаются. К числу таковых, прежде всего, следует отнести Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС).

Усиление взаимодействия между этими организациями может стать критически важным для эффективной борьбы с проникновением наркотиков, берущим начало на территории Афганистана и представляющим угрозу не только сопредельным странам, но и другим государствам Европы, Азии и Северной Америки. Укрепление сотрудничества между этими организациями представляется вполне естественным как в связи с идентичностью стоящих перед ними вызовов, так и по причине существенного совпадения их составов.

Вполне очевидно, что Афганистан является важным транзитным коридором для энергоресурсов Центральной Азии, который может соединить богатые нефтегазовыми ресурсами страны Прикаспийской зоны с Аравийским морем и/или Индийским океаном.

Стабилизация в Афганистане не временная, чтобы оправдать вывод войск НАТО, а постоянная, крайне важна для прокладки трансафганского трубопровода из Туркменистана в Индию и для обеспечения его гарантирован-

ной эксплуатации. Поэтому к этому региону такое повышенное внимание всех заинтересованных участников. Известно, что есть два реальных плана по строительству трубопроводов, которые должны пройти именно здесь. Один из них – уже названный по маршруту Туркменистан – Афганистан и второй – Иран – Пакистан – Индия. Правда, против последнего категорически выступают США из-за участия Ирана.

Ситуация в ЦА развивается так быстро, что заставляет в любые версии вносить существенные коррективы.

По оценке западных экспертов, после того как 14 декабря 2009 г. главы государств Китая, Туркменистана, Узбекистана и Казахстана с благословения России открыли клапан нового газопровода из Туркмении в Китай, «Запад проиграл 20-летнюю „Великую игру“ за природные ресурсы и влияние в Центральной Азии». Считается, что теперь Россия и Китай будут поддерживать абсолютный баланс рычагов в регионе.

По оценке китайских специалистов, ход войны в Афганистане и Пакистане, наращивание афганской группировки США и НАТО и взятие под контроль Центральной Азии американцами явилось не чем иным, как «ударом острого ножа в мягкое и слабое подбрюшье России». Главная цель проникновения США в страны Центральной Азии – взятие этих государств под свой военный контроль для создания «санитарного кордона» по периметру России, а также осуществление контроля за Каспийским бассейном и транспортными коммуникациями, идущих по их территории, для ослабления экономического положения России и ее влияния.

По оценкам многих экспертов, введение в строй 6 января 2010 г. трубопровода, соединяющего прикаспийскую часть Ирана с огромным месторождением в Туркменистане, наносит

мощный удар по энергетической концепции США на Большом Ближнем Востоке. Одновременно это удар и по политике США в отношении Ирана.

Открытие международного газопровода по маршруту Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай является прямым свидетельством усиления экономических и политических позиций КНР в Центральной Азии.

Как известно, на проектную мощность в 40 млрд куб. м газа в год трубопровод должен выйти к 2013 г. Однако он уже теперь прочно связывает газотранспортные системы Туркменистана, Казахстана, Узбекистана не только с Россией, но и с Китаем, который становится вторым по значимости партнером государств региона в ключевой для них нефтегазовой сфере. А Россия на этом азимуте может потерять свой статус практически эксклюзивного покупателя центральноазиатского газа.

На фоне происходящей борьбы за нефтегазовые ресурсы Каспия и пути их транспортировки США со своими союзниками, не желая быть вытесненными с поля борьбы, ведут активную деятельность по проникновению и закреплению во всех других уголках ЦА, которые непосредственно соприкасаются с Китаем. США делают все возможное для своего закрепления вблизи китайских границ. Активным полем деятельности для этого выбраны небольшие по размерам и слабые экономически Таджикистан и Киргизия.

Так, на состоявшихся в начале февраля 2010 г. двусторонних политических консультаций между Таджикистаном и США были рассмотрены четыре блока вопросов:

- политико-экономическая ситуация в регионе;
- реализация водноэнергетических, транспортных проектов;
- ситуация в Афганистане.

Власти Таджикистана готовы предложить США инвестиционное участие в различных отраслях экономики своей страны, прежде всего в энергетике.

По заявлению министра иностранных дел Таджикистана, его страна намерена предложить американской стороне строительство железнодорожной ветки Туркмения – Афганистан (г. Мазари-Шариф) – Таджикистан, газопровода по данному маршруту, а также ускорение строительства ЛЭП CASA-1000, которая могла бы соединить электрические сети Киргизии, Таджикистана, Афганистана и Пакистана.

Обращает на себя внимание тот факт, что в рамках подготовки визита президента Э. Рахмона в Вашингтон, предвещающая консультации, состоялись его переговоры в Таджикистане с американскими бизнесменами, дипломатами, членами Торговой палаты США, где были обсуждены проблемы, связанные с:

- водопользованием региона;
- строительством Рогунской ГЭС;
- защитой американских инвестиций;
- юридическим сопровождением деятельности американских компаний в Таджикистане.

По оценкам экспертов, происходит плавный, но заметный поворот Таджикистана в сторону США. Стране нужны электричество и деньги, и руководство, разочаровавшись в практических шагах со стороны России и возможных других инвесторов, смотрит в ту сторону, откуда могут прийти реальные средства. Сегодня это США и Китай, так как даже Евросоюз дает только небольшие кредиты и гранты. Да и Китай работает в регионе, ориентируясь только на собственную экономическую выгоду, на скорую отдачу своих инвестиций. А США работают в Центральной Азии совсем по другой схеме: они выделяют солидные гранты на развитие институтов гражданского общества, про-

ведение реформы структур самоуправления, а также политикам, функционерам на «общественную деятельность». Таджикистан получает средства под формулой «на охрану и оснащение границы, на борьбу с наркотрафиком».

Но, как показывает жизнь, эти средства идут на «подкормку чиновников», чтобы они содействовали продвижению проектов, выгодных США. Да и просто чтобы иметь «преданных себе» людей на важных направлениях внутренней и внешней политики. Идет подбор и расстановка «своих кадров» на всех важнейших участках.

Подобная ситуация наблюдается практически во всех странах Центральной Азии.

Такие действия призваны резко повысить спрос на предоставляемые со стороны США «услуги безопасности» в ЦА. Есть основания сказать о серьезном усилении влияния США в регионе ЦА, что создает предпосылки для экспорта нестабильности и в самый близкий нам Казахстан и далее – в Сибирский регион России. Очевидно, что, пока российская граница со стороны Центральной Азии будет защищена, Россия может чувствовать себя в достаточной безопасности. Поэтому Казахстан, имеющий с нами границу протяженностью свыше 7,5 тыс. км, является ключевым, геостратегическим партнером для России. Без дружественного Казахстана России сложно обеспечивать безопасность Сибири, защищенность собственных южных границ, своих инфраструктурных транспортных артерий (Транссиба, магистральных трубопроводов, минеральных ресурсов региона и т. д.).

От уровня российско-казахстанских отношений во многом зависят экономическая составляющая, политическая стабильность и даже территориальная целостность во всем Центрально-Азиатском регионе.

«Странная война» на Западе 1939–1940 гг.: военная катастрофа или ход в «Большой игре»? *

Владимир Литвиненко

На Западном фронте без перемен

Период военных действий Великобритании и Франции против Германии с 3 сентября 1939 г. по 10 мая 1940 г. известен в литературе как «Странная война» 1939–1940 гг.

После начала германо-польской войны 1939 г. Великобритания и Франция, связанные с Польшей союзническими обязательствами, 3 сентября объявили войну Германии.

На франко-германской границе против 40 французских полностью укомплектованных дивизий находилось 17 немецких дивизий неполного состава. Всего же на Западном фронте англо-французским войскам (78 дивизий, около 17,5 тыс. орудий и минометов, около 2 тыс. танков, 3 тыс. самолетов) противостояло

33 пехотных дивизии, около 800 боевых самолетов Германии. По орудиям и танкам превосходство союзников было подавляющим¹.

Превосходство на море также было подавляющим.

Тем не менее никаких действий, заслуживающих сколько-нибудь серьезного внимания, на Европейском театре военных действий не происходило. Американцы называли ее призрачной или мнимой войной, а немцы – сидячей.

Нельзя, однако, сказать, что союзники вовсе ничего не предпринимали. 4 сентября, после воздушной разведки, был совершен рейд 29 английских

ЛИТВИНЕНКО Владимир Аркадьевич — кандидат философских наук, научный сотрудник Института военной истории Академии Генерального штаба ВС РФ. E-mail: vladlitvine@mail.ru

Ключевые слова: Вторая мировая война, нацистская Германия, фашизм, Польская кампания, Французская кампания, «Большая игра», мировое господство, «дуга нестабильности», внетерриториальное государство.

* Окончание. Начало см. «Обозреватель–Observer», 2011. № 3.

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного фонда. Проект № 11-01-00363а

бомбардировщиков в район Киля, где стояло на якоре несколько немецких кораблей. В результате налета легкий крейсер «Эмден» был поврежден и на несколько дней выбыл из строя. Англичане потеряли семь самолетов².

«...9 сентября 10 французских дивизий начали наступление в районе Саарбрюккена. Противник без боя отошел на основные позиции „линии Зигфрида“. Продвинувшись на 8–18 км вглубь немецкой территории, французские войска остановились по приказу своего командования. В октябре 1939 г. они без боя возвратились на свои позиции»¹.

Кроме того, английская авиация регулярно совершала «рейды правды», как называл эту акцию министр авиации Кингсли Вуд. Суть акции сводилась к тому, что на германские города вместо бомб сыпались миллионами экземпляров «Письма к немецкому народу». Когда некоторые депутаты британского парламента потребовали более решительных действий (лейборист Хью Дальтон предложил забросать зажигательными бомбами Шварцвальд, дабы немцы ощутили «запах войны» на своей территории), то министр авиации заявил, что «...сожжение Шварцвальда противоречило бы Гаагской конвенции»². Когда же этот призыв был поддержан другим членом парламента (Лео Эмери потребовал быстрых действий до того, как лес намокнет под осенними дождями), Кингсли Вуд ответил: «О, что вы, этого делать нельзя, это частная собственность. Вы от меня еще потребуете затем бомбить Рур»². Ну как здесь не вспомнить беседу барона де Роппа с А. Розенбергом³.

Кое-что предпринимала и Германия.

3 сентября 1939 г. немецкая подводная лодка U-30 атаковала и торпедировала пассажирский лайнер «Атения», шедший из Англии в Канаду. 17 сентября немецкая подводная лодка

торпедировала английский авианосец «Карейджес» у берегов Ирландии. 27 сентября адмирал Редер приказал «карманным линкорам» «Дойчланд» и «Граф Шпее» покинуть район укрытий и атаковать английские суда. К середине октября на их счету уже было семь английских торговых судов и захваченное в качестве приза американское судно «Сити оф Флинт».

В ночь на 14 октября немецкая подводная лодка U-47, преодолев минные заграждения, проникла на базу Скапа-Флоу и потопила английский линкор «Роял Оук»².

В принципе это все. Если не считать вялотекущий «обмен любезностями» на морских коммуникациях и регулярное снабжение жителей немецких городов туалетной бумагой, ничего заслуживающего внимания больше не происходило.

Тем временем с Польшей было покончено. Воцарилось тревожное затишье. Многие увидели в этом некоторые перспективы мира. Но в своем очередном обзоре военного положения в палате общин 3 октября 1939 г. Н. Чемберлен занял твердую позицию по отношению к Германии, окончательно похоронив любые надежды на какое бы то ни было урегулирование. При этом на фронте была тишина, что позволило Германии разобраться с Данией и Норвегией и всецело сосредоточиться на подготовке действий против Франции.

Впрочем, было еще одно незначительное событие, совершенно затерявшееся на фоне других, более внушительных и грозных. Это записка главнокомандующего объединенными сухопутными силами Франции и Великобритании генерала М. Гамелена председателю Совета министров Франции П. Рейно (22 марта 1940 г.).

В записке одного официального лица другому официальному лицу говорится о планах нанесения ударов по русским нефтяным районам на Кавка-

зе. Цель данной акции – лишить Россию сырья, необходимого для ее экономики, и тем самым поколебать мощь Советского государства. Одновременно с этим наносится удар по Германии, так как прекращается ее снабжение русским горючим.

Далее в записке говорится, что лишение Германии русской нефти – задача второстепенная из-за незначительности поставок по сравнению с объемом всей нефти, потребляемой Третьим рейхом. Напротив, действия, направленные на уничтожение русской нефтедобывающей промышленности, представляют большой интерес для союзников, так как позволяют нанести чувствительный, если не решающий, удар по советской экономике и военной мощи⁴.

Сам факт записки главнокомандующего председателю Совмина Франции говорит о том, что речь идет не о гипотезе, а об отработанном плане военных действий. Реализован этот план не был, хотя с политической точки зрения, пожалуй, был безупречен. Да и с военной неплох. Причины, надо полагать, были весьма существенны.

Одна из них лежит буквально на поверхности – окончание Советско-финляндской войны (30 ноября 1939 г. – 12 марта 1940 г.) в пользу СССР, под которую данный план и был составлен. Ну не успели, хотя переброска англо-французских войск к нашим южным границам началась практически сразу с началом военных действий на Карельском перешейке.

Из беседы военного атташе нашего посольства в Германии комкора

М. А. Пуркаева (в дальнейшем видного советского военачальника, генерала армии) с военным атташе Турции майором генерального штаба Ками Акманом (2 февраля 1940 г.) видно, что военные приготовления Великобритании и Франции против СССР вовсе не вымысел.

В беседе был затронут вопрос о передвижении генерала М. Вейгана*, на что майор Акман ответил: «Писали, якобы, Вейган из Анкары направился на Кавказ, но это неправда. Он из Анкары выехал в Сирию, где, как пишут газеты, создается армия для наступления на Советский Кавказ»⁵.

Кстати, то, что сосредоточение англо-французских войск происходило именно у южных границ СССР, а не у северных, говорит о том, что союзники были мало озабочены судьбой Финляндии. Опять же это направление идеально вписывалось в контекст «Большой игры» в ее классическом выражении. Появился шанс проучить много возмнившее о себе советское руководство. Да и Красная армия оказалась не такой уж и грозной, как это многим показалось после Хасана и Халхин-Гола. Наказать Сталина, решив заодно свои проблемы на Кавказе, и не только – отличная мысль.

Справедливости ради следует отметить, что северное направление тоже отрабатывалось. Великобритания и Франция какое-то время обдумывали вопрос о военном вторжении в Скандинавию, но подходили к нему союзники с разных позиций. Французы хотели открыть второй фронт в Скандинавии и отвести войну по-

* Вейган Максим (1867–1965) – французский генерал в отставке, с октября 1939 г. главнокомандующий французскими войсками на Ближнем Востоке. С мая 1940 г. после поражения союзников у Дюнкерка вступил в командование французскими войсками, сменив на этом посту генерала Гамелена.

дальше от своих границ. Англичане были заинтересованы в том, чтобы перекрыть доступ Германии к шведской железной руде. Для этого было достаточно захватить ключевые порты на побережье Норвегии, прежде всего Нарвик, а затем взять под контроль железную дорогу от Нарвика к месту добычи руды⁶. Призыв Лиги Наций ко всем участникам организации оказывать помощь Финляндии был идеальным юридическим прикрытием для нарушения нейтралитета Скандинавских стран.

Однако сами Скандинавские страны энтузиазма по поводу англо-французского плана не выразили. В Финляндии прекрасно понимали, что это является лишь поводом для начала чужой игры, в которой интересы самой Финляндии вряд ли будут учтены. Предлагавшаяся помощь была весьма скромной – не более 20 тыс. солдат

и офицеров, да и то не сразу. Пожертвовать, скорее всего, пришлось бы многим, если не всем.

Швеция и Норвегия прямо заявили, что не разрешат проход союзных войск через свои территории. Шведы, кроме того, добавили, что, если же союзники попытаются добиться прохода своих войск через шведскую территорию силой, им будет оказано сопротивление и тогда «Швеция окажется в войне на стороне русских против Финляндии»⁶.

В этих условиях правительству Финляндии не оставалось ничего другого, как принять предложения СССР. 12 марта 1940 г. конфликт был исчерпан.

Предположим, что англо-французский план, утвержденный Верховным советом союзников 5 февраля 1940 г., удался. Что дала бы его реализация заинтересованным сторонам?

Реконструкция. Согласно утвержденному плану две англо-французские бригады захватили Нарвик, взяли под контроль железную дорогу на Лулео, оккупировали Тронхейм и Берген, затем перебросили дополнительные силы и развернули фронт в Южной Швеции против Германии. Кроме того, 20-тысячный контингент перебросен в Финляндию.

И что? Это никак не повлияло бы на планы руководства Третьего рейха. По-видимому, сами планы кампании были бы скорректированы, изменены направления главных ударов, очередность выполнения поставленных задач, возможно, дата ее начала. Но сама кампания состоялась бы в любом случае. И, скорее всего, с тем же результатом.

С другой стороны, осуществление данного плана не могло серьезно осложнить положение СССР. Война с Финляндией неизбежно затянулась бы на некоторое время, и ее пришлось бы вести до «логического завершения». При этом сама Финляндия была бы гарантированно разгромлена.

Ступор руководства РККА, вызванный первыми неудачами кампании, к этому времени уже прошел. Возможное военное столкновение союзников с частями Красной армии не сулило им ничего хорошего, но серьезно осложнило бы обстановку в регионе. Частный военный конфликт на фоне разгорающейся мировой войны вполне мог стать ее частью.

Однако у СССР не было в Финляндии интересов помимо заявленных. Так что, получив желаемое с согласия Финляндии или без такового, мы бы просто отошли в сторону. Дальнейшая эскалация конфликта в этом случае могла быть инициирована исключительно усилиями союзников, что маловероятно даже при самой живой фантазии.

Поведение Германии в этом случае предугадать не сложно. В конце веки Гитлеру предоставлялась реальная возможность сыграть роль миротворца. С нами – пакт о ненападении, с Англией и Францией – война, объявленная ими же. Вермахт, естественно, ударил бы по англо-французским войскам и разделил бы с СССР новые территории и сферы интересов. Заодно выступил при этом в роли миротворца. (А. Гитлер не раз подчеркивал, что Германии крайне выгоден нейтралитет Скандинавских стран, и это была почти правда.)

Обвинить СССР в том, что он выступил против англо-французских войск на стороне Германии, было бы крайне проблематично. Во-первых, все знали бы, что это не так. Во-вторых, обвинять, собственно говоря, было некому. Мнение Лиги Наций к тому моменту уже никого не интересовало. Этот наднациональный орган власти тихо умирал. У СССР, как уже было сказано, интересы в Финляндии, кроме тех, что были заявлены ранее, не было.

Так что «головная боль», связанная с умиротворением враждебно настроенного населения, нам не грозила. Побудить шведов к вооруженному сопротивлению против англо-французских захватчиков, коль скоро те сами были к этому готовы, было бы не сложно.

Таким образом, и мы, и Германия в любом случае получали то, что нам было нужно. Великобритания при этом не теряла практически ничего, кроме престижа. А вот положение Франции, и это, пожалуй, самое любопытное в данной ситуации, становилось катастрофическим. В глазах всех нейтральных европейских стран именно она и Великобритания стала бы агрессором. Соединенное королевство на время самоустраняется от европейских дел. А Франции куда деваться? Германия, выступив в роли миротворца (такой шанс они бы не упустили), гарантировал европейским странам нейтралитет, «вероломно» нарушенный Францией, бесплатно получила бы то, за что готова была серьезно заплатить (и заплатила в итоге).

СССР, решив свои проблемы в Финляндии, продолжал бы заниматься своими делами. Маловероятно, что, получив трепку на севере (а они бы ее получили), союзники решились бы на военную акцию на юге (то есть пресловутые бомбардировки нефтяных комплексов Баку и Кавказа). При этом Франция оставалась один на один с Германией при враждебно настроенной Северной Европе и СССР. Великолепная комбинация. Однако не вышло.

Можно еще предположить, что в случае нанесения удара немецкими войсками союзники начали бы наступление на главном направлении, то есть в направлении Саарбрюккена и далее, на Рур. Но в этом случае война в Европе развернулась бы нештучная, а это никак не входило в планы союзников, по крайней мере, Великобритании.

В данной ситуации уместно задать вопрос: а против кого, собственно говоря, был план? Против Франции? Этот ответ буквально напрашивается. Но если так, тогда многое из того, что составляет понятие «Странная война», становится практически очевидным. Не вышло так, значит, нужно действовать иначе. Ведь

полноценный Рейх не мог состояться при «живой» Франции. А Рейх был нужен!

Однако вернемся к реальности. 10 мая 1940 г. «Странная война» завершена. Германия начала наступление на Западном театре военных действий. Но удивительное на этом не закончилось.

Французская кампания 1940 года

Другая война началась 10 мая 1940 г., вошедшая во все энциклопедии и справочные издания как Французская кампания 1940 г. Германский вермахт перешел к активным военным действиям на Западном фронте. Но странности продолжались.

В сводке Пятого управления РККА о событиях на Западе от 20 мая 1940 г., кроме всего прочего, говорится, что «численность французских войск в Сирии доведена до 200 тыс. чел. Продолжают поступать танки, легкие пушки, лошади, автомобили».

«...По агентурным данным, полученным из Парижа и заслуживающим внимания, коллективом экспертов союзников произведены все технические расчеты для налетов авиации союзников на Баку, Грозный и Батум. Кроме того, французским правительством якобы принимаются необходимые меры для подготовки операций против советского Закавказья»⁷.

Это первая странность, которая просто бросается в глаза. Использовать Советско-финляндскую войну для осуществления своих давних планов – это одно. Это понятно. Но в период с 10 по 20 мая 1940 г. французскому правительству и армии было чем заняться и без нашего Закавказья. Да и у англичан дел хватало. Не нужно было быть гениальным политиком и провидцем, чтобы понять: шутки на Западном фронте закончились и 200 тыс. французских солдат, дислоцированных

в Сирии, были бы отнюдь не лишними на Европейском ТВД. С учетом британского контингента, дислоцированного в Египте, это почти полмиллиона. Но они в Европе так и не появились. Разумеется, британские войска все же сражались с Роммелем, но это было потом.

Тем временем ситуация развивалась как на маневрах. В различных энциклопедических изданиях события, происходившие в данный отрезок времени, описаны довольно точно, хотя и скупо. Просто констатация набора вполне очевидных и само собой разумеющихся фактов. Однако ничего из того, что происходило на Западном направлении, ни очевидным, ни само собой разумеющимся назвать нельзя при всем желании.

Неполного состава группировка германских войск из 33 пехотных дивизий ландштурма на западной границе в кратчайшие сроки достигла 136 дивизий (в том числе 10 танковых и 7 моторизованных), свыше 2,5 тыс. танков, более 7,3 тыс. орудий и минометов, свыше 3,8 тыс. самолетов⁸. Причем наращивание группировки происходило практически в условиях непосредственного соприкосновения с противником. А противник (то есть Великобритания и Франция) продолжал наращивать группировки в Египте и Сирии.

Впрочем, имея против Германии 147 дивизий (в том числе 23 танковых, механизированных и моторизован-

ных), что составляло около 3,1 тыс. танков, свыше 14,5 тыс. орудий и минометов, около 3,8 тыс. самолетов⁸, можно было особо не беспокоиться. Краткая хроника событий говорит о том, что никто и не беспокоился.

14 мая капитулировала нидерландская армия. 20 мая немецкие танковые соединения вышли к Ла-Маншу. 28 мая капитулировала бельгийская армия. 4 июня завершилась эвакуация остатков англо-франко-бельгийских войск, окруженных у Дюнкерка, на Британские острова. При этом все тяжелое вооружение было оставлено на побережье. Операция «Гельб» завершена.

5 июня, после перегруппировки (то есть с 20 мая германские войска спокойно наблюдали за эвакуацией противника и занимались своими делами), начинается операция «Рот» (124 пехотные дивизии, 10 танковых и 6 моторизованных дивизий против 71 ослабленной французской и 2 английских дивизий)⁸.

10 июня французское правительство бежало из Парижа. 14 июня Париж сдается без боя. 17 июня новый глава французского правительства маршал А. Петен обратился к немецкому командованию с просьбой о перемирии. 22 июня 1940 г. было подписано второе Компьенское перемирие. Тот самый лес, тот самый вагончик маршала Фоша... Как говорится, *по comment*. Тем не менее комментарии необходимы.

Комментарий первый. Согласно энциклопедическим данным, «в ходе кампании французская армия потеряла 84 тыс. чел. убитыми и свыше 1,5 млн чел. пленными.

Потери немецких войск: 27 тыс. чел. убитыми, свыше 111 тыс. чел. ранеными и более 18 тыс. чел. пропавшими без вести»⁸.

Несмотря на любые, самые гуманные конвенции, существуют фазы боя,

в принципе не предполагающие взятие противника в плен. И не потому, что одна из сторон вооруженного столкновения столь жестока и негуманна. Просто это невозможно в силу самой природы боя как такового.

Те из солдат, кому «посчастливится» столкнуться с противником в начальной фазе боя (огневое соприкосновение) или в средней фазе (атака, непосредственное соприкосновение) при отсутствии известной доли везения, будут либо гарантированно убиты, либо не доживут до момента оказания медицинской помощи, что, по сути, одно и то же. На плен могут рассчитывать только те, кто все-таки доживут до заветной помощи либо вступят в соприкосновение с противником в момент завершения им выполнения ближайшей задачи, то есть прорыва обороны на тактическую глубину. Это в любой армии мира около 12 км.

Попасть (или сдаться) в плен можно на 10–12-м км атаки, не ранее. Раньше наступающей стороне просто не до пленных. Если оборона эшелонирована на оперативную глубину, это расстояние увеличивается примерно до 50 км. Накал борьбы возрастает. Соответственно растут и потери с обеих сторон. Причем потери наступающей стороны, по статистике, вдвое превышают потери стороны обороняющейся. В среднем, разумеется. Бывает и больше. Бывает и меньше. Но в целом цифры всегда сопоставимы масштабу военных действий. Масштаб кампании на Западном фронте был грандиозным.

О чем говорит статистика? По её данным, есть все основания предположить, что англо-французские войска вообще не оказывали сопротивления германскому вермахту. Никакого. То есть погибли лишь те, кому «не повезло», плюс те немногие, кто действительно пытался сделать хоть что-нибудь.

Впрочем, обвинять одну лишь Францию было бы не совсем корректно. Точно такая же статистика наблюдается практически везде в Западной Европе. Разнятся только абсолютные цифры, но не тенденция.

Комментарий второй. Нельзя не обратить внимания на удивительно мягкие условия мира, предложенные А. Гитлером поверженной Франции. Ни полного разоружения, ни капитуляции флота, с сохранением атрибутов государственности (правительство, полиция, местное самоуправление и т. д.), полная самостоятельность в колониях и многое другое, что никак не укладывается в привычный, описанный в многочисленных исследованиях образ Третьего рейха.

«Фюрер хотел разоружить Францию насколько возможно, но был против любых условий, особенно капитуляции военно-морского флота, которые не могли быть реализованы в тот момент; он хотел получить от Франции все, что было возможно, но не унижать ее...»⁹.

Прямо-таки трогательная забота о чувстве собственного достоинства побежденного противника.

Сегодня «период оккупации во Франции предпочитают вспоминать, как героическое время – Шарль де Голль, Соппротивление... Однако беспристрастные кадры фотохроники свидетельствуют, что все было не совсем так, как рассказывают ветераны и пишут в учебниках истории»¹⁰.

Не так давно в Парижской исторической библиотеке проходила выставка французского фотографа Андре Зукка «Париж под оккупацией» (или «Французы под оккупацией»).

На выставке было показано более 250 цветных фотографий, сделанных между 1941 и 1944 гг. Фотографии показывают, как парижане наслаждались жизнью на берегах Сены, в кафе и городских парках, на залитых солнцем Елисейских Полях.

Парижские модницы щеголяют в новых шляпках, обнимаются влюбленные, дети катаются на роликовых коньках, люди ездят на велосипедах, кормят слона в городском зоопарке... Нацистские офицеры гуляют вместе с горожанами. Только на двух снимках можно увидеть евреев с обязательными желтыми звездами Давида.

Картина просто идиллическая, общее впечатление мирной и совсем не такой уж несчастной жизни, которую вовсе не омрачают красные флаги с черной свастикой.

Выставка вызвала грандиозный скандал: слишком разительным оказался контраст между героической легендой и правдой. Мэрия французской столицы запретила ее показ в Париже. Кристоф Жерар, член городского совета и глава департамента культуры, сказал журналистам, что выставка «непереносима»¹¹.

Впрочем, случались и эксцессы. Правда, это относится уже к концу войны: 10 июня 1944 г., через четверо суток после высадки союзных войск в Нормандии, подразделение дивизии СС «Рейх», незадолго до этого переброшенной с Восточного фронта, уничтожило французский поселок Орадурсюр-Глан вместе со всеми жителями. Западные историки до сих пор спорят о причинах этой жуткой расправы.

Однако общая тенденция, и это касалось большинства стран Старого Света, оставалась неизменной: оккупационный режим в них был достаточно мягким, а то и вообще условным. Практически во всех оккупированных странах Европы нацисты сохранили существовавшую там национальную полицию.

Так было и в Норвегии, где подавляющее большинство полицейских добровольно присоединилось к Видкуну Квислингу, главе местных коллаборационистов. А министр полиции Ионас Ли одновременно был шефом германских СС в Норвегии (с 21 июля 1942 г. – *Germanische SS Norge*)¹².

«В Дании вплоть до 1944 г. власть вообще сохранялась за социал-демо-

кратическим правительством. Суверенитет страны фактически не затрагивался: помимо национальных вооруженных сил, парламента, демократической системы выборов сохранились и местные полицейские органы. Полицейскими силами страны руководили министры внутренних дел Кнуд Кристенсен и Йорген Йоргенсон.

Лишь в сентябре 1944 г. немцы распустили датскую полицию, поскольку ее сотрудники не принимали активного участия в подавлении антинемецких забастовок. Ее место занял Вспомогательный полицейский корпус (*Hjpo korpset*), сформированный из местных нацистов и ветеранов Восточного фронта.

Даже в Протекторате Богемия и Моравия (оккупированная часть бывшей Чехословакии), который, строго говоря, считался неотъемлемой составляющей „Великогерманской империи“, вплоть до конца войны была сохранена прежняя полицейская структура»¹².

Справедливости ради стоит отметить, что один из руководителей чешской полиции, министр внутренних дел генерал Алоис Элиаш, связанный с движением Сопротивления, был арестован гестапо и казнен¹².

Но в целом западная либеральная демократия удивительно толерантная система. Она спокойно уживалась с фашизмом, не претерпевая практически никаких изменений и не ощущая серьезных неудобств. И не доставляя их оккупантам. Так, «в 1944 году начальник планового управления имперского министерства вооружений докладывал, что, несмотря на занятость в военной промышленности 30 миллионов немецких и 7 миллионов иностранных рабочих, выпуск текущей продукции ни в один из периодов не испытывал каких-либо серьезных нарушений из-за саботажа или пассивного сопротивления.

Об активном сопротивлении речь не шла вообще.

Когда на Нюрнбергском процессе министра вооружений Третьего рейха графа А. Шпеера спросили, большой ли вред его ведомству приносили саботажники (другими словами, участники Сопротивления), он не задумываясь ответил: „Так, особо не досаждали...“»¹³.

Западные исследователи, В. Варлимонт в частности, чья цитата приводится выше, так и не поняли, что необременительный мир после незначительного сопротивления был самым большим унижением, которому только могла подвергнуться Европа.

Не знаю, понимают ли это сами европейцы? Но это их проблема. Нас же интересует несколько иное. А именно, в чем причины столь явного отсутствия серьезного сопротивления со стороны союзников? Ведь сами немцы не ожидали столь ошеломительного успеха. И не планировали столь быстрого осуществления своих чаяний. Недаром военную кампанию на Западе 1940 г. многие называют «Блицкриг без блицкрига».

В рамках рассматриваемой проблемы ответ на этот вопрос представляется принципиальным.

Как известно, отвечать на вопрос не совсем вежливо. Тем не менее зададимся вопросом: что осталось бы от Европы в случае того сопротивления, которое действительно могла оказать союзная армия германскому вермахту? Ответ: НИЧЕГО! Ни заводов, ни продукции, так необходимой для набирающей обороты военной машины Третьего рейха, ни сотрудничества, без которого невозможно было заставить весь европейский промышленный комплекс работать как единое целое в интересах Германии. Ничего.

Какой тогда смысл воевать?

В том-то и дело, что кампания на Западе имела смысл только в том случае, если весь промышленный потенциал Европы попадал в руки А. Гитлера в целости и сохранности. А это невозможно при нормальном ведении военных действий, когда каждый дом – крепость. Впрочем, это для нас подобное ведение военных действий нормальное. На Западе все несколько иначе. «Как можно бомбить частную собственность?»

С другой стороны, в условиях демократии, всяких там парламентских дискуссий, социальных гарантий, профсоюзов и прочих «благотупостей» привести весь разрозненный конгломерат государств к некому единому знаменателю и заставить работать в едином ритме практически невозможно. Здесь нужны иные подходы. Режимы мобилизационного типа с подобными задачами справляются гораздо лучше. Ну, не отказываться же, в самом деле, от демократии. То ли дело оккупация.

Таким образом, война на Западе представляется ничем иным, как способом создания гигантской финансово-промышленной корпорации, в которой господствует «новое мышление».

Естественно, Германия в этой корпорации владела (на некоторое время) контрольным пакетом. Стоит заметить, что когда время «председательства» Германии в общеевропейской финансово-промышленной корпорации подошло к концу, то есть после высадки союзников в Нормандии, имущество было передано новому «совету директоров» также в целости и сохранности, без особых эксцессов.

Для сравнения приведем фрагмент боевого донесения штаба 53-й армии командованию Степного фронта на 8.00 25 сентября 1943 г.: «Противник отходит в юго-западном направлении. Его части прикрытия пытаются оказывать сопротивление действиям наших войск.

Отходя, противник сжигает населенные пункты, урожай на полях, уводит скот и население...»¹⁴.

Как видим, ничего похожего.

С другой стороны, необременительная военная кампания – наилучший способ привести в порядок вооруженные силы, довести их численность до нужного уровня, дать почувствовать солдатам вкус настоящей победы, понюхать порох, потренировать штабы всех уровней в планировании и проведении крупных наступательных операций, организации взаимодействия, а также многое другое, что крайне проблематично в мирное время. Кроме того, западные страны получили возможность совершенно законно, с точки зрения «хорошего тона» (проиграли же!), передать в распоряжение победителя весь свой потенциал, включая технику и вооружение. Чешские танки, например, до Сталинграда доехали. К слову сказать, до Берлина было ближе.

Только один фактор не был учтен руководством Третьего рейха – что на все это потребуется всего два месяца. Это было катастрофически мало для настоящей подготовки к настоящей войне. Кроме техники и вооружений, кроме многочисленной и обученной армии для ведения войны необходимы стратегические запасы продовольствия, которых у Германии не было. Их нужно было создать, в том числе и за счет завоеванных европейских стран. Но вот именно этого ресурса у Европы было недостаточно. Разумеется, ее можно было просто ограбить, воспользовавшись правом победителя. Но это одноразовая акция. И после нее – прощай сотрудничество. И движение Сопротивления по полной программе, а не то, что таким называлось в действительности.

Германии необходима была передышка как минимум в два года. Но ни-

кто и не собирался давать А. Гитлеру возможность подготовиться по-настоящему.

Во-первых, это никак не входило в планы тех, кто всю эту игру затеял.

Во-вторых, СССР тоже не стоял на месте. Перевооружение Красной армии должно было завершиться к 1942 г. К этому же сроку должны были быть завершены работы по строительству и оборудованию новой линии укрепрайонов. А это означало, что любые планы по расширению жизненного пространства на Восток теряют смысл ввиду их невыполнимости. Все, чем располагал А. Гитлер в плане времени, – не более одного года. Максимум ресурсов при минимуме времени на их освоение плюс дефицит продовольствия. При доведении численности вермахта до 7 млн чел. (на 22 июня 1941 г. – 7 234 000 чел., если быть точным) – катастрофический дефицит*.

Разумеется, это была далеко не единственная причина нападения на СССР. Но весьма существенная. Отсутствие альтернативы – лучшая гарантия того, что все сработает как надо.

Довольно любопытная позиция с точки зрения Игры. Стратегическая жертва, принесенная Западом на алтарь своей будущей победы, позволила Германии из «Фигуры» превратиться в почти настоящего «Игрока». Однако коридор возможностей, несмотря на огромные материальные ресурсы, в силу названных причин был крайне узок.

Таким образом, первый ход нового игрока был безальтернативным. Хочешь выжить – ломай все игровое пространство и создавай новое. Именно поэтому «почти». У настоящего игрока всегда есть выбор. У Германии после победоносной кампании на Западе альтернатив, кроме нападения на СССР, не было вообще.

Советский Союз был не в лучшем положении. Огромные потенциальные возможности еще только предстояло реализовать на практике, но молниеносная кампания Германии в Европе ясно показала: не успеваем. В результате и нам, и Германии пришлось осваивать имеющийся ресурс уже в ходе вооруженной борьбы, понеся при этом неисчислимые потери. Сам факт начала вооруженной борьбы на Восточном фронте именно с этих позиций предполагал затяжной и крайне напряженный характер конфликта. Результатом данной комбинации должно было быть полное уничтожение одного участника конфликта и катастрофическое ослабление другого. В идеале первыми должны были быть немцы, а вторыми – мы.

Лучше всего данную позицию сформулировал Г. Трумэн, в то время сенатор от Демократической партии. Он сказал: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя мне не хочется ни при каких обстоятельствах

* На самом деле голод Германии не грозил. В Рейхе были созданы внушительные запасы продовольствия: на 1 сентября 1939 г. 8,8 млн т. Однако этот запас стремительно таял. В 1940 г. он составлял уже 7,7 млн т.; в 1941 г. – 3,8 млн т. Снижение потребления после победоносной войны могло породить серьезные внутренние проблемы. Таким образом, война и именно с Россией, где можно было серьезно пополнить запасы продовольствия, была единственной альтернативой возможным внутренним проблемам.

видеть Гитлера в победителях. Никто из них не думает выполнять свои обещания»*.

Впрочем, иной вариант был также вполне приемлем, с некоторыми оговорками, разумеется.

Так заканчиваются «странные войны»

С началом военных действий на Восточном фронте Великобритания и США выступили в поддержку СССР. Знаменитая речь У. Черчилля, переданная Би-би-си 22 июня 1941 г. в 23.00, говорит сама за себя. Заявление о поддержке СССР Соединенными Штатами было сделано исполнявшим обязанности госсекретаря С. Уэллесом, который подтвердил: «Гитлеровские армии сегодня – главная опасность для Американского континента».

24 июня президент Ф. Д. Рузвельт заявил на пресс-конференции, что США окажут всяческую помощь СССР в его борьбе против Германии. На следующий день это было напечатано в центральных газетах в СССР¹⁵. С этого момента Америка оказалась самым непосредственным образом вовлечена в европейские дела и центр силы постепенно переместился из Лондона за океан. Причем проделано это было практически незаметно, с истинно британским изяществом.

Возвращаясь к высказыванию британского историка Д. Ливена стоит заметить, что серьезная попытка вовлечь США в европейские дела, была принята еще раньше.

Так, 15 апреля 1939 г. президент США Ф. Рузвельт обратился по телефону к Гитлеру и Муссолини, призывая дать обещания воздержаться в течение 10 лет от нападения на перечисленные в его обращении 31 государст-

во. Рузвельт предлагал начать политические переговоры, которые должны были завершиться установлением необходимых гарантий мира. Президент выражал готовность выступить посредником созыва конференции держав, заинтересованных в мирном сотрудничестве¹⁶.

Инициатива была немедленно поддержана правительством СССР, а чуть позднее Великобританией и Францией. Но тогда не получилось.

Оригинальный дипломатический маневр, предпринятый Германией, свел на нет все попытки созвать мирную конференцию. Германия, используя своих официальных представителей в малых странах Восточной и Центральной Европы, а также в странах Прибалтийского региона, провела своеобразный «социологический опрос» на тему: «Считают ли эти страны, что Германия угрожает их безопасности?». Ответ был, разумеется, вполне прогнозируем. Довершая разгром американской инициативы, Гитлер торжественно пообещал не нападать на Соединенные Штаты. Американская дипломатия, obviously выражаясь, села в лужу.

Однако сам факт провала мирного посредничества послужил хорошим поводом для начала демонтажа политики изоляционизма. Рузвельт предложил конгрессу в спешном порядке пересмотреть закон о нейтралитете. В беседе с представителями печати он за-

* Оригинальный текст (англ.): "If we see that Germany is winning we ought to help Russia and if Russia is winning we ought to help Germany, and that way let them kill as many as possible, although I don't want to see Hitler victorious under any circumstances. Neither of them thinks anything of their pledged word" // New York Times. 24.06.1941.

явил, что этот закон на деле оказывается на руку агрессорам и лишает их жертвы справедливой помощи¹⁶. В скором времени необходимые коррективы в законодательство были внесены. Правда, для этого потребовались более весомые аргументы, чем просто провал американской дипломатии. Пришлось пожертвовать частью Шестого флота ВМС США. Но игра того стоила.

В связи с описанной выше инициативой американского президента вырисовываются два любопытных момента:

Первый: в числе государств, перечисленных в послании, был и Советский Союз. С одной стороны, казалось бы, все правильно. США, как и подобает подлинно демократической державе, заботятся обо всех государствах, которые могут подвергнуться агрессии, независимо от их политической и идеологической ориентации, а с другой – у нас тогда не было общей границы с Германией. И не только у нас.

Так в чем же дело? Что это, неуклюжая попытка американской дипломатии вмешаться в европейские дела или блестяще проведенная комбинация, рассчитанная на вполне определенный результат? Если отвлечься от эмоций, то в послании, по сути, четко обозначен будущий театр военных действий.

Вспомним, что после Первой мировой войны Европа должна была Америке свыше 10 млрд долл. По тем временам сумма невообразимая. Новое предприятие сулило еще более фантастические прибыли. Разумеется, необходимы были срочные меры по подключению к процессу. И ведь все получилось!

Второй момент касается истинного отношения заинтересованных сторон, в частности Великобритании, к данной инициативе. Это отношение было высказано вскользь на встрече высокопоставленных британских политиков сэра Гораса Вильсона, сэра Джозефа Болла и г-на Хадсона* с представителем Рейха, сотрудником ведомства по осуществлению четырехлетнего плана Германии К. Вольтатом, состоявшейся практически одновременно с подписанием договора о ненападении между СССР и Германией. Следует заметить, что встреча была организована по инициативе британской стороны¹⁷.

В своем отчете о встрече К. Вольтат отмечает, что «...англичане, видимо, хотят создать новую платформу для рассмотрения вопросов, возникающих между Германией и Польшей. После установления взаимопонимания на широкой основе между Германией и Англией для последней вопрос о Данциге играл бы уже второстепенную роль»¹⁸.

Правда, все договоренности предполагались в контексте неприменения военной силы как инструмента разрешения политических споров, о чем говорят 1-й и 2-й пункты предложений сэра Гораса¹⁸.

При обсуждении этих пунктов и прозвучала фраза г-на Хадсона о том, что он предпочел бы обсуждать все это в тихой и спокойной обстановке, а не на какой-нибудь мирной конференции. Ни о каких других конференциях, кроме предложенной США в апреле 1939 г., речи тогда не шло. Следовательно, говорили именно об этом. Отсюда можно сделать вывод – реальный

* Вильсон Горас – главный советник правительства по вопросам промышленности Великобритании; Джозеф Болл – деятель консервативной партии Великобритании; Р. Хадсон – министр внешней (заморской) торговли Великобритании.

результат американской инициативы заключался вовсе не в созыве какой-либо конференции. Обсуждать никто и ничего не собирался. Это был лишь повод для реализации более серьезно-го и далеко идущего плана.

По-видимому, и прорыв изоляционистского барьера, отделявшего США от остального мира, не мог быть главной целью. В случае развития ситуации по мирному руслу этот прорыв терял всякий смысл. Более того, был чреват убытками. Только война, и притом большая война, могла принести реальные и к тому же быстрые результаты, так необходимые американской экономике для преодоления последствий Великой депрессии.

Автор труда «Хорошая война: Устная история Второй мировой войны» С. Теркел приводит мнение одного из своих соотечественников: «Почти весь мир во время этой войны испытал страшные потрясения, ужасы и был почти уничтожен. Мы же вышли из войны, имея в наличии невероятную технику, орудия труда, рабочую силу и деньги. Для большинства американцев война оказалась забавой... Я не говорю о тех несчастных, которые потеряли своих сыновей и дочерей. Однако для всех остальных это было чертовски хорошее время»¹⁹.

Впрочем, «странности» на Западном ТВД продолжались на всем протяжении войны, вплоть до ее окончания. Вот лишь один пример.

Командир 2-го батальона 49-го панцергренадерского (моторизованного) полка СС «Де Рюйтер» (из состава дивизии СС «Нидерланд») штурмбанфюрер Петерсен вспоминал о том, как их часть рвалась на Запад, в американскую зону, чтобы избежать русского плена.

3 мая 1945 г. в районе городка Пархим полк получил приказ создать рубеж обороны, «чтобы остановить движение русских, пока все немецкие части не пересекут демаркационную линию».

Вскоре появилась колонна из 12 русских танков и оказалась в ловушке в низине у мель

ницы, перед разрушенным мостом, попав под огонь штурмовых орудий, расстреливавших их в упор.

«Тем временем со стороны Пархима вдруг появились две бронемашины с белыми звездами на бортах. Они были высланы вперед с огневой позиции полевых орудий в качестве наблюдателей. Солдаты в окопах зашептались: „аами“ здесь, они помогут нам в бою против русских.

Обе бронемашины остановились на дороге. Открылись люки. Из них на шоссе выпрыгнули два офицера американской 7-й танковой дивизии и направили свои бинокли в сторону разворачивавшегося неподалеку сражения. Это продолжалось какие-то секунды, хотя нам они казались вечностью. Затем оба американца опустили бинокли и подняли руки в военном приветствии. Оно было адресовано нам, и многие из нас ответили на него... Обе оливково-зеленых бронемашины с большими белыми звездами на боку, взревев моторами, повернули назад, к Пархиму. Начальник разведки американской 7-й танковой дивизии мог доложить, как далеко еще русские находятся от демаркационной линии»²⁰.

Особенно показательны здесь надежды немцев (на уровне обыденного сознания, как нечто само собой разумеющееся!) на помощь со стороны одного из членов антигитлеровской коалиции против другого члена коалиции... Весьма показательно и поведение американцев, и тоже на уровне «обыденного» сознания: они были уверены, что немцы не развернут хотя бы одно орудие против них.

Однако вернемся к переговорам К. Вольтата с представителями британской элиты в 1939 г.

Был здесь еще один любопытный момент, может быть, и не относящийся прямо к исследуемой теме. Это замечание сэра Гораса о том, что «...не следует допускать, чтобы о переговорах узнали те лица, которые в принципе враждебно относятся к установлению взаимопонимания. Францию и Италию мы поставим в известность позднее, если в этом возникнет необходимость»¹⁷.

Это к вопросу о союзниках, стратегических партнерах, как сказали бы сегодня, к которым высокие договаривающи-

еся стороны относятся как к досадному обременению. Гитлер избавил Великобританию от этого обременения довольно скоро. Англо-американские войска оказали ему ответную любезность несколько позднее, выведя из игры Италию.

В связи с этим возникает вопрос. Насколько искренними были заявления лидеров Англии и США, сделанные ими после нападения Германии на нашу страну, учитывая те усилия, которые были предприняты ими же ранее для создания данной ситуации? Уж если к своим так относятся, то нам чего ждать? Ответ на удивление прост: они были абсолютно искренними.

Во-первых, никто не собирался потакать А. Гитлеру в его стремлении к мировому господству. И без него претендентов хватало. В его задачу входило превращение Европы в огромную промышленно-финансовую корпорацию, работающую как единый организм, и максимальное ослабление СССР в ходе военного конфликта. После этого он должен был сойти со сцены. Ему позволили поиграть, но выигрыш предусмотрен не был ни при каких обстоятельствах. В этом плане фашистская Германия была «одноназовым инструментом».

С Советским Союзом также было все ясно. После «сокрушительной» победы СССР будет вынужден согласиться на условия союзников в обмен на экономическую помощь Запада (включая США, разумеется). Без этой помощи восстановить разрушенное войной хозяйство будет попросту невозможно. Что и требовалось доказать.

В свое время Н. Ротшильд сказал: «Дайте мне контроль над финансами страны, и мне будет все равно, кто сидит в правительстве».

Деловые и политические круги США и Англии не сомневались, что контроль над финансами СССР будет получен

так или иначе ввиду абсолютной безвыходности ситуации. Остальное, как говорится, дело техники.

Во-вторых, превратить А. Гитлера в настоящего игрока (ну, почти настоящего), завершив тем самым инициацию (а в другом качестве он был просто не нужен), можно было лишь одним способом: полностью развязать ему руки, оставив один на один с реальностью, то есть выступить против него на стороне СССР. Хотел сыграть – попробуй! При этом реальность оказывалась вовсе не такой, как представлялось фюреру Третьего рейха.

21 июня, прогуливаясь по крокетной площадке в саду Чекерса, У. Черчилль делился своими мыслями со своим личным секретарем Колвиллом: «Надежды Гитлера, заручиться содействием правых в Англии и США, упования на их помощь в войне с СССР ошибочны. Наоборот, Англия окажет всемерную помощь СССР»²¹.

Кроме того, быстрый разгром Советского Союза, если бы таковой имел место, означал бы полное крушение планов по созданию нового игрового пространства. Ведь тогда пришлось бы браться за дело самим, что никак не входило в планы западной элиты. Само игровое пространство при этом было бы разорено до основания. Все предприятие теряло всякий смысл. К тому же еще и победить нужно.

Таким образом, союзники искренне сопереживали нашим неудачам и так же искренне радовались нашим победам. Их помощь, как финансовая, так и материальная, хоть и не имела решающего значения, была крайне важна для нас. И мы помним об этой помощи. Правда, Россия до сих пор выплачивает долг по ленд-лизу. И будет расплачиваться до 2030 г.

Одного только не учли наши союзники и партнеры по антигитлеровской коалиции: мы сможем не только побе-

доть, понеся при этом неисчислимые потери, но и самостоятельно восстановить все, что было разрушено войной, серьезно затруднив окончательную реализацию проекта по переформатированию существующего мироустройства на основе «господства высшего разума». Именно благодаря усилиям СССР мир еще долго развивался, повинаясь «игре свободных сил».

Он и сейчас так развивается, по крайней мере, там, где действительно стремятся к развитию. Однако все события, произошедшие в мире после развала СССР, наглядно показывают, что есть и другие процессы. Проект, некогда предъявленный миру нацистами, никуда не делся. Да, претерпел известные коррективы с учетом существующих реалий. Но не более того.

Вот цитата из официального документа *Die europäische Friedensidee 1944/1945*: «Германия ведет эту войну ради создания Европейской конфедерации как ассоциативного и социалистического сообщества народов Европы».

В соответствии с этим планом предполагался «отказ от всякой претензии на немецкое господство вне естественных этнических границ расселения немецкого народа... Создание Соединенных Государств Европы на основе равенства прав всех вошедших в них народов».

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы.

1. Вторая мировая война была частью «Игры» в ее современном толковании. Ведь борьба за мировое господство началась не сегодня и не вчера. И называлось это очень похоже.

В этом плане неизбежность нового глобального конфликта была фактически запрограммирована самой Версальской системой.

Игровое пространство, возникшее в результате Первой мировой войны, и те правила, которые при этом установились, не в полной мере отвечали интересам основных игроков. Для реализации этих интересов его необходимо было существенным образом переформатировать, то есть, пользуясь современной терминологией, осуществить перезагрузку.

В тех условиях данная проблема «парламентскими» способами не решалась. Пришлось создавать инструмент решения проблемы – нацистскую Германию, затем подвести ее к игровому пространству и дать сыграть, не очень внятно объяснив правила.

Подчинение всех национальных точек зрения этой великой общей цели»²³.

Данный документ родился в недрах Верховного командования СС и подписан лично Гиммлером.

По сути (не по форме, разумеется), это практически ничем не отличается от современной политической платформы Социнтерна. Особенно если иметь в виду основные направления деятельности Совета Европы, а также консультативного комитета регионов ЕС по децентрализации государства и их переформатированию в «Европу регионов и племен»²⁴.

Доктор политических наук В. Б. Павленко, ссылаясь на работы Д. Эстулина, проводит интересную параллель с планом «Марбург», разработанным в США в начале XX в. Планом предусматривалась трансформация капитализма в социализм через монополию и создание на этой основе «синархистского» («глобального нацистского») движения, объединяющего социалистов и банкиров²⁴.

Так именно это и делается! Спокойно и целенаправленно.

Следовательно, «Большая игра» продолжается? Разумеется. Ведь она, если верить Киплингу, закончится только тогда, когда все умрут. А мы еще живы!

В какой-то момент немцы и правда поверили, что *Deutschland, Deutschland, über alles*. Но это было не так. Их интересы вообще никого не волновали. Равно как и чьи бы то ни было, включая ближайших союзников. Ставки, нужно полагать, были настолько высоки, что ради достижения цели пожертвовать можно было всем. Всем и жертвовали.

2. «Странная война», да и вся кампания на Западе, была не чем иным, как ходом в этой «Игре». Гениальным ходом, нужно заметить. Подставиться под удар, сыграть роль жертвы, отдав при этом весь европейский промышленный потенциал в руки агрессора, и победить, вынудив последнего на самоубийственный ход, – это поистине гениально.

Ведь, несмотря на весь драматизм начального периода Великой Отечественной войны, у Гитлера не было и тени шанса на победу. Правда, для нас это была вовсе не игра. И для тех англичан, что тонули в конвоях, сгорали в кабинах своих «Спитфайров» и погибали под бомбами в Лондоне и Ковентри, это тоже не являлось игрой.

Для нас и для них все было по-настоящему. Более чем. И об этом следует помнить. Как помнить и о том, что для сильных мира сего это не имело ни малейшего значения. Ни тогда, ни теперь.

А значит, коль скоро этот параметр не изменился, все может повториться. Ведь забыли же на Западе, кто все это остановил. И какой ценой.

3. Страны Западной Европы, в подавляющем большинстве, вполне сносно уживались с нацистским режимом при условии сохранения демократических институтов.

Как уже было сказано, практически везде на Западе, включая и оккупированную часть Чехословакии, была сохранена национальная полиция в том виде и составе, в котором она существовала до оккупации. А кое-где и национальная армия, парламент, свободные выборы. И все это добросовестно работало на нужды Рейха.

Скорее всего в сознании среднестатистического европейца форма гораздо важнее содержания.

Это очень похоже на современный тезис о самоценности демократии. А если так, то не все ли равно, кто именно ее гарантирует?

4. Говоря о «Странной войне», нужно иметь в виду не только промежуток времени с 3 сентября 1939 г. по 10 мая 1940 г. Вся война на Западном ТВД изобиловала странностями. Правда, странным это кажется только с точки зрения здравого смысла. С точки зрения «Игры», наоборот, все очень логично.

Разумеется, жизнь не сводится только к Игре, пусть даже и большой. Она гораздо сложнее и многограннее. Эта безусловная сложность не позволяет всегда с однозначной точностью спрогнозировать те или иные последствия очередного хода, сделанного тем или иным игроком.

Тем опаснее попытки свести нашу жизнь исключительно к Игре, а пространство, населенное народами, имеющими свою самобытную историю, культуру и свой взгляд на жизнь, – только к шахматной доске. Ведь игра есть игра. Она непредсказуема по своей природе, а значит может привести к большому проигрышу. Всех.

5. Между тем «Большая игра» продолжается. Просто теперь нет необходимости прятаться за литературными терминами. Сейчас это называется просто – борьба за мировое господство или, с легкой руки Буша-младшего, «Новый мировой порядок». В своем классическом контексте, то есть в рамках евразийского пространства, и особенно его южной и юго-восточной части, это (по Бжезинскому) стратегическое управление геополитическими интересами.

Подобная постановка вопроса вовсе не снимает с повестки дня опасность возникновения нового глобального конфликта. Скорее наоборот. Достаточно ознакомиться с названием новой Стратегической концепции НАТО-2020 «Обеспеченная безопасность; динамическое вмешательство»²⁵. Да и в тексте есть весьма любопытные моменты.

Например: «...Затяжные неурядицы существуют на Кавказе и Балканах. Они требуют постоянного международного внимания»²⁵.

Наряду с декларацией того, что Россия не рассматривается сегодня как угроза, тем не менее делается акцент на том, что, поскольку «...будущую политику России в отношении НАТО трудно предсказать, союзники должны идти по пути сотрудничества, в то же время сохраняя бдительность в отношении возможного решения России двигаться в более враждебном направлении»²⁵.

Звучит весьма многообещающе. Далее авторы доклада прогнозируют развитие событий и роли НАТО в районе Центральной Азии, на Среднем Востоке и в Тихоокеанском регионе.

«Враждебное направление», нужно понимать, это наличие у России своих стратегических интересов в означенных районах. Есть и ряд других, заслуживающих внимания моментов.

Например, расширение НАТО за счет Грузии и Украины не снимается с повестки дня в новой концепции, что, конечно же, «укрепит» наши отношения с этой организацией.

По всей видимости, Альянс вполне созрел для того, чтобы из инструмента «Игры» превратиться в ее субъекта.

Все атрибуты – флаг, гимн, герб, военно-политическая составляющая и многое другое – налицо. А территории нет. Внутерриториальное государство с глобальными амбициями.

Очень современно. А почему бы и нет? Играть так играть.

Примечания

¹ Военная энциклопедия. В 8-ми томах. Т. 7. М., 2003. С. 669.

² *Mason D. The Phoney War // History of the Second World War. London, 1966. Vol. 1. № 4 3/6. P. 85–89 // Цит. по: От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны. М., 1992. С. 81, 83, 84.*

³ *Литвиненко В. «Странная война на Западе 1939–1940 год: военная катастрофа или ход в „Большой игре“?» // Обозреватель-Observer. 2011. № 2.*

⁴ *Органы Государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 1995. Т. 1. Кн. 1. С. 374–375.*

⁵ Из письма военного атташе СССР в Германии в отдел внешних сношений Наркомата обороны СССР о встрече с военным атташе Турции майором генштаба Ками Акманом. РГВА. Ф. 33987, оп. 3, д. 1305, л. 69 с. // Цит. по: Военная разведка информирует. Январь 1939 – июнь 1941. Документы. М., 2008. С. 263–264.

⁶ *Upton A.F. The Phoney War // History of the Second World War. London, 1966. Vol. 1. № 5 3/6. P. 123–140 // Цит. по: От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны. М., 1992. С. 119, 120.*

⁷ Сводка Пятого управления РККА по событиям на Западе. РГВА. Ф. 33988, оп. 4, д. 35, л. 335с. // Цит. по: Военная разведка информирует. Январь 1939 – июнь 1941. Документы. М., 2008. С. 313–314.

- ⁸ Военная энциклопедия. В 8-ми томах. Т. 8. М., 2004. С. 290, 291.
- ⁹ Warlimont W. Inside Hitler's Headquarters // History of the Second World War. London; 1966. Vol. 1. № 10 3/6. P. 247–277 // Цит. по: От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны. М., 1992. С. 136.
- ¹⁰ Кадры, которые стали национальным позором Франции // <http://svpressa.ru/war/photo/6743>
- ¹¹ Борьба с фашизмом по-французски... <http://szhaman.livejournal.com/219207.html>
- ¹² Жуков Д., Ковтун И. Русская полиция // <http://lib.rus.ec/b/205915/read>
- ¹³ Борисов С. Операция «Валькирия» и другие // <http://komsomol.ucoz.kz/publ/11-1-0-350>; Шумейко И. Н. Вторая мировая. Перезагрузка. М.: Вече, 2007. С. 53.
- ¹⁴ Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 240, оп. 2779, д. 44, л. 318.
- ¹⁵ Правда. 1941. 25 июня.
- ¹⁶ История дипломатии. В 3-х томах. М.-Л., 1945. Т. 3. С. 664–665, 667.
- ¹⁷ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. Документы и материалы. М., 1971. С. 508–515.
- ¹⁸ Год кризиса, 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. М., 1990. С. 131, 132.
- ¹⁹ Terkel S. The Good War: An Oral History of World War Two. N.Y., 1985. P. 575. Цит. по: Александер Ч. С. Хорошая ли это была война для Америки? // Союзники в войне 1941–1945. М., 1995. С. 324.
- ²⁰ Шойфлер Х., Тике В. Марш на Берлин. 1944–1945. М., 2005. С. 564.
- ²¹ Волков Ф. Д. За кулисами Второй мировой войны. М., 1985. С. 126.
- ²² Военная энциклопедия. В 8-ми томах. М., 1999. Т. 4. С. 420.
- ²³ Идея мира для Европы 1944/1945 // Цит. по: Парвулеско Ж. Путин и евразийская империя. СПб., 2006. С. 111, 112.
- ²⁴ Павленко В. Б. Мифы «устойчивого развития». Глобальное потепление или ползучий переворот? // Обозреватель-Observer. 2010. № 9. С. 29.
- ²⁵ Штоль В. В. Армия «Нового мирового порядка». М., 2010. С. 301, 305, 306.

Russian's business negative image: Who is to blame?

O. Mushtuk

The article proves that negative perception of Russian business by public comes from the nature of entrepreneurs, dominance of deviant forms of their business activities, making money at all costs.

Key words: Tax evasion. «Dirty» cash. Offshore paradise. Outrageous prices. Piracy products. Office slavery.

About the author: MUSHTUK Orest Z. – Head. Department of Political Science, Professor Moscow Financial-Industrial Academy. E-mail: Mushtuk@mail.ru

Image of the officer's corps of the Russian army by Mass media

D. Krutilin

Carrying out the sociological analysis of some publications of mass media about personnel structure of Armed forces of the Russian Federation the author elucidates some features of image of the officer's corps of the modern military organization of the state formed in public consciousness are shined.

Key words: image; officers; mass media.

About the authors: Krutilin Dmitry Sergeevich – the research assistant of branch of information-analytical work of the Research center (sociological) Armed forces of the Russian Federation.

Unconscious the Russian political elite: archetypes and complexes

A. Zadoin

Considering the role of unconscious in political processes and actions of politicians, the author notices that politicians ignore knowledge of psychology of the person and a society.

Key words: social and individual psychology, unconscious, a reflexion

About the authors: ZADOHIN Altxandr G. – doctor of political sciences.

Crimes of terrorist character on the sea as threat of Russian Federation national security

S. Markov

Having specified in the particular geopolitical position of Russia, connected with the huge area of its sea spaces, a universal tendency of the World ocean development, and also rivalry between the states in this area, the author considers crimes of terrorist character against objects carrying out sea activity on water spaces of the Russian Federation and the high sea, as actual threat of national security.

Key words: security maritime activity, maritime terrorism crime, safety of a water transport complex, security of maritime navigation, maritime terrorism, piracy, capture of vessels, capture of hostages.

About the author: Markov Sergey Nikolaevich – the post-graduate student of legal university.

Mission and Representation in the Contemporary System of the Foreign Establishments of the Russian Orthodox Church

O. Tserpitskaya

In the article the analysis of Mission's and Representation's role and place in the modern system of the Russian Orthodox Church's Foreign establishments is presented, as well as their creation reasons, aims and differences between them are examined. Also the main actual directions of the Russian Orthodox Church international activity are defined.

Key words: Russian Orthodox Church, Foreign establishments, Mission, Representation.

About the author: Tserpitskaya Olga Lvovna - associated professor of the School's of International Relations of St-Petersburg State University World Politics department.

«Social revolutions – myth or reality?»

A. Borshch

In article the social revolution, as one of political strike forms is analyzed. Social revolution types are considered, the purpose and signs of a revolutionary situation, and also ways of a fulfillment of a social revolution such, as revolution, plot, revolt, mutiny is opened.

Key words: social revolution, revolutionary situation, types of social revolutions, ways of conducting social revolutions.

About the author: Borshch Alexandr Alexandrovich – candidate of legal sciences.

The Olympic games as an object of an attack of terrorists approaches to maintenance of their safety.

V. Zhuravel

The terrorism, becoming a lasting and dangerous factor of social life, remains the biggest threat for humanity during the XXI-st Century. One of spheres where the terrorism shows high activity, is the international sports, including the Olympic games.

Key words: Modern terrorism, strategic and tactics of terrorists, international sports, The Olympic games.

About the author: Zhuravel Valery – Member of Advisory Council of Committee on Security State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, PhD of pedagogical sciences, the senior lecturer, Colonel (retired).

Current Foreign Policy Debates in the United States

O. Prikhodko

The article scrutinizes some key U.S. foreign policy issues in light of the debates that are going on in the American political and expert community. Special attention is paid to the impact that skyrocketing heavy federal debt has on U.S. security and foreign policy activities, whether it concerns Iraq or Afghanistan. American pundits' deliberations on making U.S. foreign policy more cost-effective as well as their recipes for the Administration are thoroughly analyzed. The author explores if their recommendations are being carried out in the decisions and concrete foreign policy steps by the White House.

Key words: the U.S.A., China, foreign policy, power, strength, security, international affairs.

About the author: Prikhodko Oleg Vladimirovich – leading research fellow at Foreign Policy Studies Department, ISCRAN, has Ph.D. degree.

China is on the way to the superpower. How match is left to go?

S. Lousianin, M. Mamonov

The article focuses to the China,s positions in the global and regional policy. It devoted to the controversial process of the China,s rise, relations CPR and USA, states of the Africa and Latin America, SCO, BRICS, ASEAN and other. The article analysis the theoretical and practical problems of forming the Chinese new approaches to the key issues of the security, peace and development.

Key words: China, geopolitics, USA, conflicts, East Asia, regions, BRICS.

About the author: Lousianin Sergey –professor, Deputy director of the Institute of Far Eastern Studies of RAS (IFES), prof., MGIMO University, president Oriental Studies Foundation;

Mamonov Mikhail – Head of international activities and youth exchanges of the Federal Agency for Russian Youth, senior researcher of the Institute of Far Eastern Studies of RAS (IFES).

Northern model and policy of Russia

N. Markushina

Article is devoted to the analysis of Northern security and the concept «New North», the questions of «Soft» and «Hard» security, as well as to the estimation of cooperation of countries of Northern Europe with the NATO and EU, roles of Russia and the project of «Northern Dimension».

Key words: Northern security, the concept «New North», Soft security, Hard security, the international organisations, Northern Dimension.

About the author: Markushina Nataliya – Cand. Sc. (History), St-Petersburg State University World Politics department.

Problems and complexes of the Central Asian countries

G. Rudov

The author undertook an attempt to demonstrate the emerging situation in a region close to Russia - the Central Asia, taking into account the developments taking place after the engagement of the NATO coalition forces for carrying out the antiterrorist operation in Afghanistan.

Key words: New independent states of the Central Asia (CA), Russia, Afghanistan, USA, NATO, CSTO, regional security, drug traffic, religious extremism, hydrocarbons and water resources of the region, intergovernmental relations, local conflicts.

About the author: Rudov Georgi Alexeevich – Doctor of Political Science, Professor, Advisor of the CIS Center of the ICIS of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia.

The «Strange War» in the West, 1939-1940: military catastrophe or one of the «Grate Game's» moves?

V. Litvinenko

The second part of the article is devoted to the phenomenon of so named «Strange War» - one of the initial periods of the World War II, which took place between Nazi Germany on one side and the British and French troops on the other. So the special features of this period at the West-European theatre of war till its completing are demonstrated in the work.

Key words: The World War II, Nazi Germany, fascism, the «Strange War», the Polish campaign, the French campaign, the «Big Game», world supremacy, «instability arch», extraterritorial state.

About the author: Litvinenko Vladimir Arkadjevich – the Candidate of philosophical sciences, the Research assistant of Military History's Institute of the General Staff's Academy of the RF Armed Forces.

**Требования к материалам,
представляемым для публикации в журнале «Обозреватель—Observer»
в соответствии с указаниями ВАК**

В редакцию журнала направляется статья с сопроводительным письмом по электронной почте **observer@ru.ru** или предоставляется на дискете в формате Word (с расширением **DOC** или **RTF**) вместе с распечаткой: текст дается кеглем 14 через 1,5 интервала.

Текст статьи должен быть **структурирован**.

Общий объем материала не должен превышать 18–20 тыс. знаков с пробелами.

Ссылки на источники должны даваться арабскими цифрами только на цитаты и данные, подкрепляющие информацию, и быть привязаны к тексту с указанием выходных данных, источников и страниц.

Если цитируются иностранные источники, то все данные указываются на языке оригинала.

К статье необходимо дать аннотацию (не более 500 знаков), отражающую основные идеи материала, ключевые слова и краткие сведения об авторе (фамилию, имя и отчество, ученую степень, другие звания, место работы, должность и контактные телефоны) на русском и английском языках. (Английская версия размещается на сайте журнала.)

Рисунки, графики, схемы даются в форматах JPG или EPS.

Статья и все необходимые данные должны присылаться в одном файле.

В качестве сопроводительных документов автор прилагает выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

Кроме того, автор представляет оформленный и заверенный соответствующей кадровой структурой отзыв специалиста доктора наук, содержащий рекомендацию статьи к публикации в журнале.

Оригиналы этих документов в случае принятия статьи к публикации должны быть представлены в редакцию.

Контактная информация автора может быть сообщена редакцией только с его согласия.

Требования к материалам опубликованы на сайте <http://www.rau.su>

Дизайн Юданова Н. И.

Верстка Беленький Л. М.

Интернет-издание, компьютерное обеспечение,
маркетинг, реализация, реклама

Королев Н. В.

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.

Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Подписной индекс **36789** в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Редакция не ведет переписку с авторами. Рукописи не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель—Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.

ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.

E-mail: observer@ru.ru Электронная версия: <http://www.rau.su>

Подписано в печать 14.04.2011. Формат 70×100 1/16. Печ. л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано в типографии ООО «Джей Ти Принт». Заказ № 192.